Нил Гейман

История с кладбищем

История с кладбищем
Нил Гейман

Аннотация
Нил Гейман. . ИСТОРИЯ С КЛАДБИЩЕМ
. . .
Благодарности
Предисловие автора к российскому изданию
Глава 1.
КАК НИКТО НЕ ИСПУГАЛСЯ ПОКОЙНИКОВ
Глава 2. НОВАЯ ПОДРУЖКА
Глава 3. ПСЫ ГОСПОДНИ
Глава 4. НАДГРОБИЕ ДЛЯ ВЕДЬМЫ
Глава 5. ДАНС-МАКАБР
Интерлюдия. БОЛЬШОЕ СОБРАНИЕ
Глава 6. ШКОЛЬНЫЕ ДНИ НИКТА ОУЭНСА
Глава 7. МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ
Глава 8. РАССТАВАНИЯ И ПРОЩАНИЯ
Послесловие переводчика

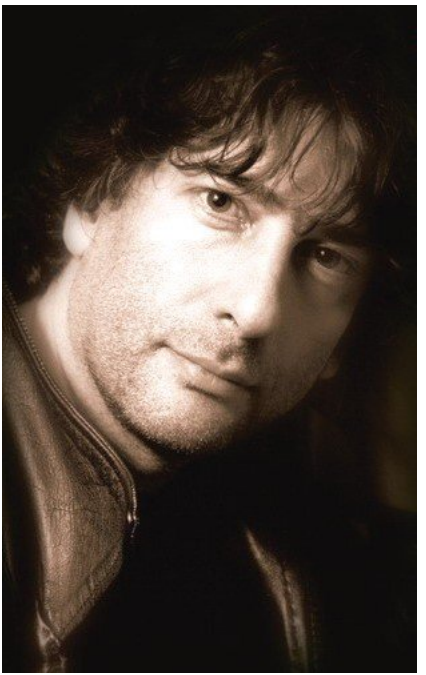
Аннотация

В ночь, когда погибла вся его семья, крошечный мальчик каким-то чудом оказывается на улице и даже добирается до старого кладбища, где находит приют на долгие годы. Обитатели кладбища, призраки, вампир и оборотень, дают мальчику имя, воспитывают и опекают его. На кладбище — и в большом, человеческом мире — его ждет множество приключений, которые помогут ему повзрослеть и полюбить мир живых, опасный, волнующий и манящий.

Нил Гейман

ИСТОРИЯ С КЛАДБИЩЕМ

...



Нил Гейман — знаменитый английский писатель, автор книг для детей и взрослых, серий

комиксов и сценариев фильмов «Зеркальная маска», «Звездная пыль», «Беовульф», мультфильма «Коралина».

Его романы и сборники рассказов стали бестселлерами и получили множество международных премий.

По словам Геймана, на создание «Истории с кладбищем» его вдохновила «Книга джунглей» Редьярда Киплинга.

«История с кладбищем» стала лауреатом премии имени Джона Ньюбери за лучшую детскую книгу.

Сайт
Нила Геймана для детей www.mousecircus.com.

Благодарности

Я в огромном, неоплатном и до сих пор отчасти неосознанном долгу перед Редьярдом Киплингом за два тома замечательной «Книги джунглей». В детстве я читал ее запоем и с тех пор неоднократно перечитывал. Если вы знакомы с историей Маугли лишь по диснеевскому мультфильму, обязательно ее прочтите.

На написание «Истории с кладбищем» меня вдохновил мой сын Майкл. Идея пришла ко мне однажды летом, когда он двухлетним карапузом катался на трехколесном велосипеде среди могил. Правда, эта идея оставалась идеей больше двадцати лет.

Когда я все-таки взялся за книгу (с четвертой главы), то продвинулся дальше первых страниц только благодаря моей дочери Мэдди, которая хотела узнать, что было дальше.

Гарднер Дозуа и Джек Дэнн первыми опубликовали «Надгробие для ведьмы». Профессор Джорджия Грилли рассказала мне о моей книге, не читая ее, и это помогло мне вывести некоторые темы на передний план.

Кендра Стаут была рядом, когда я увидел первую упырью дверь, и любезно провела меня по нескольким кладбищам. Именно она первой услышала начальные главы и прониклась невероятной симпатией к Сайлесу.

Художница и писатель Одри Ниффенеггер оказалась еще и кладбищенским экскурсоводом. Она познакомила меня с великолепным, увитым плющом Хайгейтским кладбищем. Многие из ее историй пробрались в шестую и седьмую главы.

По мере написания книгу читали мои друзья: Дэн Джонсон, Гэри К. Вулф, Джон Краули, Моби, Фара Мендельсон, Джо Сандерс и многие другие. Они делали мудрые замечания и подсказывали, что исправить. И все же мне не хватало моего лучшего критика, Джона М. Форда (1957–2006).

Изабель Форд, Элиз Ховард, Сара Одедина и Кларисса Хаттон занимались изданием книги по обе стороны Атлантики и совсем меня расхвалили. Майкл Конрой прекрасно подал ее аудиоверсию. Мистер Маккин и мистер Ридделл нарисовали чудесные и очень разные иллюстрации. Меррили Хейфец — лучший агент в мире, а Дори Симмондс успешно взяла на себя Великобританию.

Где я только не писал эту книгу: во флоридском доме Джонатана и Джейн, в корнуолльском кот-

тедже, в гостиничном номере в Новом Орлеане… Не писал только в гостях у Тори в Ирландии, потому что усиленно болел гриппом. Тем не менее Тори помогала и вдохновляла меня.

В завершение хочу сказать, что уверен лишь в одном: я забыл упомянуть не то что одно — дюжину важных для меня людей. И все-таки спасибо вам всем!

Нил Гейман

Я говорю
она умерла
а я живу, живу
я приду на кладбище
и на ночь тебе спою.
Тори Амос. «Кладбище»

Предисловие автора к российскому изданию

Мне всегда нравились кладбища.

Там так спокойно!

Редьярд Киплинг в сборнике рассказов «Книга джунглей» поселил ребенка в тропическом лесу и рассказал о том, как он вырос и вернулся к людям.

Я в своем сборнике глав-историй привел ребенка на кладбище, похожее на те, где я сам бродил в детстве, и стал наблюдать, как он растет.

Есть мнение, что эта книга о смерти и ее не следует давать детям. Я его не разделяю.

Эта книга — о ценности жизни и о том, как найти свою семью.

Я всегда хотел побывать в России. Я знаю, что здесь до того, как расселиться по миру, жили поколения многих моих предков.

Надеюсь, что однажды, в не слишком отдаленном будущем, я к вам приеду. Однажды.

До того, как умру.

Нил Гейман

Глава 1
КАК НИКТО НЕ ИСПУГАЛСЯ ПОКОЙНИКОВ

Мертвый босяк
В телеге обмяк.
Был он никто,
Вы же за то
Жалкие кости
Здесь и бросьте.
Из детского народного стихотворения

темноте появилась рука, а в руке — нож. Рукоять ножа была из отполированной черной кости, а лезвие — из твердой стали и такое острое, что рану и не заметишь. Сперва.

Нож уже почти завершил то, зачем попал в дом. Поэтому и лезвие, и рукоять были мокрыми.

В приоткрытую дверь, куда недавно пробрались нож и его хозяин, вползали космы ночного тумана.

Человек по имени Джек замер у лестницы. У него были черные волосы, черные глаза и тонкие-претонкие черные перчатки. Левой перчаткой он

вытащил из кармана черного плаща огромный белый платок, протер нож и правую перчатку, потом засунул платок обратно. Охота близилась к концу. Женщина лежала на кровати, мужчина — на полу спальни, их дочь — в детской с веселыми обоями, среди игрушек и незаконченных поделок. Остался сын, который едва научился ходить, — и все.

Человек по имени Джек размял пальцы. Прежде всего он был профессионалом — во всяком случае, считал себя таковым, — и не улыбался, пока не выполнит работу целиком.

Вторая детская была под самой крышей. Человек по имени Джек тихо поднялся по устеленным ковром ступенькам, открыл дверь мансарды и вошел. В начищенных черных туфлях, как в зеркалах, отразился крошечный месяц.

Большая луна светила в окно. Светила неярко, тонула в тумане, но человеку по имени Джек этого хватало. Более чем.

Он различил в кроватке детский силуэт: голову, руки, ноги, туловище. Перегнулся через высокий деревянный бортик — такие делают, чтобы ребенок не вылез, — поднял правую руку с ножом, нацелился в грудь…

…и опустил руку. В кровати лежал плюшевый

мишка. Ребенка не было.

Человек по имени Джек привык к слабому лунному свету и не стал включать электрический. Впрочем, в свете и так не было большой нужды: владелец ножа умел кое-что еще.

Он потянул носом воздух. Постарался отсеять запахи, которые принес в комнату сам, отмел все лишнее и сосредоточился на запахе того, за кем охотился. Он учуял ребенка: аромат молока и печенья с кусочками шоколада. Кислая, резкая вонь мокрого подгузника. Детский шампунь и еще что-то маленькое и резиновое. Игрушка? Нет, скорее, соска.

Ребенок был здесь. И пропал. Принюхиваясь, человек по имени Джек обошел весь высокий и узкий дом сверху донизу. Осмотрел ванную с туалетом, кухню, сушилку и наконец прихожую, где нашлись только велосипеды, груда пустых хозяйственных сумок, ночной подгузник да заползшие с улицы пряди тумана.

Человек по имени Джек издал негромкий звук: то ли раздраженно крякнул, то ли довольно хмыкнул. Сунул нож в ножны, вшитые во внутренний карман плаща, и вышел на улицу. Туман окутывал луну и фонари, глушил звуки, рождал обманные тени. Ниже по улице горели витрины

закрытых магазинов. На холме пряталось темное старое кладбище.

Человек по имени Джек, принюхиваясь, неторопливо пошел в гору.

Едва начав ходить, малыш стал для папы с мамой и отрадой, и досадой: еще не родился на свет другой такой ребенок, который так же любил бы ползать по дому и забираться во все укромные уголки. Этой ночью он проснулся от грохота внизу — будто что-то упало. Поскольку спать уже не хотелось, мальчик решил выбраться из кроватки. Борта у нее были высокие, как у манежа в гостиной, но перелезать через них он умел. Вот бы еще приступочку…

Мальчик оттащил в угол кроватки своего большого золотисто-рыжего мишку. Потом, вцепившись в перила ручонками, поставил одну ногу медведю на живот, вторую — на голову, подтянулся и вылез, точнее, вывалился из кроватки на пол.

С глухим стуком он шлепнулся прямо на груду мягких игрушек — подаренных на первый день рождения, меньше чем полгода назад, или перешедших по наследству от сестры. Упав, мальчик удивился, но не заплакал: если шуметь, взрослые придут и снова положат в кроватку.

Он выполз за дверь.

Подниматься по лестнице — целая наука, и мальчик ее еще не совсем освоил. А вот спускаться, как он уже давно выяснил, гораздо проще. Он сел на пухлую попку и начал плюхаться со ступеньки на ступеньку.

Он сосал резиновую соску. Мама стала почему-то говорить, что он уже большой для соски.

Мальчик бухнулся на последнюю ступеньку, встал и вышел на середину маленькой прихожей. Подгузник, который еще по пути расстегнулся, тут у него и упал. Мальчик остался в коротенькой рубашонке. Ступеньки в детскую и спальню были очень высокие, а вот дверь на улицу так и манила…

Мальчик с легкой опаской ступил за порог. Туман обнял его, как давнего друга, и мальчик потопал вверх по улице — сначала неуверенно, потом все тверже и быстрее.

На макушке холма туман редел. При свете луны было, конечно, не так светло, как днем, но рассмотреть кладбище было можно.

Взгляните сами.

Вы увидите заброшенную часовню с запертой железной дверью, увитым зеленью шпилем и маленьким деревцем, выросшим прямо в сточном

желобе на крыше. Вы увидите надгробные камни, могилы, склепы и мемориальные плиты. А вот перебежал через дорожку и шмыгнул в кусты какой-то зверек: кролик, землеройка или хорек.

Всё это вы различили бы при свете луны, окажись вы в ту ночь на старом кладбище.

Зато едва ли заметили бы бледную полную женщину, которая прогуливалась у ворот. А если б и заметили, то, присмотревшись повнимательнее, решили бы, что это лишь игра света, тумана и тени.

И все-таки женщина там была. Сейчас она как раз миновала несколько покосившихся надгробий по пути к воротам.

Ворота кладбища были закрыты. Их всегда запирали в четыре дня зимой и восемь вечера летом. Часть ограды представляла собой частокол острых металлических прутьев, остальное — высокую кирпичную стену. Между прутьями оставался небольшой зазор — слишком узкий не только для взрослого, но и для десятилетнего ребенка…

— Оуэнс! — вскрикнула бледная женщина. Ее голос напоминал шуршание ветра в осоке. — Оуэнс! А ну-ка, глянь сюда!

Она к чему-то наклонилась. В лунном свете

дрогнула тень и оказалась седеющим мужчиной лет сорока с небольшим. Мужчина посмотрел на жену, потом на то, что привлекло ее внимание, и поскреб в затылке.

— Сударыня… — начал он. (Так было положено обращаться к жене в их время.) — Может, это зрительный обман?

Объект внимания миссис Оуэнс явно ее заметил, потому что открыл рот, выронив на землю пустышку, и — невероятно! — потянулся пухлой ручонкой к бледному пальцу женщины.

— Я съем свой котелок, — заявил мистер Оуэнс, — если это не ребенок.

— Ах, конечно же, ребенок! — воскликнула его супруга. — Вопрос в том, что с ним делать?

— Боюсь, вы правы, сударыня, — отвечал ее муж. — Однако вопрос этот не нам решать. Дитя, бесспорно, живое, и, стало быть, не имеет отношения к нам и нашему миру.

— Подумать только, улыбается! Какой славненький!

Миссис Оуэнс погладила бестелесной рукой редкие светлые волосы мальчика, и тот радостно засмеялся.

Вдруг по кладбищу пронесся ледяной ветер и сдул туман с нижних склонов (дорожки кладби-

ща вились по всему холму — вверх, вниз, а иногда и по кругу). Раздался грохот: кто-то дергал ворота и теребил тяжелый навесной замок с цепью.

— Ага, — сказал Оуэнс. — Вот и родичи дитяти, которые жаждут вновь прижать его к любящей груди. Оставьте младенца в покое! — добавил он, видя, что миссис Оуэнс обвила ребенка бесплотными руками и гладит по голове.

— Ох, не похож он ни на чьего родича! — проговорила она.

Человек в черном плаще устал трясти ворота и подошел к боковой калитке. Та оказалась тоже тщательно заперта. В прошлом году на кладбище был случай вандализма, и городской совет принял меры.

— Пойдемте, сударыня. Оставьте его, сделайте любезность!

Вдруг мистер Оуэнс раскрыл рот и замолчал. Он увидел привидение.

Казалось бы — и если вам тоже так кажется, вы совершенно правы, — призрак не должен был так уж изумить мистера Оуэнса. Ведь и он сам и миссис Оуэнс покоились с миром уже несколько сотен лет и всё это время имели дело лишь с себе подобными — то бишь с мертвыми. Однако это привидение совсем не походило на обитателей

кладбища — странно дрожащее, серое, как экран телевизора, когда тот «рябит». Его паника волнами захлестывала все вокруг, включая самих Оуэнсов. На самом деле призраков было три: два контура покрупнее, один поменьше, но четко виднелась лишь одна фигура.

— Мой сын! Он хочет убить моего сына!

Что-то загремело. Мужчина поволок тяжелую металлическую урну через дорогу, к ограде кладбища.

— Защитите моего ребенка! — взмолился призрак, и миссис Оуэнс решила, что это женщина.

Мать, конечно же.

— Что он с вами сделал? — спросила миссис Оуэнс, хотя не была уверена, слышит ли та ее.

Только что скончалась, бедняжка! Куда легче отходить тихо, чтобы потом проснуться там, где тебя похоронили, смириться со смертью, увидеть своих соседей. А это существо состояло из одного только страха за ребенка. Страх, словно крик, звенел в ушах Оуэнсов и привлекал внимание остальных здешних обитателей. Бледные фигуры потянулись к ним со всего кладбища.

— Кто ты? — обратился к призраку Гай Помпей.

Ветер и дождь давно превратили его надгроб-

ный камень в простой валун. Две тысячи лет назад Гай Помпей попросил, чтобы его тело не отсылали в Рим, а похоронили на холме у мраморного храма. Теперь, как один из старейших покойников на кладбище, он очень ревностно относился к своим обязанностям:

— Твое тело покоится здесь, женщина?

— Да нет же! Вы посмотрите, она только что умерла! — Миссис Оуэнс одной рукой обняла женскую фигуру и принялась ее тихо увещевать.

От высокой стены между кладбищем и улицей донесся стук, а потом грохот. Урна покатилась. На краю ограды, на фоне размытых туманом фонарей возник темный мужской силуэт. Мужчина ненадолго замер, а потом спустился по стене, цепляясь руками и болтая ногами. За несколько футов до земли он разжал руки и спрыгнул.

— Но, милочка, — обратилась миссис Оуэнс к фигуре. Из трех осталась уже одна. — Он живой. Мы — нет. Как вы себе это представляете…

Ребенок озадаченно смотрел на обеих. Потянулся сначала к одной, потом к другой, но схватил только воздух. Призрак его матери быстро таял.

— Да, — произнесла миссис Оуэнс в ответ на слова, которые слышала только она одна. — Да, если это возможно. — Она повернулась к стояв-

шему рядом мужчине.

— А ты, Оуэнс? Станешь ли ты отцом этому малышу?

— Я… отцом? — наморщил лоб Оуэнс.

— У нас ведь не было детей. А его мать просит, чтобы мы его защитили. Ты согласен?

Человек в черном плаще выбрался из зарослей среди старых оббитых надгробий и осторожно пошел вперед, но спугнул сову, и она бесшумно улетела прочь.

Человек увидел ребенка, и глаза его загорелись торжеством.

Оуэнс знал, что думает его жена, когда говорит таким тоном. Не зря же они были вместе (до гробовой доски и после) добрых двести пятьдесят лет.

— Вы твердо уверены, что хотите этого, миссис Оуэнс? Без всяких сомнений?

— Уверена, как ни в чем и никогда!

— Тогда я согласен. Если вы решили стать ему матерью, я буду отцом.

— Слышали? — Миссис Оуэнс повернулась к мерцавшей фигуре, от которой остались лишь смутные очертания, похожие на отблеск зарницы.

Фигура сказала еще что-то, слышное только

миссис Оуэнс, и исчезла.

— Больше мы ее не увидим, — сказал мистер Оуэнс. — В следующий раз она проснется на своем кладбище или там, куда направляется.

Миссис Оуэнс нагнулась и протянула к малышу руки.

— Иди сюда! — ласково позвала она. — Иди к мамочке!

Человек по имени Джек уже шел к ним, держа в руке нож. Вдруг ему показалось, будто ребенка окутал завиток тумана, и мальчик исчез. Остались только сырой туман да качающаяся трава.

Джек моргнул и потянул носом воздух. Что-то случилось, но он не мог понять, что. Из глубины его глотки вырвалось злобное ворчание хищника, упустившего добычу.

— Эй! — крикнул человек по имени Джек.

Может, ребенок спрятался за кустом? Голос был мрачным, грубым и каким-то странным, словно мужчина не привык говорить.

Кладбище не раскрывало своих секретов.

— Эй! — снова позвал он, надеясь, что ребенок хныкнет, залепечет или хотя бы шевельнется.

К его удивлению, в ответ прозвучал бархатистый голос:

— Вам помочь?

Человек по имени Джек был высокого роста. Этот — еще выше. Джек был весь в черном. Одежда этого — еще чернее. Всем, кто замечал Джека за делом — а он не любил, когда его замечали, — становилось страшно, тревожно или как-то не по себе. Но когда Джек посмотрел на незнакомца, ему самому стало не по себе.

— Я кое-кого ищу, — сказал человек по имени Джек, спрятав руку в карман плаща так, чтобы нож оставался наготове.

— На запертом кладбище среди ночи? — уточнил незнакомец.

— Ребенка, — ответил человек по имени Джек. — Я просто шел мимо и услышал детский плач. Заглянул за ограду — а там ребенок. Что бы сделал другой на моем месте?

— Рукоплещу вашей гражданской сознательности. Однако, найди вы ребенка, как бы вы отсюда выбрались? С ним на руках через стену не перелезть.

— Я бы кричал, пока меня кто-нибудь не услышал бы и не выпустил, — сказал человек по имени Джек.

Тяжелый звон ключей.

— Этот «кто-нибудь» — я, — заметил незнакомец. — Я бы вас и выпустил. — Он выбрал

из связки большой ключ и сказал: — Прошу за мной.

Человек по имени Джек двинулся следом за незнакомцем, одновременно вытаскивая из кармана нож.

— Так вы смотритель?

— Я? О да, в некотором роде…

Чем ближе они подходили к воротам, тем дальше оставался ребенок. У Джека не было в этом никаких сомнений. «Зато, — подумал он, — у смотрителя есть ключи. Удар ножа в темноте, и все, а потом можно искать ребенка хоть до утра».

Он поднял нож.

— Если ребенок и был, — не оглядываясь, произнес смотритель, — на кладбище он бы не пробрался. Вы наверняка ошибаетесь. Да и как сюда могло попасть дитя? Скорее всего, вы слышали ночную птицу или кошку. А то и лису. Между прочим, тридцать лет назад здесь прекратили хоронить и объявили кладбище природным заповедником. Теперь подумайте хорошенько и скажите, точно ли вы видели ребенка.

Человек по имени Джек задумался.

Незнакомец отпер боковую калитку.

— Лисы… Они издают очень странные звуки, удивительно похожие на плач. Нет, сэр, ваш ви-

зит на кладбище был ошибкой. Ребенок, которого вы ищете, вас где-то ждет — но не здесь. — Он секунду помолчал, чтобы эта мысль прочнее закрепилась в голове Джека, и торжественно открыл калитку. — Очень рад знакомству. Надеюсь, снаружи вы найдете всё, что ищете.

Человек по имени Джек оказался за калиткой. Незнакомец остался внутри, запер замок и убрал ключ.

— А вы куда? — удивился человек по имени Джек.

— Это не единственный выход, — объяснил незнакомец. — Мой автомобиль стоит по ту сторону холма. Не беспокойтесь обо мне. А еще лучше — забудьте наш разговор.

— Ладно, — легко согласился Джек. — Забуду. — В его памяти сохранилось лишь то, что он забрел на холм, мнимый ребенок оказался лисицей, а вежливый смотритель вывел его на улицу. Джек сунул нож в потайные ножны. — Тогда… доброй ночи!

— И вам того же! — отозвался незнакомец, которого Джек счел смотрителем кладбища.

Человек по имени Джек пошел вниз по холму, продолжать поиски.

Отступив в тень, незнакомец провожал Джека

взглядом, пока тот не скрылся из виду. Потом поднялся на вершину холма, где стоял обелиск с надгробной плитой Иосии Уордингтона, местного пивовара, политика и баронета, который почти три века назад выкупил старое кладбище с прилегающими землями и подарил городу в вечное пользование. Себе Иосия Уордингтон зарезервировал лучшее местечко — естественный амфитеатр с видом на город и окрестности — и позаботился о том, чтобы кладбище не снесли потомки. Здешние обитатели были ему за это признательны, хотя, по мнению самого баронета, недостаточно.

На кладбище насчитывалось тысяч десять душ, но большинство спало глубоким сном или не интересовалось еженощными делами общины. В амфитеатре под лунным светом собралось меньше трех сотен.

Незнакомец тихо, как туман, подплыл ближе и стал из тени наблюдать за тем, как развиваются события.

Речь держал Иосия Уордингтон.

— Дражайшая! — обратился он к миссис Оуэнс. — Ваше упрямство весьма… Бог мой, неужели вы сами не видите, какая это нелепица?

— Нет, — ответила миссис Оуэнс, — не вижу.

Она сидела на земле, скрестив ноги, а живой ребенок спал у нее на коленях. Женщина придерживала его голову призрачными руками.

— Прошу прощения, ваша честь, — вмешался стоявший рядом мистер Оуэнс, — миссис Оуэнс хотела сказать, что она не видит никакой нелепости. Она видит в этом свой долг.

Когда-то мистер Оуэнс имел дело с Иосией Уордингтоном во плоти: тот заказал ему несколько изысканных предметов мебели в свою усадьбу под Инглшемом. С тех пор Оуэнс относился к баронету с большим почтением.

— Долг? — Иосия Уордингтон замотал головой, словно стряхивая прилипшую паутину. — Ваш долг, мэм, перед кладбищем и сим сообществом бестелесных духов, призраков и тому подобных существ — как можно скорее отправить это создание в его естественную среду обитания, которая находится совсем в другом месте.

— Мальчика мне отдала его мама, — отрезала миссис Оуэнс.

— Дражайшая моя…

— Никакая я вам не дражайшая! — Миссис Оуэнс вскочила. — По правде говоря, сама не понимаю, зачем я тут болтаю со всякими старыми скудоумными пустобрехами, когда мальчик

вот-вот проснется… И где мне, по-вашему, найти для него еду на кладбище?

— Вот именно, — сухо вставил Гай Помпей. — Как его кормить? Как о нем заботиться?

Миссис Оуэнс сверкнула глазами.

— Я позабочусь о нем не хуже его собственной матери! Она отдала его мне. Смотрите: я его касаюсь, видите? Я его держу.

— Ох, Бетси, будь благоразумна! — сказала матушка Хоррор, хрупкая старушонка в огромном капоре и салопе. В них она ходила при жизни, в них и легла в могилу. — Где мальчик будет жить?

— Здесь, — отвечала миссис Оуэнс. — Дадим ему почетное гражданство кладбища.

Губы матушки Хоррор сложились в крошечную «О».

— Но… Боже милостивый…

— Почему бы и нет? Это не первый случай.

— Верно, — сказал Гай Помпей. — Но тот почетный гражданин — неживой.

Незнакомец понял, что, хочется ему того или нет, в разговор вступать придется. Он отделился от тени темным пятном.

— Неживой, — согласился он. — Тем не менее я понимаю, о чем ведет речь миссис Оуэнс.

— Понимаете, Сайлес? — переспросил Иосия Уордингтон.

— Да. К добру или нет — а я твердо убежден, что к добру, — миссис Оуэнс с супругом взяли этого ребенка под свою опеку. Однако, чтобы вырастить его, двух душ недостаточно. Нужна помощь всего кладбища.

— А как же еда и прочее?

— Я могу покидать кладбище, — ответил Сайлес. — И приносить еду.

— Вам-то хорошо говорить! — вставила матушка Хоррор. — Да только вы шмыг — туда, шнырь — сюда, и кто за вами уследит? Пропадете на неделю, и мальчишка погибнет.

— Вы мудрая женщина, — ответил Сайлес. — Теперь я вижу, почему ваше мнение так высоко ценят. — Он мог гипнотизировать лишь живых, но прекрасно знал, что лесть действует и на мертвых. — Что ж… Если мистер и миссис Оуэнс готовы стать его родителями, я буду его опекуном. Обещаю, что останусь здесь, а если мне понадобится покинуть кладбище, найду себе замену, чтобы ребенку приносили пищу и присматривали за ним. Для этих целей нетрудно использовать крипту часовни.

— Но… — возмутился Иосия Уордингтон. — Но…

человечий ребенок! Живой ребенок. Как же… Как же, как же… Проклятье! У нас кладбище, а не ясли!

— Вы совершенно правы, — закивал Сайлес. — Очень верное замечание, сэр Иосия. Я бы и сам не смог выразиться лучше. И хотя бы по этой причине чрезвычайно важно, чтобы воспитание ребенка как можно меньше сказывалось на, извините за выражение, жизни покойных. — Он не спеша приблизился к миссис Оуэнс и посмотрел на ребенка, спавшего у нее на руках. — У него есть имя, миссис Оуэнс? — Сайлес вопросительно приподнял бровь.

— Если и есть, мать его мне не назвала.

— Что ж, старое имя в любом случае сослужило бы ему плохую службу. Там, за оградой, остались люди, которые хотят причинить ему вред. Так может, выберем новое?

Гай Помпей подошел ближе и рассмотрел ребенка.

— Что-то в нем есть от моего проконсула Марка. Можем назвать его Марком.

Иосия Уордингтон сказал:

— А мне он напоминает моего главного садовника Стеббинса. Впрочем, имя это я не стал бы рекомендовать. Стеббинс был склонен к неуме-

ренности в выпивке.

— Нет, он вылитый мой племянник Гарри! — воскликнула матушка Хоррор.

Пока все обитатели кладбища не начали сравнивать младенца с давно забытыми друзьями и родными, миссис Оуэнс твердо вмешалась:

— Никто на него не похож. Никто!

— Так давайте так его и назовем, — сказал Сайлес. — Никто Оуэнс.

Тут, словно услышав свое новое имя, ребенок проснулся и распахнул глаза. Огляделся, увидел лица мертвых, туман и луну. Повернулся к Сайлесу и стал его спокойно и серьезно рассматривать.

— Что ж это за имя такое? «Никто»! — возмутилась матушка Хоррор.

— Его имя. Хорошее имя, — возразил Сайлес. — Которое поможет его защитить.

— Еще не хватало мне тут неприятностей! — заявил Иосия Уордингтон.

Ребенок посмотрел на него и вдруг — то ли потому, что проголодался, то ли устал, то ли просто заскучал по семье, родным и своему миру — скривил мордашку и расплакался.

— Унеси ребенка, — сказал Гай Помпей миссис Оуэнс. — Мы обсудим все без вас.

Миссис Оуэнс ждала у часовни. Больше сорока лет назад это здание, похожее на небольшую церквушку со шпилем, объявили историческим памятником. Но городской совет решил, что реставрация маленькой часовни на запущенном кладбище обойдется слишком дорого. На часовню повесили замок и стали ждать, пока она развалится сама собой. Стены и крышу заплело плющом, но в этом веке они падать явно не собирались.

Ребенок снова заснул. Миссис Оуэнс тихо качала его и напевала старую песенку, которую слышала от матери, когда сама была маленькой девочкой — в те времена, когда только вошли в моду напудренные парики. Песенка звучала так:

Глазки, дитятко, закрой,
Спи, покуда спится.
Мир лежит перед тобой,
Трудно ошибиться…
Ласки, танцы до упаду,
Имя, кровь, земные клады…[1]

Вдруг миссис Оуэнс обнаружила, что забыла, как песенка заканчивается. Что-то там было

---

[1] Примечания: 1
Пер. А. Круглова.

вроде «окорок с щетиной» — или это из другой песни?... Миссис Оуэнс махнула рукой и запела еще одну, про человечка с Луны, который упал с вышины[2]. А потом спела песенку поновее, про мальчика, который сунул в пирог свой пальчик[3]. Не успела она перейти к длинной балладе о юном рыцаре, которого невеста ни с того ни с сего отравила вареным угрем[4], как из-за угла часовни появился Сайлес с картонной коробкой.

— Это все вам, миссис Оуэнс. Много разной еды для вашего мальчика. Будем держать ее в крипте, так?

Висячий замок распался у него в руках, и железная дверь отворилась. Миссис Оуэнс зашла внутрь, с сомнением оглядывая старые деревянные полки и скамьи, отодвинутые к стенам. В

---

[2] Примечания: 2

«...про человечка с Луны, который упал с вышины» — измененная цитата из детской английской песенки:
Человечек с луны
Упал с вышины
И спросил, как пройти ему в Норич.
Купил он пирог
И горло обжег, —
Такую почувствовал горечь!
(Пер. С. Маршака.)

[3] Примечания: 3

«...про мальчика, который сунул в пирог свой пальчик» — цитата из детской английской песенки:
Джеки-дружок

Сел в уголок,
Сунул в пирог свой пальчик.
Изюминку съел
И громко пропел:
«Какой я хороший мальчик!»
(Пер. В. Кружкова.)

[4] Примечания: 4

«…длинной балладе о юном рыцаре, которого невеста ни с того ни с сего отравила вареным угрем» — имеется в виду «Баллада о лорде Рендале» (в переводе С. Маршака — «Лорд Рональд»).

углу стояли покрытые плесенью коробки приходского архива, а за открытой дверью в другом конце виднелись викторианский унитаз и умывальник (без горячего крана).

Ребенок раскрыл глаза.

— Тут прохладно, — сказал Сайлес, — и еда лучше сохранится.

Он достал из коробки банан.

— А это что еще за диковина? — Миссис Оуэнс с подозрением воззрилась на непонятный предмет.

— Это банан. Тропический фрукт. Насколько я понимаю, кожура снимается… вот таким образом.

Ребенок — Никто — заерзал на руках у миссис Оуэнс, и та опустила его на каменные плиты. Мальчик тут же затопал к Сайлесу и крепко вцепился в его брючину.

Сайлес отдал мальчику банан.

Миссис Оуэнс пристально смотрела, как Никто ест.

— Ба-нан… — с сомнением проговорила она. — В первый раз слышу. В первый раз… Какие они на вкус?

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Сайлес: то, что он употреблял в пищу, были не

бананы. — Тут мальчик может спать.

— Ни в коем случае! У нас с Оуэнсом чудесная гробница возле нарциссовой клумбы! Там места предостаточно. К тому же, — добавила она, чтобы не показаться невежливой, — я бы не хотела, чтобы он вам мешал.

— Он не помешает.

Мальчик разделался с бананом, весь перемазавшись, — и с улыбкой посмотрел на взрослых.

— Ан-ан! — весело сказал он.

— Какой умничка! — восхитилась миссис Оуэнс. — А вымазался-то как! Ну-ка, постой, не крутись, червячок… — Она выбрала кусочки банана из его волос. — Как думаете, что они решат?

— Не знаю.

— Я не могу от него отказаться. Я дала слово его матери.

— Кем я только ни был в свое время, — заметил Сайлес, — а вот родителем не довелось. И наверстывать упущенное не собираюсь. С другой стороны, я могу покинуть это кладбище…

— А я — нет. Мои кости здесь. И Оуэнса тоже. Мне отсюда не уйти.

— Приятно, наверное, иметь свое место. Свой дом.

В голосе Сайлеса не слышалось ни малейшего

сожаления: он был сух и непреклонен. Миссис Оуэнс не стала спорить.

— Как думаете, нам долго придется ждать?

— Не очень, — сказал Сайлес.

И оказался неправ.

Прения в амфитеатре продолжались. Немало значило, что в эту историю впутались респектабельные Оуэнсы, а не какие-нибудь легкомысленные новички. Имело вес и то, что Сайлес вызвался на роль опекуна: обитатели кладбища относились к Сайлесу с опасливым уважением: ведь он существовал на рубеже между их теперешним миром и тем, который они покинули. И все же, все же…

Это кладбище нельзя было назвать оплотом демократии, тем не менее перед смертью все равны. У каждого из покойников было право голоса и собственное мнение о том, принимать ли в свои руки живого ребенка. И все непременно хотели высказаться.

Стояла поздняя осень, и рассвет не спешил. Небо было еще темным, когда у подножия холма загудели машины: живые ехали на работу. А кладбищенские жители всё обсуждали неожиданное появление ребенка и что теперь с ним сделать. Триста голосов. Три сотни мнений… Не-

емия Трот, поэт из заброшенной северо-западной части кладбища, начал выражаться стихами. Какова была его позиция, никто из слушателей так и не уяснил. И вдруг в истории кладбища случилось то, что заставило смолкнуть самые красноречивые речи.

На холм взошел огромный белый конь (опытные лошадники называют эту масть серой). Топот копыт послышался еще до того, как коня увидели, — равно как и треск, с которым животное продиралось сквозь кусты, колючки, плющ и утесник на склоне холма. Размером конь был с тяжеловоза шайрской породы, в холке добрых девятнадцать ладоней, и мог бы нести на себе рыцаря в полном вооружении. На его спине, без седла, сидела женщина, с ног до головы закутанная в серое. Ее длинная юбка и шаль казались сотканными из пыльной паутины. Лицо женщины было спокойным и безмятежным.

Обитатели кладбища узнали ее: ведь каждый из нас в конце своих дней встречает Всадницу на белом коне[5], и забыть ее невозможно.

Конь остановился у обелиска. На востоке небо слегка посветлело, залилось перламутровым

---

[5] Примечания: 5

Всадница на белом коне — переосмысленный (возможно, просто совпавший по форме) образ из одноименной новеллы Джона Кольера.

предрассветным сиянием, отчего кладбищенскому люду стало не по себе и захотелось вернуться в свои уютные дома. Однако ни один не шелохнулся. Они смотрели на Всадницу со смесью волнения и страха. Покойники, как правило, лишены предрассудков, но сейчас они искали у нее мудрости или подсказки, как древнеримский авгур — в полете священных воронов.

Она заговорила голосом, что прозвенел, как сотня крошечных серебряных колокольчиков:

— Мертвым следует быть милосердными.

И улыбнулась.

Конь, который в это время спокойно жевал большой клок травы, замер. Дама коснулась его шеи. Он повернулся, прошел несколько громадных шагов, стуча копытами, и вдруг оторвался от земли и галопом поскакал по небу. Топот копыт превратился в далекое ворчание грома. Еще мгновение, и Всадница на своем скакуне пропала из виду.

По крайней мере, так утверждали все жители кладбища, собравшиеся в ту ночь на холме.

Дебаты тут же закончились без всякого голосования. Ребенку по имени Никто Оуэнс решили дать гражданство кладбища.

Матушка Хоррор и Иосия Уордингтон, баронет,

проводили мистера Оуэнса до старой часовни и рассказали о чуде миссис Оуэнс.

Та ничуть не удивилась.

— Вот и правильно! Ведь у некоторых в головах никакого соображения! А вот у нее — есть. Еще какое.

Не успело серое утро осветиться солнцем, как ребенок крепко заснул в уютной маленькой гробнице Оуэнсов (при жизни господин Оуэнс был главой местной гильдии краснодеревщиков, и коллеги воздали ему должные почести).

До рассвета Сайлес еще раз покинул кладбище. Он нашел на склоне холма высокий дом, осмотрел три мертвых тела, изучил ножевые раны. Удовлетворившись увиденным, он вышел в утренний полумрак. Обдумывая возможные неприятные варианты развития событий, Сайлес вернулся на кладбище, в часовню, где обычно спал под самым шпилем, пережидая дневное время.

А в городе, у подножия холма, человек по имени Джек кипел от злости. Он так долго ждал этой ночи, готовился к ней целые месяцы — даже годы! И начало было удачным: трое умерли, не успев даже вскрикнуть. Но потом…

Потом все пошло совершенно, абсолютно напе-

рекосяк. С какой стати он потащился на вершину холма, когда ребенок явно спустился вниз? К тому времени, как Джек вернулся, след остыл. Кто-то нашел ребенка, забрал его, спрятал. Другого объяснения быть не могло.

Грянул гром, громко и неожиданно, как пистолетный выстрел, и полил дождь. Человек по имени Джек начал методично обдумывать свои дальнейшие действия: к кому из жителей городка наведаться, кто станет здесь его глазами и ушами…

О неудаче собранию рассказывать необязательно.

«Да и не такая уж это неудача», — сказал он себе, прячась под козырьком магазина от утреннего дождя, хлынувшего с неба потоком. Впереди еще много лет, много времени. Он успеет завершить неоконченное дело. Перерезать последнюю нить.

Завыли сирены. Мимо Джека проехала сначала полицейская машина, потом неотложка, потом машина без опознавательных знаков, но с сиреной. Человек по имени Джек нехотя поднял воротник плаща, пригнул голову и вышел под дождь. Нож лежал в карманных ножнах, в сухости и тепле, и никакой ливень был ему не

страшен.

Глава 2
НОВАЯ ПОДРУЖКА

Никт рос тихим и довольно послушным мальчиком. У него были серьезные серые глаза и копна волос мышиного цвета. Едва научившись говорить, он стал засыпать жителей кладбища вопросами: «Почему меня не выпускают с погоста?» Или: «А что он делает? Я тоже хочу!» Или: «А кто здесь живет?» Взрослые старались удовлетворить его любопытство, но их противоречивые ответы часто сбивали мальчика с толку. Тогда Никт дожидался заката и шел к старой часовне, чтобы поговорить с Сайлесом.

Опекун умел объяснять так, чтобы Никту было понятно.

— Тебя не выпускают с погоста… кстати, «погост» — устаревшее слово, теперь так не говорят… потому что только тут, на кладбище, ты в безопасности. Здесь твой дом, здесь те, кто тебя любит. Снаружи слишком опасно. Пока что.

— А сам уходишь! Каждую ночь.

— Я во много раз старше тебя, малыш. И меня никто не тронет.

— Меня тоже.

— К сожалению, это не так.

— …Хочешь научиться делать так, как я? Одни навыки осваиваются в процессе учебы, другие — простым повторением, третьи приходят со временем сами. Довольно скоро ты научишься *блекнуть*, *скользить* и *ходить по снам*. Некоторые навыки, однако, живым недоступны. Придется немного подождать. Впрочем, не сомневаюсь, что со временем ты их тоже освоишь.

— …Ты стал почетным гражданином кладбища, — объяснял Сайлес. — Так что оно о тебе заботится. Здесь ты видишь в темноте. Можешь ходить дорогами, недоступными живым. Другие люди — живые — тебя не замечают. Мне тоже дали почетное гражданство, хотя в моем случае оно выражается лишь в праве проживания.

— Я хочу быть таким, как ты! — Никт выпятил нижнюю губу.

— Нет, — твердо отвечал Сайлес. — Не советую.

— …Кто здесь похоронен? Во многих случаях это написано на могильном камне. Ты умеешь читать? Азбуку знаешь?

— Какую еще… буку?

Сайлес молча покачал головой. При жизни

чета Оуэнсов не отличалась большой любовью к чтению, и у Никта не было букваря.

На следующую ночь Сайлес появился перед уютной гробницей Оуэнсов с тремя большими книжками: двумя красочными букварями («А — аист, Б — барабан») и «Котом в сапогах». Впридачу он захватил стопку бумаги и коробку восковых мелков. Опекун провел Никта по кладбищу, прикладывая маленькие пальцы мальчика к самым новым, нестертым надписям на камнях и плитах, и научил различать буквы.

Потом Сайлес придумал Никту большое и серьезное задание — найти на кладбище весь алфавит, начиная с острого шпиля большой буквы «А». Никт триумфально завершил поиск мемориальной плитой Эндрю Янгсли, вмурованной в стену часовни. Опекун был доволен.

Каждый день Никт ходил по кладбищу с бумагой и мелками и, как умел, переписывал имена, эпитафии и даты. Каждый вечер Сайлес объяснял ему, что там написано, и переводил с латыни то, что не могли прочитать Оуэнсы.

Стоял солнечный день. На краю кладбища басовитые шмели залезали в полевые цветы и выглядывали из лепестков утесника и колокольчиков. Никт лежал на солнце и наблюдал, как

бронзовка идет по могильному камню Дж. Ридера, его супруги Доркас и сына Себастиана («Fidelis ad Mortem»[6]). Никт уже все переписал и думал только о жуке. Вдруг раздался чей-то голос:

— Мальчик! Ты что делаешь?

Никт поднял глаза. Из-за кустов на него кто-то смотрел.

— Ни-чи-во. — Никт показал язык.

Лицо в кустах сморщилось в морду горгульи: язык высунут, глаза выпучены — а потом снова превратилось в девочку.

— Здорово! — восхитился Никт.

— Я еще много рож умею корчить, — сказала девочка. — Смотри! — Она задрала нос пальцем, растянула губы в широкой ухмылке, скосила глаза и надула щеки. — Понял, кто это?

— Нет.

— Свинья, дурачок!

— А-а… — Никт задумался. — Свинья, которая на букву «эс»?

— Ага! Стой там.

Она обошла кусты. Никт поднялся. Девочка была немножко старше и выше него и одета во все яркое — желтое, розовое и оранжевое. Никт,

---

[6] Примечания: 6
Верен до гроба (*лат.*).

который ходил в сером саване, показался себе совсем скучным.

— Сколько тебе лет? Что ты тут делаешь? Ты здесь живешь? Как тебя зовут?

— Не знаю, — ответил Никт.

— Не знаешь, как тебя зовут? Не верю! Все знают, как их зовут. Вруша!

— Я знаю, как меня зовут. И знаю, что я тут делаю. А остальное, что ты спросила, не знаю.

— Ты про сколько тебе лет?

Никт кивнул.

— А сколько тебе было в последний день рождения?

— Нисколько. У меня нет дней рождения.

— Дни рождения есть у всех. У тебя что, никогда не было торта, свечек и всякого такого?

Никт помотал головой. Девочка сочувственно вздохнула.

— Бедняжка! Мне пять лет. Спорим, тебе тоже пять!

Никт радостно закивал. Он не хотел спорить с новой приятельницей. Ему было с ней весело.

Девочку звали Скарлетт Эмбер Перкинс, и у ее родителей не было своего сада. Поэтому мама привела ее сюда, села на скамейку у часовни читать журнал, а Скарлетт отпустила погулять на

полчасика. Велела ей никуда не лезть и с чужими не разговаривать.

— Я чужой, — заметил Никт.

— Ничего подобного! — уверенно ответила Скарлетт. — Ты маленький мальчик. И ты мой друг. Какой же ты чужой?

Никт улыбался редко, но сейчас улыбнулся, широко-широко.

— Да, я твой друг!

— Как тебя зовут?

— Никт. Полностью — Никто.

Она рассмеялась:

— Какое смешное имя! А что ты сейчас делаешь?

— Учу буквы с камней. Я их записываю.

— А мне с тобой можно?

На миг Никту захотелось отказать — ведь это его могилы, разве нет? — но он быстро спохватился: играть в компании, под ярким солнцем, гораздо интереснее.

— Конечно!

Они взялись за дело вместе. Скарлетт помогала Никту произносить незнакомые имена и слова. Никт переводил — если мог — латинские выражения. Оба огорчились, когда до них донесся голос девочкиной мамы:

— Скарлетт!

Девочка сунула мелки с бумагой в руки Никту.

— Мне пора!

— Пока! Я тебя еще увижу? — спросил мальчик.

— А где ты живешь?

— Тут.

Никт стоял и смотрел, как она сбегает вниз по холму.

По дороге домой Скарлетт рассказала матери про мальчика по имени Никто, который живет на кладбище. Вечером мать передала все отцу. Тот сказал, что в таком возрасте дети часто придумывают себе товарищей по играм, не стоит беспокоиться. А кроме того, им повезло, что так близко находится уголок живой природы.

После той встречи Скарлетт ни разу не замечала Никта первой. Если не шел дождь, мама или папа приводили ее на кладбище, сами садились читать, а Скарлетт — ярко-зеленое, оранжевое или розовое пятно — сходила с дорожки и исследовала всё, что видела. Очень быстро перед ней возникала серьезная сероглазая физиономия с копной волос мышиного цвета.

Скарлетт и Никт играли в прятки, залезали на деревья и надгробья, а иногда, притаившись,

наблюдали за кроликами, которые жили позади старой часовни.

Никт познакомил Скарлетт со своими друзьями, хоть она их и не видела. Но родители твердо сказали ей, что Никт — воображаемый и в этом нет ничего плохого, и мама даже несколько дней ставила для него тарелку, так что Скарлетт не удивлялась, что у Никта есть воображаемые приятели.

— Бартлби сказал, что у тебя «лице аки давлена слива», — говорил ей Никт.

— Сам он такой! А почему он так странно говорит? И вообще, может, он хотел сказать «помидор»?

— По-моему, в его время не было помидоров. И говорили тогда именно так.

Скарлетт — девочка умная, но одинокая — была очень рада, что нашла друга. Ее мама преподавала в заочном университете студентам, которых никогда не видела живьем: проверяла работы по английскому языку, присланные по компьютеру, и отвечала советом или похвалой. Папа преподавал физику частиц, но, как сказала Скарлетт Никту, «желающих преподавать физику частиц больше, чем желающих ее изучать». Поэтому семья постоянно переезжала из города в город.

Каждый раз отец надеялся получить постоянную работу, но пока безуспешно.

— А что такое физика частиц? — спросил Никт.

Скарлетт пожала плечами:

— Ну, есть атомы — это такие маленькие штучки, которые нельзя увидеть. Мы из них состоим. И есть другие штучки, еще меньше атомов. Это физика частиц.

Никт кивнул, он решил, что отец Скарлетт занимается чем-то воображаемым.

Каждый будний день после обеда друзья вместе гуляли по кладбищу, водили пальцами по надписям, иногда переписывали эпитафии. Никт сообщал Скарлетт все, что знал про обитателей этой могилы, мавзолея или гробницы, а она рассказывала о том, что прочитала или услышала, или просто о большом мире: об автомобилях, автобусах, телевидении и самолетах (Никт видел их высоко в небе, но думал, что это такие шумные серебристые птицы, и не очень ими интересовался). Зато Никт мог рассказать о том времени, когда люди в могилах были живыми: например, как Себастиан Ридер ездил в Лондонтаун и видел королеву — толстую тетку, которая сердито глазела на всех из-под меховой шапки и не понимала ни слова по-английски. Себастиан Ридер не пом-

нил, как звали королеву, но сказал, что вроде бы долго она не правила.

— Когда это было? — спросила Скарлетт.

— На его могиле написано, что он умер в тысяча пятьсот восемьдесят третьем. Значит, еще раньше.

— А кто на кладбище самый старый?

Никт нахмурился.

— Наверное, Гай Помпей. Он приехал сюда через сто лет после первой высадки римлян. Он мне рассказывал. Ему еще дороги понравились.

— Значит, он самый старый?

— Наверное.

— А давай сделаем себе домик в этом большом каменном доме?

— Ты не сможешь туда зайти. Он закрыт. Они все заперты.

— А ты можешь?

— Конечно.

— А почему я не могу?

— Ну, я гражданин этого кладбища. И много где могу проходить.

— Я хочу поиграть в большом каменном доме.

— Тебе нельзя.

— Ты просто жадный и меня не пускаешь.

— Неправда.

— Жадина!

— Не-а.

Скарлетт засунула руки в карманы куртки и ушла не попрощавшись. В глубине души она знала, что несправедлива к Никту, и от этого злилась еще больше.

За ужином она спросила родителей, жили ли здесь люди раньше римлян.

— Откуда ты узнала про римлян? — удивился отец.

— Все знают, — презрительно отмахнулась Скарлетт. — Так жил тут кто-нибудь?

— Кельты, — ответила мать. — Они поселились здесь раньше, а римляне их завоевали.

На скамейке у старой часовни Никт вел почти такой же разговор.

— Самый старый? — переспросил Сайлес. — Откровенно говоря, не знаю. Из тех, с кем я знаком, самый старый на кладбище — Гай Помпей. Но тут жили и до римлян. Много разных и древних племен. Как твоя азбука?

— Хорошо. Кажется. А когда я научусь писать буквы вместе?

Сайлес помолчал.

— Не сомневаюсь, — произнес он наконец, — что среди многочисленных погребенных здесь

талантов найдутся учителя. Я наведу справки.

У Никта перехватило дух: скоро он сможет прочитать все что угодно: любую книгу, любую историю!

Когда Сайлес покинул кладбище, отправившись по своим делам, Никт направился к иве у старой часовни и позвал Гая Помпея.

Старый римлянин восстал из могилы и зевнул.

— А-а! Живой мальчик! Как поживаешь, мальчик?

— Очень хорошо, сэр.

— Вот и славно. Рад слышать.

В лунном свете волосы старого римлянина казались белыми. Под тогой, в которой его похоронили, были толстые шерстяные гетры и телогрейка: он жил в холодной стране на краю мира; холоднее ее разве что Каледония, где люди больше походят на зверей и кутаются в рыжие шкуры. Даже Риму их земли без надобности. Вскоре этих дикарей отгородят большой стеной, и пусть сидят себе в своей вечной мерзлоте.

— Вы самый старший? — спросил Никт.

— На кладбище? Да, я.

— То есть вас здесь первым похоронили?

Гай Помпей замялся.

— Почти… До кельтов на острове жили другие

люди. Один из них погребен здесь.

— Ага… — Никт подумал. — Где?

Гай указал на макушку холма.

— Наверху! — решил мальчик.

Гай покачал головой.

— А где тогда? — не понял Никт.

Старый римлянин взъерошил мальчику волосы.

— В холме. Внутри. Сначала товарищи принесли сюда меня. За мной последовали местные чиновники, а затем мимы в восковых масках, которые изображали мою супругу, умершую от лихорадки в Камулодунуме, и отца, убитого на границе с Галлией. Три сотни лет спустя один крестьянин искал новое пастбище для овец и наткнулся на валун, закрывавший вход. Он откатил его и спустился в подземелье холма, надеясь найти клад. Через некоторое время крестьянин вышел, а его черные волосы оказались белыми, как мои…

— Что он там увидел?

Гай, помолчав, сказал:

— Он не рассказывал. Но больше сюда не вернулся. Валун поставили на место и со временем о происшествии забыли. Потом, двести лет назад, когда строили склеп Фробишеров, ход отыскался

снова. Юноша, который его обнаружил, решил, что найдет там сокровища, и никому ничего не рассказал. Он задвинул ход гробом Эфраима Петтифера и однажды ночью спустился под землю, думая, что никто его не увидит.

— А когда он вылез, у него тоже волосы были белые?

— Он остался там.

— Как это?.. А-а… Кто же в холме похоронен?

Гай покачал головой.

— Не знаю, юный Оуэнс. Но я ощущал его присутствие, когда кладбище было пустым. В глубине холма что-то затаилось и ждало.

— Ждало чего?

— Я ощущал лишь само ожидание, — отвечал Гай Помпей.

Скарлетт пришла на кладбище, обнимая толстую книжку с картинками, и села рядом с мамой на зеленую скамейку у ворот. Мать листала какое-то наглядное пособие, а девочка читала книжку, грелась в лучах весеннего солнца и изо всех сил старалась не видеть мальчика, который сначала махал ей из-за увитого плющом памятника, а потом, когда она решительно отвела глаза, выскочил — совсем как чертик из коробочки — из-за могильного камня некоего Дзёдзи Г. Сёдзи (?—

1921, «…был странником, и вы приняли Меня»). Мальчик лихорадочно махал Скарлетт рукой. Она делала вид, будто ничего не замечает.

Наконец Скарлетт положила книжку на скамейку.

— Мама, я пойду погуляю.

— Не сходи с дорожки, милая!

Скарлетт не сходила с дорожки до тех пор, пока не повернула за угол и не увидела Никта.

Она скорчила рожицу:

— А я кое-что узнала!

— Я тоже.

— До римлян тут были люди. Давным-давно! Они жили, то есть лежали под землей прямо в холме, вместе с сокровищами. Эти холмы так и называют — могильники.

— Ага, вот оно что! Теперь понятно. Хочешь посмотреть такую могилу?

— Прямо сейчас? — Скарлетт засомневалась. — Ты знаешь, где она? И вообще, я не могу проходить везде, как ты. — Она видела, как он тенью проскальзывает сквозь стены.

В ответ Никт показал массивный ржавый ключ.

— Я нашел его в часовне! Он должен отпереть почти все двери. Старые замки часто делали оди-

наковыми, чтобы было меньше мороки.

Она вскарабкалась по склону и встала рядом.

— Правда?

Он кивнул. В уголках его рта пряталась довольная улыбка.

— Пошли!

Стоял чудный весенний день. Воздух трепетал от птичьих трелей и пчелиного гудения. На ветерке приплясывали нарциссы и ранние тюльпаны. В зеленой траве ярко горели горсточки незабудок и желтые кисти первоцветов.

Дети поднялись по склону к мавзолею Фробишеров.

Это был обычный старый склеп — заброшенный каменный дом с металлической решеткой вместо двери. Никт открыл замок своим ключом.

— Там должна быть дырка. Или дверь. За одним из гробов.

Ход, и вправду похожий на дыру, обнаружился за гробом, в самом низу.

— Нам сюда, — сказал Никт. — Полезли.

Приключение нравилось Скарлетт все меньше и меньше.

— Там ничего не видно. Темно!

— Мне не нужен свет, — возразил Никт, — пока я на кладбище.

— А мне нужен!

Никт подумал, что бы такое ободряющее сказать. Может, «там нет ничего страшного»? Но если люди выходят оттуда седыми или не выходят вообще, значит, говорить такое с чистой совестью нельзя.

— Я сам спущусь. А ты подожди меня здесь.

Скарлетт нахмурилась:

— Не оставляй меня!

— Я схожу туда, посмотрю, а потом вернусь и все тебе расскажу.

Он нагнулся и на четвереньках пролез в дыру. Внутри оказалось столько места, что он смог выпрямиться. В камне были вырублены ступеньки.

— Сейчас пойду вниз по лестнице, — сообщил Никт.

— А она длинная?

— Наверно.

— Если ты будешь держать меня за руку и рассказывать, куда мы идем, могу пойти с тобой. Если ты обещаешь меня защищать.

— Конечно! — обрадовался Никт.

Не успел он договорить, как девочка на четвереньках пролезла в дыру.

— Можешь встать. — Никт взял ее за руку. — Ступеньки начинаются прямо здесь. Поставь ногу

вперед, сама найдешь. Вот. Дай я пойду первым.

— А ты правда тут видишь?

— Тут темно, но я правда все вижу.

Он повел Скарлетт в глубину холма, описывая, что встречается по дороге.

— Лестница ведет вниз. Она каменная. Над нами тоже камень. Кто-то разрисовал стены.

— Что там?

— Большая волосатая буква «С». С рогами. Потом что-то похожее на узор или узел. Он вырезан в камне, не просто нарисован, чувствуешь? — Никт приложил ее пальцы к резному узлу.

— Чувствую!

— Теперь лестница стала шире. Мы выходим в какой-то большой зал, но ступеньки не кончаются. Стой. Ну вот, я встал между тобой и этим залом. Держись левой рукой за стену.

Они пошли дальше.

— Еще шаг, и будет каменный пол. Он немножко неровный.

Нижний зал оказался небольшим и похожим на пещеру. Посредине лежала каменная плита, а в углу виднелся низкий выступ с какими-то мелкими вещицами. Под ногами валялись кости, на вид совсем древние; там, где лестница соединялась с залом, Никт увидел иссохший труп в

обрывках длинного коричневого плаща. «Наверное, — решил мальчик, — это тот самый юноша, который мечтал о богатствах, — поскользнулся в темноте и упал».

Вокруг них раздалось шуршание — словно по сухим листьям поползла змея. Скарлетт стиснула руку Никта.

— Что это? Ты видишь что-нибудь?

— Нет.

Скарлетт то ли охнула, то ли ойкнула. «Значит, сама что-то увидела», — понял Никт.

В конце пещеры загорелся свет, и прямо из каменной стены вышел человек. Скарлетт подавила крик.

Это был хорошо сохранившийся, но очень старый труп, весь разрисованный сине-фиолетовыми узорами. («Татуировка цвета индиго», — подумала Скарлетт.) На шее у него висело ожерелье из длинных и острых клыков.

— Я хозяин этой пещеры! — гортанно и едва понятно произнес труп. — Я храню ее сокровища!

Его глаза, обведенные синими кругами, казались огромными, как у филина.

— Кто вы такой? — спросил Никт и крепче сжал руку Скарлетт.

Человек-индиго, словно не услышав вопроса,

продолжал злобно на них смотреть.

— Прочь отсюда! — прорычал он.

Эти слова раздались как будто в голове Никта.

— Он опасный? — спросила Скарлетт.

— Вряд ли, — ответил Никт и обратился к Человеку-индиго, как его учили: — Я гражданин кладбища, и мне позволено ходить везде, где я хочу.

Человек-индиго никак не отреагировал, что удивило Никта: обычно эти слова утихомиривали даже самых раздражительных обитателей кладбища.

— Скарлетт, ты его видишь?

— Конечно вижу! Большой и страшный дядька в татуировках. Он хочет нас убить. Никт, прогони его!

Никт посмотрел на останки в коричневом плаще. Рядом валялась разбитая лампа.

— Он убежал, — вслух сказал мальчик. — Убежал от страха. Поскользнулся или оступился на лестнице и упал.

— Кто?

— Человек на полу.

В голосе Скарлетт слышались раздражение, недоумение и страх.

— Какой еще человек на полу?! Тут темно! Я

вижу только татушного дядьку!

Словно в подтверждение, Человек-индиго откинул голову и разразился настоящим тирольским йодлем. Скарлетт сжала руку Никта так сильно, что впилась ногтями в кожу.

— Извини, что я называла их воображаемыми! Теперь я тебе верю. Они настоящие!

Человек-индиго поднял над головой нечто вроде каменного ножа и прокричал:

— Все, кто вторгся сюда, погибнут!

Никт вспомнил про человека, который выбрался отсюда седым и с тех пор не ходил на кладбище и никому не рассказывал, что тут с ним случилось.

— Да нет, ты права. Насчет этого.

— Что насчет этого?

— Этот — воображаемый.

— Не говори глупостей! Я его вижу.

— Вот именно, — ответил Никт. — А мертвых не видишь. — Он огляделся. — Перестаньте кричать. Мы знаем, что вы ненастоящий.

— Я сожру вашу печень! — завизжал Человек-индиго.

— Фигушки. — Скарлетт шумно вздохнула. — Никт прав. — И добавила: — Знаешь, мне кажется, это пугало.

— Что такое пугало?

— Такая штука, которую фермеры ставят на поля, чтобы отпугивать ворон.

— А зачем их отпугивать?

Вороны Никту очень даже нравились: они забавные и помогают содержать кладбище в чистоте.

— Точно не знаю, спрошу у мамы. Когда мы ехали на поезде, я такое пугало видела. Вороны думают, что это настоящий человек. А это подделка под человека. Просто чтобы пугать ворон.

— Кто бы вы ни были, — обратился Никт ко всей пещере, — у вас ничего не вышло. Нам не страшно! Мы знаем, что всё понарошку. Хватит.

Человек-индиго замолчал, подошел к каменной плите, лег на нее и исчез.

Для Скарлетт все опять стало темно. Но в темноте снова раздался шорох. Он становился все громче и громче, окружал их со всех сторон.

— МЫ — СЛИР.

У Никта заколoло в затылке. Голос — или хор голосов? — который раздался у него в голове, был старым-престарым и какимто сухим, словно скрежет мертвой ветки по окну часовни.

— Ты слышишь? — спросил он Скарлетт.

— Ничего я не слышу, просто как будто кто-то

ползает. У меня в животе мурашки. Будто сейчас случится что-то ужасное.

— Не будет ничего ужасного. — Никт повернулся к пещере. — Кто вы?

— МЫ — СЛИР. МЫ ХРАНИМ. МЫ СТЕРЕЖЕМ.

— Что вы стережете?

— МЕСТО УПОКОЕНИЯ НАШЕГО ГОСПОДИНА. ЭТО ВЕЛИЧАЙШАЯ СВЯТЫНЯ, И МЫ ЕЕ СТЕРЕЖЕМ.

— Вы не можете нас тронуть. Только пугаете.

Сплетающиеся голоса капризно возразили:

— СТРАХ — СТИХИЯ СЛИРА!

Никт посмотрел на каменный выступ.

— А это сокровища вашего господина? Старая финтифлюшка, чашка и каменный ножик? На вид как-то не очень.

— МЫ СТЕРЕЖЕМ СОКРОВИЩА: БРОШЬ, КУБОК И НОЖ. МЫ ХРАНИМ ИХ ДЛЯ ГОСПОДИНА. СОКРОВИЩА ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЮТСЯ. ВСЕГДА.

— Вас много или один?

Ответа не было. Ум Никта будто заполнился паутиной. Мальчик помотал головой и сжал руку Скарлетт.

— Пошли!

Проводя девочку мимо мертвеца в коричневом плаще, Никт подумал: «Если бы тот не испугался

и не упал, его ждало бы большое разочарование. Десять тысяч лет назад сокровищами называли совсем не то, что сейчас». Никт помог Скарлетт взобраться по лестнице, и вскоре они оказались в черных стенах мавзолея Фробишеров.

Весеннее, почти летнее солнце светило сквозь щели между камнями и закрытую дверь, да так ярко, что Скарлетт заморгала и зажмурилась. В кустах пели птицы; мимо с жужжанием пронесся шмель. Все как обычно, удивилась Скарлетт.

Никт толчком открыл дверь склепа, а потом запер на ключ.

Яркая одежда Скарлетт была вся в грязи и паутине, а смуглые руки и лицо от пыли посерели.

Ниже по холму кто-то кричал. Причем не один «кто-то», а много. Кричали громко и встревоженно.

— Скарлетт! Скарлетт Перкинс!!!

Скарлетт крикнула в ответ:

— Да! Кто это?

Не успели они с Никтом обменяться впечатлениями, хотя бы поговорить про Человека-индиго, прибежала женщина в флюоресцентно-желтом жилете с надписью «ПОЛИЦИЯ» на спине и стала спрашивать Скарлетт, все ли с ней в порядке, где она была и не пытались ли ее похитить. По-

том женщина закричала по рации, что ребенка нашли.

Никт незаметно спустился вместе с ними по холму. Дверь часовни была открыта. Внутри ждали родители Скарлетт — мать утирала слезы, отец обеспокоенно говорил по телефону. С ними была еще одна женщина в полицейской форме. Никта они не видели. Мальчик устроился в дальнем углу.

Скарлетт отвечала на все вопросы так честно, как только могла: мальчик по имени Никто отвел ее внутрь холма, и там из темноты вышел человек с синими татуировками, который на самом деле был пугалом. Полицейские дали ей шоколадный батончик, вытерли лицо и спросили, был ли у татуированного мужчины мотоцикл. Родители Скарлетт перестали за дочку бояться и теперь разозлились на нее и друг на друга: нельзя пускать маленькую девочку на кладбище, даже если это уголок живой природы, в наше время везде очень опасно, и без неусыпного надзора с ребенком могут случиться всякие ужасы. Особенно с таким ребенком, как Скарлетт.

Мать Скарлетт зашмыгала носом. Скарлетт, глядя на нее, расплакалась. Одна из женщин-полицейских поспорила с ее отцом. Тот сказал, что

как налогоплательщик оплачивает ее работу, а она ответила, что тоже платит налоги и, значит, кормит его самого. Все это время Никт просидел в темном углу часовни, невидимый для всех, даже для Скарлетт. Он смотрел и слушал, пока мог.

На кладбище смеркалось. Сайлес нашел Никта на вершине холма. Мальчик смотрел на город. Сайлес по своему обыкновению молча встал рядом.

— Она не виновата, — начал Никт. — Это я виноват! Теперь у нее неприятности.

— Куда ты ее водил? — спросил Сайлес.

— Внутрь холма, посмотреть на самую старую могилу. Там никого нет. Только какой-то Слир, похожий на змею, который любит всех пугать.

— Как интересно…

Они вместе спустились по холму и увидели, как запирают старую часовню. Родители со Скарлетт ушли в темноту.

— Мисс Борроуз научит тебя писать слитно, — сказал Сайлес. — Ты уже прочитал «Кота в сапогах»?

— Да, — ответил Никт. — Тыщу лет назад. У тебя получится найти еще книг?

— Думаю, да.

— Я ее еще увижу?

— Девочку? Едва ли.

Сайлес ошибался. Три недели спустя, в один сумрачный день, Скарлетт появилась на кладбище в сопровождении родителей.

Те настояли, чтобы она оставалась на виду, а сами держались немного в стороне. Мать Скарлетт то и дело восклицала, до чего здесь мрачно, и как чудесно и замечательно, что вскоре они навсегда отсюда уедут.

Когда родители Скарлетт начали говорить между собой, Никт сказал:

— Привет.

— Привет, — тихо-тихо отозвалась Скарлетт.

— Я думал, мы больше не увидимся.

— Я им сказала, что не поеду, если они не сводят меня сюда в последний раз.

— Куда не поедешь?

— В Шотландию. Там есть университет, где папа будет преподавать физику частиц.

Они шли по дорожке вместе — маленькая девочка в ярко-оранжевой куртке и маленький мальчик в сером саване.

— Шотландия — это далеко?

— Да.

— А-а…

— Я надеялась, что застану тебя. Хотела попро-

щаться.

— Я всегда здесь.

— Но ты ведь не мертвый, правда, Никто Оуэнс?

— Конечно нет.

— Значит, ты не будешь жить здесь всю жизнь. Так? Когда-нибудь ты вырастешь, и тебе придется выйти отсюда в большой мир.

Он покачал головой.

— Там для меня опасно.

— Кто сказал?

— Все. Сайлес. Мои родители. Все говорят.

Скарлетт замолчала.

Ее отец крикнул:

— Скарлетт! Дочка, пора! Мы сводили тебя на кладбище, как обещали. Теперь — домой.

Скарлетт повернулась к Никту.

— Ты храбрый. Ты самый храбрый из всех, кого я знаю. И ты мой друг. Мне все равно, даже если ты воображаемый.

И она убежала по дорожке обратно — к маме с папой и к большому миру.

Глава 3
ПСЫ ГОСПОДНИ[7]

На каждом кладбище найдется могила, облюбованная упырями. Побродите по старым дорожкам, и вы непременно ее увидите: всю в потеках, сколах и трещинах, заросшую чахлой травой и сорняками. От надгробия веет холодом, имя покойника стерлось. Статуя — если она была — или без головы, или покрыта мхом и плесенью, отчего похожа на гриб. Если вам кажется, что могила пострадала от рук вандалов, это упырья дверь. Если при виде могилы вам хочется убежать подальше, это упырья дверь.

На кладбище Никта тоже была такая могила.

Она есть на каждом кладбище.

Сайлес уезжал.

Сначала, узнав об этом, Никт расстроился. Теперь он просто злился.

— Ну почему?!

— Я уже сказал. Мне нужно кое-что выяснить.

---

[7] Примечания: 7

Псы Господни — переосмысленное автором самоназвание ордена монахов-доминиканцев.

Для этого нужно кое-куда поехать. Чтобы куда-то поехать, нужно уехать отсюда. Мы с тобой уже все обсудили.

— Неужели это такие важные дела? — Никт пытался понять своим шестилетним умом, что заставляет Сайлеса его бросить. Не получалось. — Это несправедливо!

Опекун невозмутимо ответил:

— Никто Оуэнс, справедливость здесь совершенно ни при чем. Как есть, так есть.

Слова его Никта не убедили.

— Ты должен за мной присматривать. Ты сам говорил!

— Как твой опекун, я за тебя отвечаю. К счастью, эту ответственность готов нести не я один.

— А куда ты вообще едешь?

— Туда, куда нужно. Где я смогу узнать то, чего не узна́ю здесь.

Никт фыркнул и ушел, пиная воображаемые камни, в северо-западную часть кладбища. Там разрослись настоящие джунгли, с которыми не могли справиться ни смотритель, ни местное Общество друзей кладбища. Никт разбудил целую семью покойных викторианских детей — все не дожили до десяти лет — и поиграл с ними в прятки. Все это время Никт убеждал себя, что

Сайлес никуда не уедет, что все будет как раньше. Однако, когда он закончил играть и снова прибежал к старой часовне, его надежду развеяли сразу две новости.

Первая — саквояж. Никт сразу догадался, что он принадлежит Сайлесу — старый и очень красивый, черной кожи, с черной ручкой и латунными застежками. С таким саквояжем мог ходить викторианский врач или гробовщик, у которого с собой должны быть все инструменты, необходимые для его ремесла. Никт попытался заглянуть внутрь, но саквояж был заперт на замок. Попробовал поднять — нет, слишком тяжелый.

Это была первая новость.

Вторая сидела на скамейке у часовни.

— Никт, — сказал Сайлес, — это мисс Лупеску.

Наружность мисс Лупеску нельзя было назвать приятной: кислая мина, седые волосы (хотя сухощавое лицо казалось не таким уж старым), кривоватые зубы. Мисс Лупеску была в просторном макинтоше и мужском галстуке.

— Здравствуйте, мисс Лупеску, — сказал Никт.

Мисс Лупеску ничего не ответила, только втянула носом воздух. Потом сказала Сайлесу:

— Так. Значит, это он.

Она встала и обошла вокруг Никта, раздувая

ноздри, словно обнюхивая его. Остановилась и сказала:

— Будешь являться ко мне утром и вечером. Я сняла комнату вон в том доме. — Она указала на еле видневшуюся над деревьями крышу. — Все время буду проводить на кладбище. Я приехала как историк, изучаю историю старых захоронений. Ты все понял, мальчик? *Гата*?[8]

— Никт. Я Никт, а не мальчик.

— Сокращенно от «Никто». Глупое имя. Уменьшительно-ласкательное. Мне оно не нравится. Я буду называть тебя мальчиком. А ты меня — мисс Лупеску.

Никт умоляюще посмотрел на Сайлеса, но не нашел в его лице сочувствия. Опекун поднял саквояж и сказал:

— Я отдаю тебя в хорошие руки. Не сомневаюсь, что вы с мисс Лупеску поладите.

— Не поладим! Она гадкая!

— Так говорить очень невежливо, — сказал Сайлес. — Полагаю, тебе следует извиниться. Ты согласен?

Никт был совсем не согласен, но Сайлес стоял перед ним с черным саквояжем и собирался

---

[8] Примечания: 8
Gata (*рум.*) — все; готово; наконец.

уехать непонятно на сколько…

— Извините, мисс Лупеску.

Сначала она ничего не ответила, только опять повела носом. Потом сказала:

— Мальчик, я приехала к тебе издалека. Надеюсь, ты того стоишь.

Поскольку обнять Сайлеса было бы немыслимо, Никт на прощанье протянул ему руку. Сайлес наклонился и осторожно пожал ее. Чумазая детская ручонка полностью скрылась в огромной бледной ладони.

Без труда подняв тяжелый саквояж, Сайлес ушел по дорожке к воротам кладбища.

— Сайлес уехал! — пожаловался Никт родителям.

— Приедет, малыш, — подбодрил его мистер Оуэнс, — куда ж он денется. Не переживай!

— Когда ты только родился, он пообещал, что если ему случится уехать, он найдет себе замену. Чтобы кто-то носил тебе еду, смотрел за тобой. Так и вышло, он нас не подвел, — добавила миссис Оуэнс.

Да, каждую ночь Сайлес приносил Никту продукты и оставлял в часовне. Однако Никт ходил к нему не только за едой, а, например, за советами — хладнокровными, мудрыми и всегда полез-

ными. Сайлес знал больше, чем кладбищенские жители: благодаря еженощным вылазкам в большой мир он мог рассказать о том, что происходит сейчас, а не сотни лет назад. Невозмутимый и надежный, он был рядом каждую ночь, сколько Никт себя помнил. Поэтому у мальчика никак не укладывалось в голове, что часовня опустела.

Мисс Лупеску тоже считала своим долгом обеспечивать Никту не только питание, но и воспитание. Впрочем, и питанием она не пренебрегала.

— Что это? — с ужасом спросил Никт.

— Хорошая еда, — ответила мисс Лупеску.

Они сидели в крипте часовни. Мисс Лупеску водрузила на стол два пластмассовых контейнера и сняла крышки. Указала на первый:

— Густой ячменно-свекольный суп. — Потом на второй. — Салат. Ты должен это съесть. Я сама для тебя приготовила.

Никт недоверчиво уставился на нее. Еда от Сайлеса обычно была в фабричной упаковке. Он покупал ее в ночных магазинах, где не задавали лишних вопросов. Еще никогда мальчику не приносили еду в пластмассовом контейнере.

— Пахнет гадко.

— Если не возьмешь в руку ложку, будет еще

гаже. Остынет. А теперь ешь.

Голодный Никт взял пластмассовую ложку, окунул ее в бордовое варево и принялся есть. Суп был склизким и непривычным, но Никта все-таки не вывернуло.

— Теперь салат! — Мисс Лупеску сняла крышку со второго контейнера.

Там оказались крупные кубики сырого лука, свеклы и помидора в густой уксусной заправке. Никт положил кусок свеклы в рот и начал жевать. Рот тут же наполнился слюной. Мальчик понял: если он это проглотит, его стошнит.

— Я не могу.

— Он полезный.

— Меня вырвет.

Они воззрились друг на друга — маленький мальчик со спутанной пепельной шевелюрой и строгая бледная дама с гладко зачесанными седыми волосами.

— Съешь еще кусок.

— Не могу.

— Будешь сидеть тут, пока не доешь.

Никт выбрал уксусно-вонючий ломтик помидора, разжевал и проглотил. Мисс Лупеску закрыла контейнеры и поставила их в хозяйственную сумку.

— Теперь уроки.

Стоял разгар лета, по-настоящему темнело не раньше полуночи. В теплых сумерках Никт — уроков в такое время у него не было — часами играл, исследовал уголки кладбища или забирался на деревья и ограды.

— Уроки? — переспросил он.

— Твой опекун хотел, чтобы я тебя учила.

— У меня есть учителя. Мисс Летиция Борроуз учит меня письму и чтению, мистер Пенниуорт преподает по собственной «Исчерпывающей образовательной методе для юных джентльменов, с приложением в пользу усопших». Я хожу на географию и много еще куда. Мне не нужны новые уроки.

— Так ты все знаешь, мальчик?! Шесть лет, и уже всезнайка!

— Я так не говорил.

Мисс Лупеску скрестила руки на груди.

— Расскажи мне про упырей.

Никт попытался вспомнить все, что за эти годы услышал о них от Сайлеса.

— Лучше держаться от них подальше.

— И это все? Почему подальше? Откуда они берутся? Куда уходят? Почему нельзя стоять возле упырьей двери? А, мальчик?

Никт пожимал плечами и мотал головой.

— Перечисли все виды разумных существ. Начинай.

Никт задумался.

— Живые. Э-э… Мертвые. — Он помолчал. — И кошки!

— Мальчик, ты невежда, — заключила мисс Лупеску. — Это плохо. И ты доволен своим невежеством, что куда хуже. Повторяй за мной: есть живые и мертвые, дневной народ и ночной, упыри и туманные твари, горние охотники и псы господни. И те, кто ходит сам по себе.

— А вы кто? — спросил Никт.

— Я, — строго ответила она, — мисс Лупеску.

— А Сайлес?

— Сайлес… Он сам по себе.

Никт еле дотерпел до конца урока. Когда его учил Сайлес, было интересно, и Никт часто даже не замечал, что его чему-то учат. Мисс Лупеску вдалбливала ему знания в виде бесконечных перечней.

Никт изнывал в часовне, а снаружи его ждали летние сумерки под призрачной луной.

Когда урок закончился, мальчик убежал прочь в самом дурном расположении духа. Играть было не с кем. Лишь большая серая собака рыскала

среди могил, но к нему не подходила, пряталась то за камни, то в тень.

Неделя шла, и лучше не становилось.

Мисс Лупеску все так же носила Никту свою стряпню: утопающие в жиру клецки, густой фиолетовый суп с комком сметаны, остывший вареный картофель, холодные сардельки с кучей чеснока, крутые яйца в сером неаппетитном соусе. Никт старался есть как можно меньше, только чтобы не рассердить мисс Лупеску. Уроки продолжались: два дня она учила его только тому, как позвать на помощь на языках всего мира. И била по пальцам ручкой, если он запинался или забывал. На третий день мисс Лупеску бросала:

— По-французски!

— Au secours.

— Азбука Морзе!

— SOS. Три точки, три тире, еще три точки.

— На языке ночных мверзей[9]!

— Что за ерунда… Я даже не помню, кто такие эти мверзи!

— Безволосые крылатые твари, летают низко

[9] Примечания: 9

Ночные мверзи — вымышленные существа из романа Г. Лавкрафта «Сомнамбулический поиск неведомого Кадата» (в переводе С. Степанова; в других переводах — «ночные призраки», «крылатые твари», «ночные бестии»).

и быстро. В этот мир они не заглядывают, зато парят в алом небе над дорогой в Гульгейм, город упырей.

— Мне это никогда не пригодится!

Мисс Лупеску поджала губы сильнее, но сказала только:

— Ночные мверзи.

Никт издал в глубине горла звук, которому она его обучила — гортанный, похожий на орлиный клекот.

Мисс Лупеску фыркнула:

— Сойдет.

«Когда же вернется Сайлес?!» — подумал Никт.

— Иногда по кладбищу ходит серая собака. С тех пор как вы приехали. Она ваша?

Мисс Лупеску поправила галстук.

— Нет.

— Урок закончен?

— На сегодня — да. Вот список, который ты прочтешь и выучишь до завтра.

Списки мисс Лупеску были написаны бледно-фиолетовыми чернилами на белой бумаге и странно пахли. Никт ушел с новым заданием на склон холма, сел и начал вчитываться, но никак не мог сосредоточиться. В конце концов он свернул лист и придавил камнем.

Этой ночью никто не хотел с ним играть! Не с кем было поболтать, побегать, полазить по деревьям под огромной летней луной.

Никт пошел в гробницу Оуэнсов, чтобы найти сочувствие у родителей. Однако миссис Оуэнс и слышать не хотела о том, какая плохая мисс Лупеску: ведь ее выбрал Сайлес. Мистер Оуэнс — что еще хуже — просто пожал плечами и завел рассказ о том, что в детстве работал подмастерьем у краснодеревщика и был бы рад обучаться всем тем премудростям, какие преподают Никту.

— А тебе не пора за уроки? — спросила миссис Оуэнс.

Никт молча сжал кулаки и, громко топая, вышел.

Он брел по кладбищу, пиная булыжники, и размышлял о том, как все его не любят, не ценят и как это несправедливо. Вдруг он заметил серую собаку. Никт позвал ее — может, прибежит и поиграет с ним? — но та держалась поодаль. Мальчик с досады запустил в нее комом земли. Тот разбился о ближайшее надгробие и засыпал могилу грязью. Большая собака с упреком посмотрела на Никта, попятилась в тень и пропала.

Мальчик спустился по юго-западному склону, чтобы вид старой часовни не напоминал о

Сайлесе, и задержался у могилы, которая выглядела как раз под стать его настроению. Над ней черным когтем торчал дуб, в который когда-то попала молния. Надгробие было все в потеках и трещинах, а сверху красовался безголовый ангел, похожий на огромный уродливый трутовик.

Никт присел на траву. Ему было очень жалко себя и обидно. Он закрыл глаза, свернулся калачиком и забылся тяжелым сном.

Вверх по улице бежали герцог Вестминстерский, достопочтенный Арчибальд Фицхью и епископ Бата и Уэллса — неслись все дальше и дальше, тощие и жилистые, кожа да кости в лохмотьях. Юрко скакали из тени в тень, то рысью, то галопом, по-лягушачьи врастопырку прыгали через мусорные баки, проворно прятались от света фонарей за заборами.

На вид они были почти как люди, только ростом поменьше, будто хорошенько провялились на солнце, и вполголоса приговаривали:

— …Ежели ваша светлость имеет хоть малейшее понятие, к каким чертям нас занесло, пусть соблаговолит ответить. Если же нет, пусть заткнет свое поганое хлебало!

— Ваше преосвященство, я всего лишь сказал, что чую где-то рядом кладбище, носом чую…

— В таком случае, ваша светлость, я бы тоже его учуял, ведь нюх у меня лучше вашего!..

Перекидываясь такими словечками, они рыскали по пригородным садам. В один сад спускаться не стали («Тс-с-с! — прошипел достопочтенный Арчибальд Фицхью. — С-собаки!»), а пробежали поверху, по стене, словно крысы размером с ребенка.

Шмыг — главная улица, шнырь — дорога на холм. Кладбищенская ограда. Они вскарабкались на нее, как белки, и принюхались.

— Ос-сторожно, с-собака! — просвистел герцог Вестминстерский.

— Где-где? Ну уж… Пахнет не псиной, — возразил епископ Бата и Уэллса.

— Кое-кто даже кладбище не унюхал, — заметил достопочтенный Арчибальд Фицхью. — А? Собака, собака!

Троица спрыгнула на землю и побежала по кладбищу, отталкиваясь и ногами, и руками, к упырьей двери под обугленным дубом.

И застыла.

— Это что еще за явление? — сказал епископ Бата и Уэллса.

— Мать честная! — воскликнул герцог Вестминстерский.

Никт проснулся.

В лунном свете над ним склонились три улыбающиеся физиономии — высохшие, как у мумий, но подвижные и очень любопытные. Никт увидел острые грязные зубки, черные глазки-бусинки и нетерпеливо постукивающие когтистые пальцы.

— Вы кто? — спросил мальчик.

— Мы, — заговорило одно из существ (Никт обратил внимание, что они с ним почти одного роста), — великий народ, вот кто мы такие. Это герцог Вестминстерский…

Самое крупное из существ поклонилось:

— Весьма польщен.

— …это епископ Бата и Уэллса…

Ухмыляющееся существо с острыми зубами и невероятно длинным и тонким языком совсем не походило на епископа, какими их представлял себе Никт. Существо было все в пятнах, как пегая лошадь; крупное пятно вокруг глазницы скорее напоминало повязку пирата.

— …а я в некотором роде имею честь быть достопочтенным Арчибальдом Фицхью. К вашим услугам!

Троица дружно поклонилась.

Епископ Бата и Уэллса сказал:

— А ты как здесь очутился, отрок? Только

смотри, не бреши! Помни, пред тобой священнослужитель!

— Так ему, ваше преосвященство! — хором воскликнули его приятели.

Мальчик рассказал все: никто его не любит и не хочет с ним играть, никто его не ценит и даже опекун его бросил.

— Чтоб мне лопнуть! — сказал герцог Вестминстерский, почесав нос (крошечный выступ, состоявший в основном из ноздрей). — Чего тебе не хватает, так это места, где бы все тебя понимали.

— Нет такого места, — вздохнул Никт. — И с кладбища мне выходить нельзя.

— Есть целый мир друзей и приятелей по играм! — сказал епископ Бата и Уэллса, высунув длинный язык. — Город, где царит веселье и волшебство, где тебя оценят по достоинству и не будут тобой пренебрегать.

— А еще меня ужасно кормят… — пожаловался Никт. — Женщина, которая за мной смотрит. Приносит суп из крутых яиц и другие гадости.

— Еда! — ахнул достопочтенный Арчибальд Фицхью. — Там, куда мы идем, еда лучшая в мире! От одной мысли о ней у меня в животе урчит и слюнки текут!

— А мне можно с вами? — спросил Никт.

— С нами?! — возмущенно переспросил герцог Вестминстерский.

— Ну что вы, что вы, ваша светлость! — сказал епископ Бата и Уэллса. — Не будьте так строги. Вы только гляньте на бедолагу! Он уже невесть сколько кушает что попало!

— Я за то, чтоб его взять, — заявил достопочтенный Арчибальд Фицхью. — У нас там жратва славная…

Для большей убедительности он похлопал себя по животу.

— Ну как, молодой человек, готов к приключениям? — спросил герцог Вестминстерский, который тут же загорелся новой идеей. — Или будешь всю жизнь прозябать тут?

Он обвел костлявой рукой темное кладбище.

Никт вспомнил мисс Лупеску, ее противные обеды, списки и поджатые губы.

— Готов!

Три новых приятеля Никта, хоть и с него ростом, оказались куда сильнее любого ребенка. Епископ Бата и Уэллса поднял Никта высоко над головой, а герцог Вестминстерский схватился за пучок травы, прокричал что-то вроде «Скагх! Тегх! Хавагах!» и дернул. Каменная плита, при-

крывавшая могилу, съехала, будто крышка люка, и под ней оказалось совсем темно.

— А теперь живо! — крикнул герцог.

Епископ Бата и Уэллса забросил Никта в дыру и прыгнул следом. За ними — достопочтенный Арчибальд Фицхью и герцог Вестминстерский. Последний в прыжке крикнул: «Вегх Харадос!». Камень с грохотом упал — упырья дверь закрылась.

Никт летел сквозь темноту, тяжело ворочаясь, как кусок мрамора, и от удивления даже не боялся. «Интересно, где у этой могилы дно», — думал он.

Вдруг две сильных руки подхватили его под мышки и понесли.

Никт давным-давно не видел настоящей темноты. На кладбище он обладал зрением мертвых, и ни одна гробница, могила или склеп не были для него тайной. Теперь он оказался в сплошной черноте. Его несли вперед неровными рывками; в ушах свистел ветер. Никту было страшно и одновременно весело.

А потом стало светло, и все изменилось. Небо было красного цвета, но не теплого закатного оттенка, а злобно-багрового, как воспаленная рана. Далеко-далеко светило крошечное старое

солнце, которое не согревало воздух.

Они спускались по отвесной стене. Из нее, словно из гигантского кладбища, торчали могильные плиты и статуи. Похожие на тощих шимпанзе в рваных черных смокингах, герцог Вестминстерский, епископ Бата и Уэллса и достопочтенный Арчибальд Фицхью перескакивали с камня на камень, размахивали мальчиком и, не глядя, ловко бросали его друг другу.

Никт пытался задрать голову, чтобы увидеть могилу, через которую попал в этот странный мир, но ее загородило другими надгробиями.

«А что, — подумал он, — если все эти могилы — двери…»

— Мы куда? — спросил он, но его голос сдуло ветром.

Они бежали все быстрее и быстрее.

Впереди поднялась еще одна статуя, и под багровое небо катапультировались еще двое существ, таких, же как новые приятели Никта. На одном было рваное шелковое платье, когда-то, должно быть, белое, на втором — грязный серый костюм, явно ему великоватый, с порванными в лоскуты рукавами. Заметив Никта с друзьями, они бросились к ним, пролетев к земле футов двадцать.

Герцог Вестминстерский издал гортанный писк и притворился испуганным. Трое с Никтом поспешили вниз, двое — за ними по пятам, бодрые и полные сил под пылающим небом с мертвым глазом бледного солнца.

У большой статуи, лицо которой превратилось в грибообразный нарост, все встали. Никту представили тридцать третьего президента США и императора Китая.

— Это юный Никт, — сказал епископ Бата и Уэллса. — Он хочет стать таким, как мы.

— Чтобы хорошо кушать! — сказал достопочтенный Арчибальд Фицхью.

— Что ж, отрок, когда ты станешь одним из нас, хорошее питание тебе будет обеспечено, — сказал император Китая.

— Ага, — сказал тридцать третий президент США.

Никт спросил:

— Стану одним из вас? То есть превращусь в вас?

— Ишь какой смекалистый! Все хватает на лету! Ему палец в рот не клади!.. — сказал епископ Бата и Уэллса. — Точно подметил, одним из нас. Таким же сильным, как мы. Таким же быстрым. Таким же неуязвимым.

— Твои зубы станут такими крепкими, что раскусят любые суставы. Язык — таким острым и длинным, что высосет мозг из любой косточки и слижет мясцо со щеки толстяка, — сказал император Китая.

— Ты научишься красться из тени в тень, чтоб никто тебя не увидел, никто не заподозрил. Свободный как ветер, быстрый как мысль, холодный как лед, твердый как гвоздь, опасный как… как мы, — сказал герцог Вестминстерский.

Никт посмотрел на существ.

— А если я не хочу?

— Не хочешь? Да что ты говоришь! Что может быть лучше? Во всем мире не найдется никого, кто не мечтал бы стать, как мы.

— У нас лучший на свете город…

— Гульгейм, — сказал тридцать третий президент США.

— Лучшая жизнь, лучшая еда…

— Ты хоть представляешь, — вмешался епископ Бата и Уэллса, — как дивен вкус черного ихора, что скапливается в свинцовом гробу? Мы главнее королей с королевами, президентов с премьерами, главнее самых геройских героев, как люди главнее брюссельской капусты!

— Да кто вы такие? — спросил Никт.

— Упыри, — ответил епископ Бата и Уэллса. — Кто-то хлопает ушами, право слово! Мы у-пы-ри.

— Ой, смотрите!

Внизу показалась целая толпа прыгающей, скачущей мелочи. Не успел Никт и слова сказать, как его подхватили костлявые руки и понесли, то зависая в воздухе, то резко дергаясь вперед, — пятеро приятелей бросились навстречу себе подобным.

Стена могил закончилась. Теперь впереди простиралась дорога — утоптанная тропа через каменистую пустошь, усеянную костями. Дорога вела к далекому городу на оранжево-красном утесе.

Никт всмотрелся в город и оцепенел от ужаса, ненависти и отвращения.

Упыри не умеют строить. Они паразиты и падальщики, пожиратели трупов. Город, который зовется Гульгеймом, Городом упырей, они заселили давным-давно, хотя построили его не они. Сегодня все (по крайней мере, люди) забыли, что за народ возвел эти здания, прорыл ходы в утесе и воздвиг башни. Но приближаться к этому городу, а уж тем более жить в нем, захотели лишь упыри.

Издалека было заметно, что все в городе иска-

жено: стены перекошены, а здания похожи на кошмарную пасть с торчащими зубами. Неведомые зодчие построили этот город не для жизни. Они воплотили в нем весь свой страх, безумие и омерзение — и ушли. Упыри же отыскали его, обрадовались и назвали домом.

Упыри — проворные твари. Они бежали по пустынной тропе быстрее, чем летит стервятник, и сильными руками перебрасывали друг другу Никта. Мальчик боролся с тошнотой и отчаянием, ужасом и стыдом от собственной глупости…

А в кислотно-красном небе кружили существа на огромных черных крыльях.

— Эй, там! — сказал герцог Вестминстерский. — Спрячьте его под мышку! Еще не хватало, чтобы он достался ночным мверзям! Воры!

— Быстрее! Не давайтесь ворюгам! — закричал император Китая.

Ночные мверзи в алом небе над Гульгеймом… Никт глубоко вдохнул и закричал, как учила его мисс Лупеску — издал гортанный звук, похожий на орлиный клекот.

Один из крылатых спустился, и Никт повторил крик. Вдруг ему заткнула рот жесткая ладошка.

— Умно ты их позвал! — сказал достопочтенный Арчибальд Фицхью. — Но, поверь, они

съедобные, только когда погниют пару неделек. А так от них одни неприятности. Нам не по пути, ясно?

Ночной мверзь взмыл в потоке жаркого воздуха вверх, к товарищам, и Никт утратил последнюю надежду.

Упыри торопились к городу на утесе, унося с собой Никта. Теперь мальчика бесцеремонно закинул на вонючие плечи герцог Вестминстерский.

Мертвое солнце село, поднялись две луны: одна огромная, белая и вся в выщербинах, заняла полгоризонта, хотя потом чуть уменьшилась. Вторая, небольшая, была сине-зеленой, как прожилки плесени в сыре; ее восход упыри восприняли как праздник и остановились у дороги на привал.

Один из вновь присоединившихся — его представили Никту как знаменитого писателя Виктора Гюго — развязал свой мешок, в котором оказались дрова для растопки. На некоторых досках еще поблескивали петли или латунные ручки. Еще у упыря нашлась металлическая зажигалка. Вскоре все расселись у костра. Поглядывая на зеленоватую луну, они отпихивали друг друга от огня, переругивались, иногда даже царапались и кусались.

— Скоро ляжем спать, а когда луна уйдет, отправимся в Гульгейм, — сказал герцог Вестминстерский. — Всего-то девять-десять часов бега. К следующему восходу луны доберемся. Вот устроим тогда праздник, а? В честь того, что ты станешь одним из нас!

— Это не больно, — сказал достопочтенный Арчибальд Фицхью, — ты даже не заметишь. И потом, представь, каким ты станешь счастливым!

И они принялись рассказывать, как чудесно и замечательно быть упырем, сколько всего они схрупали своими мощными челюстями. Один упырь добавил, что им не страшны болезни. Неважно, от чего умер ужин: они преспокойно могут его слопать. Другие описали самые интересные места, где побывали — в основном катакомбы и чумные ямы («Чумные ямы — сытная штука», — сказал император Китая, и все закивали.) Они рассказали Никту, откуда у них имена, и пообещали, что, как только он станет упырем, получит такое же.

— Но я не хочу быть упырем!

— А придется, — весело ответил епископ Бата и Уэллса. — Или так, или эдак. Со вторым способом больше мороки. Если тебя начнут есть, быстро

потеряешь сознание, и уже никакого тебе удовольствия.

— Вот и не надо об этом, — сказал император Китая. — Лучше сразу стать упырем. Мы ничего, ничегошеньки не боимся!

Услышав это, все упыри у костра из гробовых досок завыли, заворчали, запели, закричали о том, какие они мудрые и могучие и как славно ничего не бояться.

Из пустыни донесся звук, похожий на вой. Упыри залопотали и сгрудились поближе к огню.

— Что это было? — спросил Никт.

Упыри покачали головами.

— Что-то там, в пустыне, — прошептал один. — Тихо! А то оно нас услышит!

И все упыри ненадолго замолчали. Правда, очень быстро они забыли про «что-то» и завели любимую упырью песню с отвратительными словами и еще более отвратительным смыслом: там перечислялось, какие части гниющего трупа нужно есть и в каком порядке.

— Я хочу домой! — сказал Никт, когда в песне доели последние кусочки. — Мне здесь не нравится!

— Глупыш, что ты так волнуешься! — сказал герцог Вестминстерский. — Клянусь тебе: как

только ты станешь одним из нас, ты даже забудешь, что у тебя был дом!

— Я вот совсем не помню, как жил до того, как стал упырем, — сказал знаменитый писатель Виктор Гюго.

— Я тоже, — сказал император Китая.

— Угу, — сказал тридцать третий президент США.

— Ты войдешь в число избранных! Мудрейших, сильнейших, храбрейших существ на свете! — сказал епископ Бата и Уэллса.

Никт не был высокого мнения ни о смелости упырей, ни об их мудрости. Правда, они оказались очень сильными и ловкими, а он убежать не мог: догонят мгновенно.

Далеко в ночи опять раздался вой, и упыри придвинулись еще ближе к огню, шмыгая носом и переругиваясь.

Никт прикрыл глаза. Ему было очень плохо, он скучал по дому и не хотел превращаться в упыря. Он думал, что от волнения не заснет, но сам не заметил, как погрузился в забытье.

Его разбудил громкий и злобный крик почти в самое ухо.

— Ну, так где они? А?!

Никт открыл глаза и увидел, что это епископ

Бата и Уэллса кричит на императора Китая. Судя по всему, ночью несколько упырей исчезли — просто пропали. Почему и куда — никто не знал. Остальные занервничали и быстро свернули лагерь. Тридцать третий президент США поднял Никта и закинул себе на плечо.

Под небом цвета дурной крови упыри сошли с каменистого склона на дорогу и направились в Гульгейм. Сегодня утром они вели себя куда тише. Как будто — во всяком случае, так показалось Никту — за ними кто-то гнался.

Около полудня, когда мертвоглазое солнце зависло над головами, упыри остановились и сбились в кучу. Высоко в небе в потоках воздуха парили ночные мверзи — целые дюжины.

Мнения упырей разделились: одни считали, что ночная пропажа случайна, другие были уверены, что кто-то — возможно, мверзи, — на них охотится. Согласились они только на том, что стоит вооружиться камнями, чтобы кидать в ночных мверзей, если те спустятся. Упыри принялись набивать карманы костюмов и мантий щебнем.

Слева раздался вой, и упыри переглянулись. Он был громче, чем прошлой ночью, и ближе — низкий, похожий на волчий.

— Слышали? — спросил лорд-мэр Лондона.

— Не-а, — сказал тридцать третий президент США.

— Я тоже не слышал, — сказал достопочтенный Арчибальд Фицхью.

Вой прозвучал снова.

— Надо прорываться домой, — сказал герцог Вестминстерский, поднимая большой булыжник.

Перед ними на скалистом отроге высился город-кошмар, Гульгейм. Упыри бросились в ту сторону.

— Мверзи спускаются! — прокричал епископ Бата и Уэллса. — Бей воров камнями!

Никт наблюдал за происходящим снизу вверх, подпрыгивая на спине тридцать третьего президента США. Колючим песком с дороги ему сыпало в лицо, но он услышал крики, похожие на орлиные, и опять попросил помощи на языке ночных мверзей. На сей раз ему не помешали, хоть Никт и сомневался, что кто-то услышит его среди криков мверзей и ругательств упырей, которые яростно швырялись камнями.

Никт снова услышал вой — теперь справа.

— Там дюжины этих паскудных тварей, — мрачно сказал герцог Вестминстерский.

Тридцать третий президент США передал Ник-

та знаменитому писателю Виктору Гюго. Тот сунул мальчика в мешок и закинул на плечо. Никту оставалось радоваться, что мешок пахнет лишь опилками.

— Отступают! — закричал какой-то упырь. — Смотрите, улетают!

— А ты, отрок, не тревожься, — прозвучал за мешковиной голос, кажется, епископа Бата и Уэллса. — В Гульгейме ничего такого не будет. Наш Гульгейм, он неприступный.

Никт не знал, нанесли ли ночные мверзи хоть какой-то урон упырям. Судя по проклятиям епископа Бата и Уэллса, нескольких упырей вроде бы недосчитались.

— Быстро! — закричал кто-то, кажется, герцог Вестминстерский, и упыри рванули вперед.

Никту в мешке было неудобно: он все время больно стукался о спину знаменитого писателя. К тому же на дне мешка завалялось несколько деревянных досок с шурупами и острыми гвоздями. Один из гвоздей больно впился Никту в руку.

Никта нещадно мотало, кидало, трясло и качало на спине похитителя, но ему удалось-таки схватить гвоздь правой рукой и нащупать кончик. В мальчике снова затеплилась надежда. Он воткнул шуруп острым концом в мешковину,

вытащил и сделал еще одну дырку, чуть ниже первой.

Сзади снова кто-то завыл. Никт подумал: «Тот, кто способен нагнать такой ужас на упырей, наверное, сам еще страшнее». На миг он даже замер — что если он вывалится из мешка прямо в пасть какому-то злобному чудищу? Ну и пусть! Пусть он и умрет, но останется самим собой и не забудет родителей, Сайлеса и даже мисс Лупеску.

И это хорошо.

Никт снова решительно принялся на мешковину и продырявил ее еще в одном месте.

— Поднажмите, ребятки! — крикнул епископ Бата и Уэллса. — Осталось подняться по лестнице, и мы дома, в Гульгейме!

— Ура его преосвященству! — крикнул кто-то другой — кажется, достопочтенный Арчибальд Фицхью.

Теперь движения похитителей изменились. Они не просто бежали, а двигались рывками: вверх и вперед, вверх и вперед.

Никт просунул в дырку руку и выглянул. Сверху угрюмое багровое небо, снизу…

…пропасть, а глубоко внизу — пустыня. Позади тянулась великанская лестница с огромными ступенями. Гульгейма видно не было — скорее

всего, он остался сверху. Справа — охристо-желтая скала, слева — крутой обрыв. «Придется падать прямо вниз, — решил Никт, — на ступеньки, и надеяться, что упыри на бегу не заметят». Ночные мверзи кружили высоко в багровом небе, но больше не нападали.

К счастью, позади упырей не было: знаменитый писатель Виктор Гюго замыкал цепочку, и никто не расскажет остальным, что мальчик продырявил мешок и выпал на лестницу.

Упырей не было, но…

Мешок с Никтом подпрыгнул и перевернулся. В дыре мелькнуло что-то огромное и серое. Оно бежало следом за ними по лестнице и злобно рычало.

Оказавшись перед лицом двух одинаково неприятных перспектив мистер Оуэнс частенько говаривал: «Я между дьяволом и морской бездной!» Никт так и не уяснил, что это значит, потому что всю жизнь провел на кладбище и не видел ни дьявола, ни моря.

«Я между упырями и чудищем», — подумал он.

И в тот самый миг, когда он это подумал, чьи-то зубы вцепились в мешок и рванули. Ткань вокруг дыр затрещала, и мальчик кубарем выкатился на каменную лестницу. Над ним встала огромная

серая зверюга, похожая на собаку, только куда больше, с горящими глазами, белыми клыками и огромными лапищами. Зверь рычал, капал слюной и, пыхтя, смотрел на Никта.

Упыри остановились.

— Лопни моя селезенка! — сказал герцог Вестминстерский. — Эта чертова псина зацапала мальчика!

— На здоровье! — сказал император Китая. — Бежим!

— Ой-ой! — сказал тридцать третий президент США.

Упыри побежали дальше. Теперь Никт не сомневался, что лестница вырублена великанами: каждая ступенька была выше его роста. На бегу упыри оборачивались и изображали неприличные жесты в адрес зверя и, возможно, Никта.

Зверь стоял как вкопанный.

«Слопает, — горько подумал мальчик. — Доигрался ты, Никто Оуэнс». Он вспомнил про дом, а почему ушел оттуда, вспомнить не смог. Нет, чудища чудищами, а он должен вернуться домой! Там его ждут.

Никт протиснулся мимо зверя, спрыгнул на следующую ступеньку с высоты четырех футов и приземлился прямо на лодыжку. Нога больно

подвернулась, и он упал на камни.

Никт слышал, как зверь тоже спрыгнул и бежит к нему. Мальчик попытался уползти, подняться, но поврежденная нога не слушалась. Никт даже не успел понять, как свалился со ступеньки в пропасть — с кошмарной, невообразимой высоты…

На лету он услышал голос, донесшийся откуда-то со стороны серого зверя. Это был голос мисс Лупеску:

— Ох, Никт!..

Он падал, как всегда бывает в кошмарах — со страшной, безумной скоростью стремился к земле, которая была далеко внизу. В голове Никта сейчас могла уместиться только одна мысль, и поэтому там боролись за место сразу две: «Эта собака и есть мисс Лупеску!» и «Сейчас я ка-а-ак…»

Что-то догнало его, схватило, а потом громко захлопали кожистые крылья, и земля стала приближаться медленнее.

Крылья захлопали еще сильнее. В голове Никта осталась одна мысль: «Я лечу!»

Так оно и было. Он поднял глаза и увидел над собой темно-коричневую голову — совершенно лысую, с глубоко посаженными глазами, похожими на отполированные куски обсидиана.

— Помогите! — проклекотал Никт на языке

ночных мверзей.

Мверзь улыбнулся и басовито ухнул в ответ. Похоже, он был доволен.

Описав медленный круг, они с глухим стуком опустились на землю. Никт хотел было встать, но лодыжка снова его подвела, и он покатился по песку. Сильный порыв ветра обжег кожу песчинками.

Ночной мверзь присел рядом, ссутулившись и сложив на горбу кожистые крылья. Никт, дитя кладбища, привык к изображениям крылатых существ, но его спаситель совсем не походил на надгробных ангелов.

Огромными прыжками к ним приближался серый зверь, похожий на собаку.

Собака заговорила голосом мисс Лупеску:

— Три раза ночные мверзи спасли тебе жизнь, Никт! В первый раз — когда ты попросил помощи, и они услышали. Они передали мне, где ты. Во второй — вчера ночью, у костра, когда ты спал. Они кружили над вами в темноте и подслушали, как двое упырей говорят, что ты принес им несчастье, что тебе надо вышибить камнем мозги и закопать где-нибудь про запас, а потом, когда ты как следует сгниешь, выкопать и съесть. Ночные мверзи незаметно их убрали. Сейчас они спасли

тебя в третий раз.

— Мисс Лупеску!

Огромная, похожая на собачью голова наклонилась к нему, и на одно страшное мгновенье Никту показалось, что она его укусит. Собака ласково лизнула его в щеку.

— Ты повредил щиколотку?

— Да. Не могу стоять на этой ноге.

— А ну-ка, залезай ко мне на спину, — сказал огромный серый зверь — мисс Лупеску.

Учительница что-то проскрежетала ночному мверзю. Тот приблизился и подсадил Никта. Мальчик обхватил руками шею мисс Лупеску.

— Вцепись в мою шкуру покрепче, — сказала она. — И скажи… — Она издала пронзительный крик.

— Что это значит?

— «Спасибо». Или «до свидания». И то, и то.

Никт крикнул, как сумел. Мверзь смешливо фыркнул, потом произнес нечто похожее, расправил огромные кожистые крылья и, хлопая ими, побежал по пустыне. Потоки воздуха подхватили его, будто воздушного змея, и мверзь взмыл вверх.

— Теперь, — сказал зверь — мисс Лупеску, — держись крепче.

И побежал.

— Мы к стене могил?

— К упырьей двери? Вот еще! Я пес Господень и хожу что в ад, что из ада своим путем.

Зверь ускорил бег.

Встала большая луна. Потом меньшая, цвета сырной плесени. Потом к ним присоединилась третья, алая, как рубин. Серая волчица мерным шагом бежала под их светом по пустыне. У полуразрушенной глиняной постройки, похожей на огромный улей, она остановилась. Рядом из скалы вытекал ручеек, с журчанием падал в крошечную лужицу и уходил в песок. Волчица опустила голову и стала лакать воду. Никт сложил ладони ковшиком и напился дюжиной мелких глотков.

— Здесь граница, — сказала мисс Лупеску, и Никт поднял глаза.

Три луны исчезли. Теперь мальчик видел Млечный путь, да так ярко, как никогда в жизни: сияющий саван поперек полного звезд небосвода.

— Как красиво!

— Когда вернемся домой, — сказала мисс Лупеску, — я научу тебя названиям звезд и созвездий.

— Было бы здорово, — признался Никт.

Мальчик опять вскарабкался на огромную серую спину, уткнулся носом в мех и крепко вцепился в него руками. Ему показалось, что не прошло и двух мгновений, как он оказался на кладбище. Неловко, как обычная женщина — шестилетнего мальчика, мисс Лупеску понесла его к гробнице Оуэнсов.

— Он повредил щиколотку, — сказала мисс Лупеску.

— Бедняжка! — Миссис Оуэнс забрала у нее приемного сына и стала укачивать в своих заботливых, хоть и бестелесных руках. — Не могу сказать, что я не тревожилась. Я очень тревожилась! Но главное, он снова с нами.

А потом Никту стало совсем хорошо — под землей, в уютном домике, на своей подушке, — и он уступил усталости и темноте.

Лодыжка у Никта покраснела и распухла. После осмотра доктор Трефузис (1870–1936, «Да восстанет он к вящей славе!») объявил, что это всего лишь растяжение. Мисс Лупеску принесла из аптеки эластичный бинт, а Иосия Уордингтон, баронет, которого похоронили вместе с его любимой эбеновой тростью, решительно вручил ее Никту на временное пользование. Мальчик наигрался с тростью на славу, притворяясь дряхлым

столетним дедом.

Прихрамывая, Никт поднялся на холм и достал из-под камня сложенный лист бумаги с фиолетовыми чернилами.

ПСЫ ГОСПОДНИ

Эти слова, написанные печатными буквами, были первым пунктом в списке.

«Те, кого люди прозвали оборотнями или ликантропами, называют себя псами Господними, поскольку считают свою трансформацию даром Создателя и платят Ему упорством, с которым преследуют преступников до самых Адовых врат».

Никт кивнул: не только преступников.

Он внимательно прочел остальное, стараясь получше все запомнить, а потом спустился в часовню. Там его ждала мисс Лупеску с маленьким мясным пирогом, большим пакетом жареного картофеля и новой порцией фиолетовых списков.

Они ели картошку вместе, и пару раз мисс Лупеску даже улыбнулась.

Сайлес вернулся в конце месяца. Черный сакво-

яж он держал в левой руке, а правую прижимал к боку. Но это был все тот же Сайлес, и Никт ему страшно обрадовался — и еще больше обрадовался, получив подарок: крошечную копию моста «Золотые ворота» в Сан-Франциско.

Была почти полночь, хотя не совсем стемнело. Они втроем сидели на вершине холма; внизу мерцали городские огни.

— Полагаю, в мое отсутствие все было спокойно, — произнес Сайлес.

— Я много чему научился! — похвастал Никт и, не выпуская из рук моста, указал в ночное небо. — Вон там Орион-Охотник с поясом из трех звезд. А это созвездие Тельца.

— Молодец, — похвалил его Сайлес.

— А ты? — спросил Никт. — Ты узнал то, зачем ездил?

— Вполне, — ответил Сайлес, но продолжать не стал.

— Я тоже, — строгим голосом сказала мисс Лупеску. — Я тоже кое-чему научилась.

— Это хорошо, — сказал Сайлес. В кроне дуба ухнула сова. — До меня дошли слухи, что две недели назад вы побывали там, куда мне путь заказан. В таких случаях я бы посоветовал вести себя осторожнее. Впрочем, у упырей, как извест-

но, короткая память.

Никт сказал:

— Ничего страшного не было! Мисс Лупеску за мной присматривала. Мне ничего не грозило.

Мисс Лупеску посмотрела на Никта, и ее глаза блеснули. Она повернулась к Сайлесу.

— Мне еще есть чему поучиться, — заявила она. — Быть может, в следующем году я вернусь, тоже в середине лета, и дам мальчику пару уроков.

Сайлес покосился на мисс Лупеску, едва заметно приподняв бровь. Потом перевел взгляд на Никта.

— Было бы здорово, — сказал Никт.

Глава 4
НАДГРОБИЕ ДЛЯ ВЕДЬМЫ

Все знали, что на краю кладбища похоронена ведьма. Сколько Никт себя помнил, миссис Оуэнс запрещала ему ходить туда.

— Почему? — спрашивал он.

— Не дело живым мальчикам там слоняться, — отвечала миссис Оуэнс. — Там страшенная сырость. Считай, болото. А ну как простудишься!

Мистер Оуэнс, как человек более уклончивый и менее изобретательный, говорил просто:

— Это дурное место.

С запада кладбище кончалось под старой яблоней. За ржавой железной оградой из прутьев с навершиями, как у копий, виднелся пустырь, заросший крапивой, сорняками и колючками. Никт, мальчик вообще-то послушный, туда не ходил, но частенько просовывал голову меж прутьев ограды и смотрел на зелень и груды палых листьев. Он чувствовал, что ему не все рассказали, и злился.

Никт поднялся к часовне у кладбищенских

ворот и стал ждать темноты. Когда серые сумерки пофиолетовели, в шпиле часовни раздался шорох, будто расправили плотный бархат. Из колокольни явился Сайлес — там он обычно спал, — и спустился по стене вниз головой.

— Что в дальнем конце кладбища? — спросил Никт. — За «Гаррисоном Вествудом, пекарем сего прихода, и его супругами Мэрион и Джоан»?

— А что?

Опекун бледными, как слоновая кость, пальцами стряхнул пылинку с черного костюма.

Никт пожал плечами.

— Да так, интересно.

— Там неосвященная земля. Понимаешь, что это значит?

— Не совсем.

Сайлес прошел по дорожке, не встревожив ни одного упавшего листа, и присел на скамью рядом с Никтом.

— Некоторые, — произнес он бархатистым голосом, — верят, что вся земля священна. Была священной до того, как явились мы, и останется такой после нас. Однако здесь, в твоей стране, принято освящать — то есть благословлять — церкви и участки, отведенные для захоронения. Рядом с освященной землей оставляли кусочек

неосвященной, так называемую «землю горшечника». Там хоронили преступников, самоубийц и тех, кто не принадлежит к истинной вере.

— Значит, по ту сторону забора похоронены плохие люди?

Сайлес приподнял идеально очерченную бровь.

— Хм-м? Отнюдь! Дай подумаю… Давно я там не бывал. Не припомню таких уж плохих экземпляров. Не забывай, что раньше вешали за кражу шиллинга. К тому же всегда были люди, которым жизнь кажется настолько невыносимой, что они видят лишь одно решение: ускорить свой переход на новый уровень существования.

— То есть они себя убивают? — спросил Никт.

Любознательный и большеглазый, для своих восьми лет он был весьма неглуп.

— Именно так.

— И это им помогает? Они делаются счастливее после смерти?

— Иногда. Чаще — нет. Они как те люди, которые думают, что будут счастливы, если переедут в другое место, а потом оказывается: куда бы ты ни поехал, ты берешь с собой себя. Если ты понимаешь, о чем я.

— Ну, вроде, — сказал Никт.

Сайлес взъерошил мальчику волосы.

Никт спросил:

— А как же ведьма?

— Да-да, ведьма… Там зарыты самоубийцы, преступники и ведьмы. Умершие без исповеди. — Он встал над скамьей полуночной тенью. — Заболтался я с тобой и про завтрак совсем забыл. А тебе пора на уроки.

В сумерках кладбища раздался тихий хлопок, мелькнула бархатная чернота, и Сайлес исчез.

Когда Никт добрался до мавзолея мистера Пенниуорта, уже встала луна. Мистер Томас Пенниуорт («Здесь почивает он до славнаго утра воскресения») ждал его и был не в лучшем расположении духа.

— Опаздываете!

— Простите, мистер Пенниуорт!

Пенниуорт осуждающе цокнул языком. На прошлой неделе учитель рассказывал Никту про стихии и гуморы, и мальчик никак не мог запомнить, где что. Никт думал, что будет писать проверочную работу, но вместо того мистер Пенниуорт заявил:

— Полагаю, настала пора посвятить несколько дней практическим занятиям. Наше время ограничено.

— Разве? — спросил Никт.

— Боюсь, что так, юный Оуэнс. Итак, успешно ли вы *блекнете*?

Никт надеялся, что ему не зададут этот вопрос.

— Успешно. То есть… Ну, вы понимаете.

— Нет, юный Оуэнс. Не понимаю. Быть может, продемонстрируете?

У Никта упало сердце. Он глубоко вдохнул, зажмурился и изо всех сил постарался *поблекнуть*.

На мистера Пенниуорта это не произвело большого впечатления.

— Фи! Не то! Совершенно не то! Мертвые *блекнут* и *скользят*, мой мальчик. Скользят из тени в тень. Блекнут в сознании. Попробуйте еще раз.

Никт попробовал еще старательнее.

— Вы заметны, как нос на лице! — возмутился мистер Пенниуорт. — А нос ваш заметен весьма и весьма. Как и все ваше лицо, молодой человек! И вы весь. Ради всего святого, опустошите свой разум! Пробуйте еще раз. Вы безлюдный проулок. Вы дверной проем. Вы ничто. Вы невидимы для глаза, вы не привлекаете мысль. Там, где вы, нет ничего и никого.

Никт попытался снова: закрыл глаза и представил, что растворяется в потемневших камнях стены, превращается в ночную тень… Он чих-

нул.

— Отвратительно! — вздохнул мистер Пенниуорт. — Воистину отвратительно! Думаю, придется побеседовать с вашим опекуном. — Он покачал головой. — Что ж, перейдем к гуморам. Будьте добры перечислить темпераменты, которые ими определяются.

— М-м… Сангвиник. Холерик. Флегматик. И еще один. М-м… Кажется, меланхолик.

И так до самого урока правописания и сочинения с мисс Летицией Борроуз, девой сего прихода («Все дни свои дева не тронула мухи. Супруги, не будьте к науке сей глухи»). Никту нравилась и сама мисс Борроуз, и ее уютный маленький склеп, и то, что она легко отвлекалась от темы урока.

— Говорят, что на несве… неосвященной земле есть ведьма, — сказал Никт.

— Да, золотце. Только тебе туда ходить не следует.

— Почему?

Покойная мисс Борроуз бесхитростно улыбнулась.

— Там обитают люди не нашего круга.

— Но ведь это еще кладбище, правда? То есть мне туда можно, если я захочу?

— Я бы не советовала.

Никт был мальчиком любознательным, но все же послушным. Когда уроки закончились, он прошел мимо могилы Гаррисона Вествуда, пекаря, и мемориала его семейства — ангела с отбитыми руками, — однако не спустился на землю горшечника, а поднялся по склону туда, где после пикника тридцатилетней давности выросла большая яблоня.

Кое-какие жизненные уроки Никт уже усвоил. Пару лет назад он объелся незрелыми яблоками — еще кислыми, с белыми зернышками, — и жалел об этом несколько дней: кишки его сжимались от боли, а миссис Оуэнс долго читала ему мораль о том, чего не надо есть. Теперь он всегда дожидался, пока яблоки поспеют, и срывал не больше двух-трех за ночь. Правда, Никт прикончил все яблоки еще на прошлой неделе, но все равно любил забираться на дерево, чтобы подумать.

Он вскарабкался на свое любимое местечко в развилке ветвей и посмотрел на землю горшечника: залитый лунным светом луг колючих сорняков и некошеной травы. «Интересно, — подумал он, — ведьма — это старуха с железными зубами, которая живет в избушке на курьих ножках, или худая, остроносая тетка с метлой?»

У Никта заурчало в животе, и он понял, что проголодался. Вот теперь он пожалел, что уже съел все яблоки. Если бы хоть одно оставил…

Тут ему показалось, что вверху что-то есть. Он глянул раз, потом присмотрелся еще раз: яблоко! Красное и спелое.

Никт гордился своим умением лазать по деревьям. Вот и сейчас он ловко подтягивался с одной ветки на другую, воображая себя Сайлесом, который без труда поднимается по отвесной кирпичной стене. Красное яблоко казалось в темноте почти черным. Еще немного… Никт медленно подполз под самое яблоко. Протянул руку и коснулся красивого плода кончиками пальцев.

Попробовать это яблоко ему так и не удалось.

Раздался треск, громкий, как выстрел из охотничьего ружья: ветка под Никтом сломалась.

Никт очнулся от вспышки боли, острой, как ледяные осколки, и яркой, как долгая молния.

Он лежал в сорняках среди летней ночи. Земля под ним казалась мягкой и странно теплой, как мех. Падение смягчила куча резаной травы, которую смотритель кладбища регулярно вытряхивал из газонокосилки. Правда, в груди у Никта ныло, а нога болела так, словно он упал прямо на нее.

Никт застонал.

— Тише, детка, тише, тише! — сказал голос откуда-то сзади. — Ты откуда такой взялся? Свалился мне на голову, как гром среди ясного неба. Разве ж так можно?

— Я упал с яблони.

— А-а, вот оно что… Покажи-ка ногу. Хрустнула небось, как та ветка, помяни мое слово. — Левую ногу Никта ощупали холодные пальцы. — Вот те раз, не сломалась! Подвернул или растянул. Везучий ты, как сам дьявол, малыш! Упал на кучу отбросов. До свадьбы заживет.

— Спасибо. Правда, еще болит.

Никт обернулся. Говорившая была старше него, хоть и не совсем взрослая, и не казалась ни доброй, ни злой. Только настороженной. Лицо у нее было умное, но ни капельки не красивое.

— Я Никт.

— Живой мальчик?

Никт кивнул.

— Я так и знала! Мы на земле горшечника тоже о тебе слыхали. Так как тебя кличут?

— Оуэнсом. Я Никто Оуэнс. Если короче, Никт.

— Ну, здрасте вам, господин Никт.

Никт осмотрел ее сверху донизу. Девушка была в простой белой рубахе, с длинными пепельными волосами, а в лице ее было что-то гоблинское

— еле заметная, но постоянная кривая усмешка.

— Ты покончила с собой? — спросил Никт. — Или украла шиллинг?

— А ничего я не крала! Даже платка за всю жизнь не своровала. И промежду прочим, — подбоченилась она, — все самогубцы вон там лежат, за боярышником, а висельники оба-два в ежевичнике. Один деньги подделывал, другой — разбойник с большой дороги. А как по мне, всего-навсего вор да бродяжка.

— А-а… — В уме Никта зародилось подозрение. Он осторожно произнес: — Говорят, тут похоронена ведьма.

Она кивнула.

— Утопла, сгорела и тут закопана, и даже каменюки не поставили в изголовье.

— Тебя утопили и сожгли?

Она присела рядом на компост, не снимая ледяных пальцев с пульсирующей от боли Никтовой ноги.

— Приходют в мой домишко ни свет ни заря, я даже глаз не продрала, и тащут меня на общинную землю, что посередь деревни. «Ведьма ты!» — кричат, все такие толстые, чистые, розовые, как порося, вымытые к базарному дню. Один за другим встают и под этим самым небом

говорят, как-де у них молоко скисло да кобылы охромели. А последняя встает миссис Джемайма, самая толстая, розовая и мытая из всех. Мол, Соломон Поррит стал ее чураться и знай вьется у прачечной, как оса у горшка с медом. Все, мол, мои чары, околдовала я молодчика. Привязали меня к табуретке и давай топить в утином пруду — коли ведьма, то воды не наглотаюсь, даже не замечу, а не ведьма, тонуть начну. А отец миссис Джемаймы дает каждому по серебряному четырехпенсовику, чтоб табуретку подольше подержали в мерзкой зеленой луже, чтоб я захлебнулась.

— И ты захлебнулась?

— А то ж! Воды набрала с горла по пуп! Так меня и порешили.

— А-а… Значит, ты все-таки не была ведьмой.

Девушка пристально посмотрела на него блестящими глазами и криво усмехнулась. Все равно она напоминала гоблина, но теперь — хорошенького. Никт решил, что с такой улыбкой ей вряд ли нужны были чары, чтобы привлечь Соломона Поррита.

— Что за чушь! Была я ведьмой, еще какой! Они сами узнали, как отвязали меня от табуретки и положили на траву, почитай что уж мертвую,

всю в ряске и вонючей тине. Я закатила глазищи и прокляла их, всех до единого, кто стоял тем утречком на общинной земле. Чтобы никто из них не упокоился на погосте! Даже удивилась, как легко оно мне далось, проклятие-то… Будто танец, когда ловишь шаг под песенку, которую не слыхала и не знаешь, а как поймаешь — пляшешь до рассвета. — Она вскочила и закружилась, выбрасывая ноги в стороны, сверкая босыми пятками в лунном свете. — Вот как я их прокляла последним хриплым вздохом! И дух испустила. Жгли мое тело на общинной земле, жгли, пока не остались одни черные уголья, а потом сбросили в яму на земле горшечника, и даже камня с именем не поставили!

Выпалив все это, девушка замолчала и на мгновение показалась печальной.

— Так их похоронили на кладбище? — спросил Никт.

— Ни одной-единой душеньки! — подмигнула она. — В субботу, аккурат как меня утопили и сожгли, мистеру Порринджеру доставили ковер из самого Лондона, и знатный такой ковер! Хорош он был не только прочной шерстью и работой, засела в его узорах страшная чума. К понедельнику пятеро уже харкали кровью, и кожа их стала

черной, как моя, когда меня из костра выволокли. Через неделю чума забрала почти всю деревню, а мертвяков свалили кучей в чумную яму на краю деревни и засыпали.

— Вся деревня умерла?

Она пожала плечами.

— Все, кто глазел, как меня топили и жгли. Как нога-то?

— Спасибо, лучше.

Никт медленно встал и кое-как слез с компостной кучи. Потом оперся о железные прутья ограды.

— А ты всегда была ведьмой? В смысле, до того, как их прокляла?

— Будто надобно колдовство, — фыркнула она, — чтобы Соломон Поррит зачастил к моему домишку!

«Это не ответ», — подумал Никт, но вслух не сказал.

— Как тебя зовут?

— У меня нет могильного камня! — скорчила гримаску она. — Могу как угодно зваться. А что?

— Ну, должно быть у тебя какое-то имя!

— Лиза Хемпсток, если уж так хочешь, — буркнула она. Потом добавила: — Неужто я так много прошу-то? Хоть пометили бы могилку… Я вон

там, видишь? Только по крапиве и поймешь, где я усопла.

На миг она показалась такой грустной, что Никту захотелось ее обнять.

Когда мальчик протискивался между прутьями ограды, его осенило: он сделает Лизе Хемпсток надгробье! Может, тогда она улыбнется. Никт обернулся, чтобы помахать ей на прощанье, но она уже исчезла.

По кладбищу валялись обломки чужих статуй и надгробий, но Никт понимал: все это не сгодится сероглазой ведьме с земли горшечника. Нужно что-то особенное. Мальчик решил никому не говорить о том, что задумал, справедливо рассудив, что ему это наверняка запретят.

Следующие несколько дней в его голове вертелось множество планов, один сложнее и замысловатее другого. Мистер Пенниуорт вконец отчаялся.

— У меня создалось мнение, — объявил он, поглаживая свои пыльные усы, — что ваши успехи становятся все более плачевными. Вы не *блекнете*, мальчик. Вы заметны всем и каждому. Более того, проглядеть вас весьма проблематично. Да если б вы явились сюда в компании фиолетового льва, зеленого слона и малинового единорога, на

котором восседал бы король Англии в церемониальном одеянии, я нисколько не сомневаюсь, что люди замечали бы вас и только вас, а от всего остального отмахнулись бы как от мелочей, не заслуживающих внимания!

Никт молча смотрел на учителя, а сам думал, есть ли в городе живых магазины, где продаются надгробия, и если да, то где именно. *Блекнуть* ему хотелось меньше всего.

Он воспользовался тем, что мисс Борроуз легко отвлекалась от правописания и сочинения, и расспросил ее о деньгах и как ими пользоваться. За эти годы у Никта накопилось немного монет (он знал, что легче всего найти мелочь в траве, где недавно обнимались и целовались парочки), и решил их наконец на что-то употребить.

— Сколько может стоить надгробие? — спросил он у мисс Борроуз.

— В мое время, — ответила она, — оно стоило пятнадцать гиней. Сколько сегодня, ума не приложу. Думаю, больше. Значительно больше.

У Никта было два фунта пятьдесят три пенса. Он даже не сомневался, что этого не хватит.

Никт был в могильнике Человека-индиго целых три года — почти полжизни — назад, но дорогу не забыл. Он поднялся на самую вершину

холма: над старой яблоней, над шпилем часовни, над всем городом. Именно там, наверху, гнилым зубом торчал мавзолей Фробишеров. Никт проскользнул в мавзолей, залез за тот самый гроб, дошел до маленьких каменных ступенек, вырубленных в толще холма, и добрался до каменной пещеры. Было темно, как в оловянной шахте, но Никт видел все глазами мертвых.

Слир свернулся кольцом вокруг стен, Никт его чувствовал. Все было так, как мальчик помнил: невидимое нечто, состоящее из туманных щупалец, ненависти и жадности. На этот раз Никт совсем не боялся.

— СТРАШИСЬ НАС! — прошептал Слир. — ИБО МЫ СТЕРЕЖЕМ СОКРОВИЩА, КОТОРЫЕ НЕЛЬЗЯ УНЕСТИ.

— Я вас не боюсь, — сказал Никт. — Помните меня? И я как раз хотел бы кое-что унести.

— ВСЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ, — ответило существо, свернувшееся в темноте. — НОЖ, БРОШЬ, КУБОК. СЛИР ХРАНИТ ИХ ВО ТЬМЕ. МЫ ЖДЕМ.

— Простите, а вы здесь похоронены?

— ГОСПОДИН ПРИНЕС НАС НА ЭТУ РАВНИНУ. ЗАКОПАЛ НАШИ ЧЕРЕПА ПОД КАМНЕМ И ПРИКАЗАЛ ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ. МЫ СТЕРЕЖЕМ СОКРОВИЩА ДЛЯ ГОСПОДИНА.

— Скорее всего, он давно про вас забыл, — заметил Никт. — Наверняка уже тыщу лет как умер.

— МЫ — СЛИР. МЫ СТЕРЕЖЕМ.

«Интересно, — подумал Никт, — сколько же веков прошло с тех пор, как могильник в середине холма был на равнине. Наверное, ужасно много…» Слир защекотал его волнами страха, похожими на усики плотоядного растения. Никту было все холоднее, движения замедлялись, словно его укусила в самое сердце полярная гадюка и ледяной яд хлынул по венам.

Он шагнул к каменной плите, протянул руку и сомкнул пальцы на холодной броши.

— ПРОЧЬ! — прошипел Слир. — МЫ ХРАНИМ ЕЕ ДЛЯ ГОСПОДИНА!

— Он не будет против. — Никт отступил к каменной лестнице, стараясь не споткнуться о высохшие останки людей и животных.

Слир воронкой дыма злобно завертелся вокруг пещеры, но потом остановился.

— СОКРОВИЩЕ ВЕРНЕТСЯ, — произнес тройной голос Слира. — ОНО ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ.

Никт со всех ног побежал вверх по лестнице. На миг ему показалось, что за ним кто-то гонится, но когда он вырвался наружу, в мавзолей Фробишеров, и вдохнул прохладный рассветный воздух,

следом никто не появился.

Никт присел на макушке холма и стал рассматривать брошь. Сначала он думал, что она вся черная, но когда взошло солнце, стало видно, что посреди черного металла сияет алый камень с завихрениями. Камень был размером с яйцо дрозда, и в его сердцевине словно что-то шевелилось. Мальчик смотрел в чудесный алый мир и никак не мог оторваться. (Несколько лет назад он просто сунул бы красивую штучку в рот.)

Камень держали черные металлические зажимы, похожие на когти какой-то ползающей твари — вроде змеи, только многоголовой. «Может, это и есть Слир при свете дня», — подумал Никт.

Он спустился по холму, срезав путь через заросли плюща над склепом семейства Бартлби (там кто-то на кого-то ворчал: Бартлби готовились ко сну), и протиснулся сквозь ограду на землю горшечника.

Никт крикнул:

— Лиза! Лиза! — И завертел головой.

— И тебе здрасте, юный увалень! — послышался голос Лизы.

Никт ее не увидел, но заметил под кустом боярышника лишнюю тень. Когда мальчик приблизился, тень в свете раннего утра стала

перламутрово-прозрачной. Похожей на девушку. Сероглазую.

— Ты что куролесишь, людям спать не даешь?

— Я про твой могильный камень! Хотел узнать, что на нем должно быть написано.

— Мое имя. Мое имя с большой буквы Э, Элизабет, как у королевы-старухи, что преставилась, как я на свет родилась, и большое Хэ, Хемпсток. А больше мне ничего и не надо, потому как грамоте я толком не обучена.

— А цифрам? — спросил Никт.

— Вилль-Гелль-Завыватель, тыща шестьдесят шесть! — пропел рассветный ветер в боярышнике. — Большое Э, всего делов-то. И большое Хэ.

— Чем ты занималась? — спросил Никт. — Ну, когда не была ведьмой?

— Стирала, — ответила покойница.

Тут пустырь залило утреннее солнце, и Никт остался один.

Было девять утра, когда весь мир спит. Никт, однако, твердо вознамерился не спать: его ждало важное дело. Ему было восемь лет, и мир за пределами кладбища нисколько его не пугал.

Одежда. Нужна какая-то одежда… Обычный серый саван, конечно, не подойдет. Он годился для кладбища, потому что был того же цвета, что

камни и тени, но за пределами кладбищенских стен Никт в нем слишком бы выделялся.

В крипте часовни была кое-какая одежда, только вот Никт не хотел туда спускаться даже днем. Перед мистером и миссис Оуэнс он еще мог как-то оправдаться, но уж никак не перед Сайлесом. Одна мысль о гневе или, еще хуже, разочаровании в темных глазах опекуна страшила мальчика.

В дальнем конце кладбища стоял сарай садовника — небольшое зеленое строение, пропахшее машинным маслом. Там ржавела газонокосилка в компании целой груды старых лопат и грабель. Сарай забросили, когда вышел на пенсию последний садовник (еще до рождения Никта), и поддержанием кладбища в порядке занимались городской совет (раз в месяц с апреля по сентябрь они присылали человека, который стриг траву и расчищал дорожки) и местное Общество друзей кладбища.

Дверь сарая была заперта на огромный замок, но Никт давно обнаружил сзади расшатавшуюся доску. Иногда, когда ему хотелось побыть одному, он залезал туда, сидел и размышлял.

С внутренней стороны двери висела старая коричневая куртка — то ли ее забыли, то ли оставили специально, — и джинсы с зелеными

пятнами от травы. Джинсы были Никту очень велики, но он упорно подворачивал штанины, пока не показались ноги, а потом подпоясался коричневой бечевкой. В углу нашлись сапоги, облепленные грязью и цементом и такие огромные, что мальчик едва передвигал в них ноги, а когда попытался шагнуть, сапог остался на полу сарая. Никт вытолкнул куртку наружу сквозь дырку в стене, протиснулся в щель сам, потом накинул куртку. «Если закатать рукава, — решил он, — сойдет». В куртке были большие карманы, и Никт гордо засунул в них руки.

Никт подошел к кладбищенским воротам и выглянул через прутья. По улице с грохотом проехал автобус. Впереди были автомобили, шум и магазины. Позади — прохладная тень в зелени деревьев и плюща: дом.

С сильно колотящимся сердцем Никт шагнул в большой мир.

Эбинизер Болджер повидал на своем веку немало странных типов. Вы бы повидали не меньше, будь вы владельцем такого же магазина, как у Эбинизера. Находился его магазинчик в одном из проулков Старого города и напоминал то ли антикварную лавку, то ли логово старьевщика, то ли ломбард (даже сам Эбинизер не сказал бы

вам точнее). К этому магазину стягивались самые странные типы и темные личности: одни хотели что-нибудь купить, другие — продать. Эбинизер Болджер торговал и в открытую, но куда бóльшую прибыль получал от сделок из-под прилавка и в задней комнате, где брал на продажу и незаметно сбывал вещи, не всегда приобретенные честным путем. Пыльный магазин был всего лишь верхушкой айсберга, и Эбинизера это вполне устраивало.

Эбинизер Болджер носил очки с толстыми стеклами, а на его лице была обычно написана легкая брезгливость: будто он ненароком влил в чай скисшее молоко и во рту у него до сих пор гадко. Такая мина была как нельзя кстати, когда ему пытались что-нибудь сбыть.

— Ну, знаете ли, — кисло говорил он, — эта штуковина вообще ничего не стоит. Дам что смогу, и то из сентиментальных соображений.

Если за свою вещь вы выручили у Эбинизера хоть приблизительно столько, на сколько рассчитывали, считайте, что вам очень повезло.

У кого только Эбинизер не скупал дорогие вещицы по дешевке, но мальчик, пришедший в то утро, оказался, пожалуй, самым странным из всех: на вид лет семь, одет в дедушкины обноски

и пахнет сараем. Мальчик мрачно смотрел из-под длинных нечесаных патл, а руки засунул глубоко в карманы пыльной коричневой куртки (Эбинизер догадался, что в правой руке тот что-то очень крепко стиснул.)

— Простите, — сказал мальчик.

— Да-да, паренек… — осторожно отозвался Эбинизер. Опять дети! Или что-то стащили, или пытаются продать свои игрушки. И тем и другим он обычно отказывал. Купишь краденое у малолетки — и тут же заявится рассерженный взрослый: ах, его Джонни или Матильдочке дали всего десять баксов за мамино обручальное колечко! От детей больше проблем, чем проку.

— Мне нужно кое-что купить для друга, — сказал мальчик. — И я подумал, может, вы купите то, что есть у меня.

— У детей не покупаю, — отрезал Эбинизер Болджер.

Никт вынул руку из кармана и положил брошь на грязную стойку. Болджер бросил на нее небрежный взгляд. Потом всмотрелся пристальнее. Снял очки. Вставил в глазницу монокль и включил настольную лампу.

— Змеиный камень?.. — Он обращался не к мальчику, а к самому себе. Убрал монокль, надел

очки и кисло сощурился. — Откуда у тебя эта вещь?

— Хотите купить?

— Ты ее украл. Стащил из какого-то музея, так?

— Не так, — отрезал Никт. — Вам она нужна, или мне поискать другого покупателя?

Кислая мина Эбинизера Болджера вдруг сменилась широкой и дружелюбной улыбкой:

— Ах, прости, пожалуйста! Уж очень редкостная вещица! Для моего магазина редкая. Такие разве что в музее увидишь. Но я, конечно, не прочь ее купить. Послушай… Давай выпьем чайку с печеньем — у меня в задней комнате целая пачка печенья с шоколадной крошкой — и решим, сколько такая штука стоит, а?

Никт обрадовался, что с ним заговорили вежливо.

— Мне нужно, чтобы хватило на камень. Могильный камень для одного моего друга. То есть подруги. То есть не совсем подруги, а знакомой. Понимаете, она вылечила мне ногу!

Эбинизер Болджер, не обращая внимания на болтовню мальчика, провел его за стойку и открыл дверь в кладовку — крошечное помещение без окон, до отказа заполненное всяким хламом в картонных коробках. В углу стоял большой

старый сейф. Еще Никт увидел целый ящик скрипок, коллекцию чучел диких зверей, стулья без сидений, стопки книг и газет.

Эбинизер Болджер подвинул к маленькому столу у двери единственный целый стул и сел. Никт остался стоять. Владелец магазина порылся в ящике стола — Никт заметил початую бутылку виски — и достал почти доеденную пачку печенья с шоколадной крошкой. Одно печенье он протянул мальчику, а сам включил настольную лампу и снова осмотрел брошь, красно-оранжевые завитки камня, черный металл оправы… При виде змеиных голов его слегка передернуло.

— Старинная штуковина. Она… — «бесценна», подумал Эбинизер, а вслух сказал: —…вряд ли много стоит, но кто знает…

У Никта вытянулось лицо от разочарования. Эбинизер заставил себя ободряюще улыбнуться.

— Учти, прежде чем я дам тебе хоть пенни, я должен знать, что она не краденая. Ты взял ее из маминой спальни? Утащил из музея? Мне можешь спокойно признаться. Я на тебя не наябедничаю. Мне просто надо знать правду.

Никт, жуя печенье, покачал головой.

— Так откуда ты ее взял?

Никт молчал.

Эбинизер Болджер с явной неохотой двинул брошь по столу к мальчику.

— Не можешь рассказать — забирай. Доверие должно быть взаимным. Приятно было иметь с вами дело, молодой человек. Жаль, что сделка не состоялась.

Никт забеспокоился:

— Я нашел ее в старой могиле! А где — не скажу.

Он осекся, потому что дружелюбие на лице Эбинизера Болджера сменилось неприкрытой алчностью.

— А еще там есть?

— Если не будете покупать, найду другого. Спасибо за печенье.

— Спешишь, да? Небось мамка с папкой заждались?

Мальчик отрицательно покачал головой и тут же об этом пожалел.

— Никто не ждет. Отлично. — Эбинизер Болджер накрыл брошь руками. — А теперь расскажи мне, где именно ты ее нашел. Ну?

— Не помню.

— Поздно отпираться! Давай-ка ты посидишь и немножко подумаешь о том, откуда у тебя брошь. А потом мы снова с тобой поговорим по душам, и

ты мне все расскажешь.

Он встал, вышел, закрыл за собой дверь. И запер большим железным ключом.

Потом раскрыл ладонь, посмотрел на брошь и алчно улыбнулся.

Над дверью магазина звякнул колокольчик — кто-то вошел. Эбинизер виновато встрепенулся, но никого не увидел. Правда, в двери осталась щель. Болджер закрыл дверь и впридачу поменял знак в окне на «ЗАКРЫТО». Потом задвинул засов: сегодня только любопытных посетителей не хватало!

Осенний день из солнечного стал серым, и по грязной витрине побежали капельки дождя.

Эбинизер Болджер взял со стойки телефон и дрожащими пальцами набрал номер.

— Том, у меня находка века! Гони сюда, быстро!

Никт услышал, как проворачивается ключ, и понял, что попался. Подергал дверь — не открывается. Какой же он дурак, что дал себя сюда заманить! Ведь хотелось же убраться от этого кислолицего дядьки! Он нарушил правила кладбища, и все пошло наперекосяк. Что скажет Сайлес? А Оуэнсы? Его начала охватывать паника, но Никт подавил ее, загнал поглубже.

Все будет хорошо, обязательно. Только сначала нужно отсюда выбраться…

Он осмотрел комнату, в которой его заперли: обычная кладовка со столом, единственный вход — дверь. Открыл ящик стола и не нашел ничего, кроме баночек с краской (чтобы подкрашивать антиквариат) и кисточки. Может, получится плеснуть краской хозяину в глаза и убежать? Он снял крышку с баночки и окунул туда палец.

— Что делаешь? — поинтересовался чей-то голос над самым ухом.

— Ничего. — Никт закрутил банку и бросил в огромный карман куртки.

На него осуждающе воззрилась Лиза Хемпсток.

— Зачем ты здесь? И что там за старый пузан за дверью?

— Владелец магазина. Я хотел кое-что продать.

— Зачем?

— Не суй свой нос в чужой вопрос!

Она фыркнула.

— Тебе домой пора!

— Не могу. Он меня запер.

— Можешь. Через стену.

Он покачал головой.

— Не могу. Я прохожу сквозь стены только дома, потому что в детстве меня сделали гражданином

кладбища. — В электрическом свете Лизу было трудно увидеть, но Никт привык говорить с мертвыми и различать их. — А ты что тут делаешь? Почему ты не на кладбище? Сейчас день. Ты же не Сайлес, тебе положено быть на кладбище.

— Для тех, кто закопан в неосвященной земле, правил нету! Никто мне не указ, куда ходить и чего делать! — Она сердито покосилась на дверь. — Не нравится мне этот молодчик. Пойду гляну, чего он там поделывает.

Что-то мелькнуло, и Никт снова остался один. Вдалеке послышался раскат грома.

В темной захламленной «Лавке древностей Болджера» Эбинизер встревоженно огляделся. Он решил было, что кто-то на него смотрит, но отмахнулся от глупой мысли: мальчишка под замком, входная дверь на засове. Эбинизер полировал металл вокруг змеиного камня — любовно и бережно, как археолог на раскопках. Черный слой сходил, и под ним открывалось блестящее серебро.

Эбинизер уже сожалел, что позвал Тома Гастингса, хотя этот громила как нельзя лучше годился для устрашения несговорчивых. Ему очень не хотелось расставаться с удивительной брошью. Чем дольше сияла она под лампой у него

на прилавке, тем больше ему хотелось оставить ее себе, владеть ею единолично.

Таких брошек там наверняка много. Мальчишка все расскажет. Мальчишка его туда приведет.

Мальчишка…

Эбинизера осенило. Он нехотя выпустил из рук брошь и открыл ящик под прилавком. Там была жестянка из-под печенья, наполненная конвертами, визитками и всякими бумажками.

Эбинизер достал карточку размером чуть больше визитной, с черными краями. На ней не было ни имени, ни адреса, лишь посредине одно слово, написанное побуревшими от времени чернилами: Джек.

На обратной стороне виднелись карандашные пометки: Эбинизер когда-то сам записал мелким четким почерком, что нужно делать. Впрочем, вряд ли он забыл бы, как использовать карточку, как с ее помощью вызвать человека по имени Джек. Нет, не вызвать. Пригласить. Таких не вызывают.

В дверь магазина постучали.

Болджер бросил карточку на прилавок, подошел к двери и всмотрелся в сырой день за окном.

— Быстрее! — крикнул Том Гастингс. — Погода отвратная! Сейчас промокну насквозь!

Болджер открыл дверь, и в нее ввалился Том Гастингс. С его волос и плаща капало.

— В чем дело? О чем ты не мог сказать по телефону?

— О том, как мы разбогатеем, — кисло ответил Эбинизер Болджер. — Вот о чем.

Гастингс снял плащ и повесил на дверь.

— С какой радости? Из грузовика на дорогу богатство выпало?

— Я нашел клад. В двух смыслах.

Эбинизер Болджер отвел приятеля к прилавку и показал ему брошь.

— Старая штуковина, да?

— Времен язычества, — сказал Эбинизер. — Даже раньше, друидов. До того, как здесь высадились римляне. Называется змеиный камень. Я видел что-то похожее в музеях. Но подобную ковку и камень такой красоты встречаю впервые. Малый, что нашел ее, говорит, там была могила. Вообрази себе могильник, битком набитый такими вещицами.

— Может, стоит сделать все по закону… — задумчиво проговорил Гастингс. — Сообщить о найденном кладе. Нам дадут рыночную цену, и можно добиться, чтобы клад назвали в нашу честь. Находка Гастингса и Болджера.

— Болджера и Гастингса, — машинально поправил Эбинизер. — Я знаю кое-кого с хорошими деньгами, кто заплатит больше рыночной цены, если подержит ее в руках. Как ты. — Том Гастингс поглаживал брошь нежно, как котенка. — И не будут задавать лишних вопросов.

Эбинизер протянул руку, и Том Гастингс неохотно вернул ему брошь.

— Ты сказал, клад в двух смыслах, — вспомнил Гастингс. — Какой второй?

Эбинизер Болджер взял в руки карточку с черными краями.

— Знаешь, что это?

Тот покачал головой. Эбинизер положил карточку на прилавок.

— Один человек кое-кого ищет.

— Ну и?

— Насколько я понял, мальчика.

— Мальчиков везде полно, — отмахнулся Том Гастингс. — Бегают туда-сюда. Лезут куда попало. Мерзкие детишки. Стало быть, один человек ищет какого-то конкретного мальчика?

— Этот на вид как раз подходящего возраста. Одет — ну, сам увидишь, как. И нашел эту брошь. Вполне вероятно, тот самый и есть.

— И что тогда?

Эбинизер Болджер поднял карточку за краешек, поводил ею из стороны в сторону, словно поднес к воображаемому пламени.

— Вот зажгу я пару свеч — ты в постельку можешь лечь…

— …Вот возьму я острый меч — и головка твоя с плеч[10], — рассеянно продолжил Том Гастингс. — Слушай сюда: если мы позовем человека по имени Джек, он заберет у нас мальчика. А если у нас не будет мальчика, то не будет и сокровища.

И они начали спорить, сдать ли мальчика Джеку или забрать себе клад, который в их мечтах вырос до огромной пещеры, битком набитой драгоценностями. Пока они спорили, Эбинизер достал из-за прилавка бутылку тернового джина и налил себе и Тому, «для работы мозгов».

Лизе вскоре надоело слушать разговор, который вертелся на одном месте, как юла, и она вернулась в кладовку. Никт стоял посреди комнаты, зажмурившись, сжав кулаки и наморщив лицо так, будто у него болят зубы. От задержки дыхания он почти посинел.

---

[10] Примечания: 10

Вот зажгу я пару свеч — ты в постельку можешь лечь…
…Вот возьму я острый меч — и головка твоя с плеч.
Цитата из детского стихотворения «Апельсинчики как мед» («Oranges and Lemons») в переводе Е. Кассировой (опубликовано в романе Дж. Оруэлла «1984» в переводе В. Голышева).

— Что это с тобой? — с осуждением спросила она.

Никт открыл глаза и расслабился.

— Пытаюсь *поблекнуть*.

Лиза фыркнула:

— Валяй-валяй!

Никт снова задержал дыхание.

— Хватит, — сказала Лиза. — А то лопнешь.

Никт перевел дух.

— Не получается… Может, просто стукнуть его камнем и убежать?

Не найдя в кладовке камней, он взял пресс-папье из цветного стекла и взвесил в руке, примеряясь, сможет ли оглушить Эбинизера Болджера.

— Теперь их уже двое. Не один сцапает, так другой. Хотят, чтобы ты показал им, где взял брошь, а потом раскопать могилу и забрать сокровище себе. — Про карточку с черными краями она говорить не стала. — Как же это тебя угораздило? — покачала она головой. — Ты ж знаешь: нельзя покидать кладбище. Сам виноват, неслух!

Никт почувствовал себя совсем маленьким и глупым.

— Я хотел купить тебе надгробный камень, — тихо признался он. — И подумал, что денег у меня не хватит. Поэтому решил продать брошку.

Лиза промолчала.

— Ты злишься?

Она покачала головой.

— Это первое добро, какое я увидела от людей за пятьсот лет, — усмехнулась она своей гоблинской усмешкой. — С чего же мне злиться?.. А что ты делаешь, когда хочешь *поблекнуть*?

— Как меня учил мистер Пенниуорт. Говорю себе: «Я дверной проем, я безлюдный проулок, я ничто. Невидим для глаза, не привлекаю внимание». Но у меня еще ни разу не получилось.

— Ты живой, вот в чем загвоздка! — фыркнула Лиза. — Кое-что под силу только нам, мертвым. Нам-то частенько надо попыхтеть, чтобы нас приметили. С живыми все наоборот.

Она крепко охватила себя руками и закачалась, словно сама с собой спорила.

— Эх, ты влип в эту историю из-за меня… Поди сюда, Никто Оуэнс.

Он шагнул к Лизе, и она тронула его лоб холодной рукой — словно к коже приложили влажный шелковый платок.

— Что ж, может, и я тебе пригожусь.

Она что-то забормотала, но Никт не мог разобрать ни слова. А потом сказала четко и ясно:

Как тень, как пыль, как сон, как свист,

Как ночь, как тьма, как дух, как мысль,
Скользни, исчезни, прочь от глаз,
По верху вниз, меж них, меж нас.[11]

Нечто огромное коснулось его, объяло с головы до ног. Мальчик вздрогнул. Волосы его стали дыбом, на коже выступили пупырышки. Что-то изменилось.

— Что ты сделала?

— Подсобила тебе чуток. Я, может, и мертвая, но все одно ведьма, вот так-то! Мы всё помним.

— Но…

— Тихо! Идут!..

В замке громыхнул ключ.

— Ну что, дружок… — Никт впервые четко расслышал голос второго. — Мы же с тобой по-дружимся?

Том Гастингс распахнул дверь — и озадаченно застыл на пороге. Он был очень-очень высок и широкоплеч, с рыжими, как у лисицы, волосами и красным, как у пьяницы, носом.

— Так, Эбинизер! Ты вроде сказал, он тут!

— Сказал, — просипел Болджер сзади.

— А я его не вижу!

---

[11] Примечания: 11
Пер. А. Круглова.

Из-за спины верзилы показалась физиономия Болджера. Он пристально оглядел комнату.

— Прячется, — сказал Болджер, вперив взгляд прямо туда, где стоял Никт. — Хватит прятаться! Я тебя вижу, — громко заявил он. — Вылезай!

Мужчины зашли в кладовку. Никт замер между ними, думая только об уроках мистера Пенниуорта. Он не двигался и изо всех сил старался, чтобы его не заметили.

— Ты пожалеешь, что не вылез, когда я звал! — сказал Болджер и прикрыл дверь. — Ладно, — обратился он к Тому Гастингсу, — стой в дверях, чтоб он не выскочил.

Антиквар начал обходить комнату и заглядывать за все предметы. Неуклюже нагнулся под стол. Прошел мимо Никта и открыл шкаф.

— Ага, попался! — крикнул Болджер. — Вылезай!

Лиза хихикнула.

— Кто это? — завертел головой Том Гастингс.

— Я ничего не слышал, — ответил Эбинизер Болджер.

Лиза снова хихикнула. Потом собрала губы в трубочку и издала звук: свист, который перешел в далекий вой ветра. Лампочки в комнате замигали, загудели и погасли.

— Чертовы пробки! — сказал Эбинизер Болджер. — Пошли! Только время тратим.

В замке щелкнул ключ, и Лиза с Никтом снова остались одни.

— Сбежал он. — Никт слышал через дверь голос Эбинизера Болджера. — В этой комнате негде спрятаться. Мы бы его увидели.

— Человеку по имени Джек это не понравится.

— А кто ему скажет?

Пауза.

— Так. Том Гастингс. Куда делась брошь?

— М-м… Эта, что ли? На. Я ее придержал, чтоб не потерялась.

— Чтоб не потерялась? Придержал в своем кармане? Неплохо придумал! А по-моему, ты просто хотел с нею смыться. По-моему, ты хотел забрать мою брошку себе!

— Твою брошку, Эбинизер?! Твою?! Ты хотел сказать нашу!

— Нашу?! Вот еще! Что-то я не припомню, чтобы ты был рядом, когда я забирал ее у мальчишки.

— Того самого, которого ты упустил и не отдал Джеку? Представляешь, что он с тобой сделает, когда узнает, что мальчик был у тебя в руках и ты его упустил?

— Вряд ли это тот, кто ему нужен. На свете пол-

но мальчиков. Какова вероятность, что это был тот самый? Прошмыгнул через черный ход, как только я отвернулся, точно говорю! — И Эбинизер добавил тонким вкрадчивым голоском: — А о человеке по имени Джек ты не волнуйся, Том Гастингс. Я уверен, что это был не тот мальчик. Стар я стал, воображаю всякую чушь. Кстати, терновый джин мы почти прикончили. Не хочешь хорошего скотча? У меня в кладовке есть, погоди маленько.

Дверь кладовки открылась, и вошел Эбинизер с тростью и фонариком. Его лицо казалось еще кислее обычного.

— Если ты еще тут, — пробормотал он, — даже не пытайся смыться. Я вызвал полицию, вот что. — Он порылся в ящике стола, извлек оттуда недопитую бутылку виски и крошечный черный пузырек. Вылил из пузырька несколько капель в бутылку и сунул в карман. — Моя брошь, моя, — прошептал он, а вслух гаркнул: — Том, я иду!

Эбинизер напоследок окинул темную комнату сердитым взглядом, не замечая Никта, и вышел, держа виски перед собой. Дверь он запер.

— Вот, — послышался его голос из-за двери. — Давай сюда стакан! Ну, капельку доброго виски, чтоб цвело и пахло. Скажешь, когда хватит.

Молчание.

— Дешевое пойло! А ты чего не пьешь?

— Да мне терновка все нутро прожгла. А ну… Том! Что ты сделал с моей брошкой?

— Опять твоей? Э-э… ты что… ты меня опоил, червяк поганый!

— Ну и что? Я по твоей роже сразу понял, что ты задумал, Том Гастингс. Ворюга!

Крики, грохот, тарарам, словно кто-то переворачивает шкафы и столы…

А потом — тишина.

Лиза прошептала:

— Теперь живо! Надо выбираться отсюда.

— Дверь заперта! — Никт оглянулся на нее. — Ты не поможешь?

— Я? У меня нет таких чар, малый, чтобы вытащить тебя из-под замка.

Никт наклонился и посмотрел в скважину. Ничего не было видно: в замке торчал ключ. Никт задумался, а потом улыбнулся. Эта мимолетная улыбка осветила его лицо, как вспышка лампочки. Он достал из коробки с бумагой для упаковки мятый лист газеты, кое-как расправил его и просунул под дверь, так что по эту сторону остался только уголок.

— Что за забава? — нетерпеливо спросила

Лиза.

— Мне нужно что-нибудь вроде карандаша. Только тоньше… А, вот!

Он взял со стола тонкую кисточку, засунул ее концом в скважину, повертел и немного надавил.

С приглушенным звяканьем ключ выпал из замка на бумагу. Никт втащил газету обратно — с ключом.

Лиза восхищенно рассмеялась.

— Ну ты пройдоха! Умно´!

Никт вставил ключ в замок, повернул и открыл дверь. На полу тесной лавки валялись двое. Грохот был неспроста: они лежали на разбитых настенных часах и обломках стульев, щуплый Эбинизер Болджер под громадной тушей Гастингса. Оба не шевелились.

— Они мертвые? — спросил Никт.

— Как же, надейся!

Рядом валялась блестящая серебряная брошь. Чудище сжимало в когтях алый камень с красно-оранжевыми разводами, а змееподобные морды смотрели с алчным торжеством.

Никт сунул брошь в карман, к тяжелому пресс-папье, кисточке и банке с краской.

— Это тоже возьми, — сказала Лиза.

Никт посмотрел на карточку с черными краями, где было написано от руки: «Джек». Ему стало не по себе, будто нахлынули какие-то старые воспоминания о пережитой опасности.

— Мне она не нужна.

— Нельзя ее тут оставлять. Они замыслили худое против тебя.

— Мне она не нужна. Она плохая. Сожгу.

— Нет! — ахнула Лиза. — Ни за что. Не смей!

— Тогда отдам Сайлесу, — решил Никт, положил карточку в конверт, чтобы больше к ней не прикасаться, а конверт опустил в нагрудный карман старой куртки.

За двести миль от этого места человек по имени Джек проснулся и принюхался. Потом сошел по лестнице вниз.

— Что стряслось? — спросила бабушка, помешивая на плите варево в большом чугунном котле. — Чего всполошился?

— Не знаю… Что-то случилось. Что-то… любопытное. — Он облизнулся. — Вкусно пахнет! Очень вкусно.

Блеснула молния, высветив камни мостовой.

Никт бежал под дождем через Старый город по направлению к кладбищу. Пока он сидел в кладовке, серый день потемнел. Когда под фонарями

мелькнула знакомая тень, Никт ничуть не удивился. Черное бархатное шуршание сложилось в фигуру.

Сайлес встал перед ним, скрестив руки. Потом нетерпеливо шагнул вперед.

— Ну?

— Прости меня, Сайлес.

— Я глубоко разочарован. — Сайлес покачал головой. — Я ищу тебя с тех пор, как проснулся. Ты весь пропах неприятностями. Знаешь ведь, что тебе запрещено выходить в мир живых.

— Знаю. Прости…

По лицу мальчика, словно слезы, текли капли дождя.

— Сначала отнесу тебя туда, где безопасно. — Сайлес набросил на него свой плащ, и у Никта земля ушла из-под ног.

— Сайлес… — начал Никт.

Тот молчал.

— Я немножко испугался. Но я знал, что ты придешь и выручишь меня, если будет совсем плохо. И еще со мной была Лиза. Она мне очень помогла.

— Лиза? — Голос Сайлеса прозвучал резко.

— Ведьма. С земли горшечника.

— Помогла тебе, говоришь?

— Да. Особенно *блекнуть*. Кажется, я научился.

Сайлес хмыкнул.

— Что ж, расскажешь всё дома.

Никт молчал, пока они не опустились на землю перед часовней. Они вошли в пустое здание. Ливень тем временем усилился, и лужи вздулись пузырями.

Никт достал конверт с карточкой.

— Э-э… Я подумал, что нужно отдать это тебе. Ну, вообще-то, так Лиза велела.

Сайлес посмотрел на конверт. Потом открыл его, достал карточку с черными краями. Перевернул, прочитал памятку Эбинизера Болджера о том, как использовать карточку.

— Расскажи мне всё по порядку.

Никт рассказал, что запомнил. Выслушав его, Сайлес медленно и задумчиво покачал головой.

— Я влип, да? — спросил Никт.

— Никто Оуэнс, ты действительно… влип. Однако, полагаю, твои родители сами выберут, какое дисциплинарное воздействие в данном случае необходимо. А пока нужно избавиться от этого предмета.

Карточка с черными краями исчезла в складках бархатного плаща, а потом исчез и сам Сайлес.

Никт натянул куртку на голову и пробрался по

скользким дорожкам на вершину холма, к мавзолею Фробишеров. Он отодвинул гроб Эфраима Петтифера и спустился на самое дно лаза.

Мальчик положил брошь рядом с кубком и ножом.

— Вот, — сказал он. — Ее даже почистили. Совсем как новенькая.

— ВСЁ ВОЗВРАЩАЕТСЯ, — удовлетворенно прошипел Слир голосом, похожим на завитки дыма. — ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЕТСЯ.

Долгая это была ночь… Никт сонно миновал крошечную гробницу некоей мисс с удивительным именем Картбланш Паразитт («Что потратила — пропало, что дала другим — осталось. Прохожий, будь милосерден!»), место упокоения Гаррисона Вествуда, пекаря сего прихода, и его жен Мэрион и Джоан. Мистер и миссис Оуэнс умерли за несколько веков до того, как телесные наказания детей объявили вредными, и, к сожалению, в ту ночь мистер Оуэнс сделал то, что считал своим долгом. Теперь ягодицы Никта ужасно болели. Правда, видеть встревоженное лицо миссис Оуэнс ему было куда больнее.

Он добрался до ограды и протиснулся между железными прутьями на землю горшечника.

— Эй! — крикнул он. Ответа не было, даже тени

не мелькнуло в боярышнике. — Надеюсь, тебя из-за меня никто не ругал.

Молчание.

Никт уже вернул джинсы в сарай садовника — в саване было удобнее, — но куртку оставил ради карманов. Из сарая он принес маленькую косу, вооружившись которой, атаковал заросли крапивы. Он резал их и кромсал, листья летели во все стороны, пока на земле не осталась лишь колючая щетина.

Мальчик вынул из кармана массивное пресс-папье, переливающееся яркими цветами, баночку краски и кисточку. Окунул кисть в коричневую краску и аккуратно вывел:

Э. Х.

И ниже:

Мы все помним.

Пора было спать, да и домой опаздывать не стоило.

Он поставил пресс-папье на бывшие заросли, туда, где, по его прикидкам, должна быть голова Лизы. Окинул свою работу взглядом, отвернулся, пролез через ограду и уже решительнее зашагал

вверх по склону.

— Неплохо, — донесся с неосвященной земли звонкий голосок. — Очень даже неплохо!

Никт обернулся, но никого не увидел.

Глава 5
ДАНС МАКАБР[12]

Никт был уверен: что-то происходит. Это ощущалось в хрустком зимнем воздухе, в звездах, в ветре, в темноте. В том, как краткие дни сменялись долгими ночами.

Миссис Оуэнс вытолкала мальчика из тесной гробницы.

— Поди погуляй! У меня и без тебя хлопот уйма!

Никт воззрился на мать:

— Но там же холодно!

— Понятное дело, зима на дворе!.. Теперь, — сказала она скорее себе, чем Никту, — ботинки. А гляньте только на это платье: юбку давно пора подрубить! И паутина… вокруг сплошная паутина, боже ты мой… Поди на улицу! — Это снова Никту. — Не путайся под ногами.

И она пропела себе под нос две строчки из песни, которую Никт слышал впервые:

К нам, бедняк и богатей,

---

[12] Примечания: 12

Данс макабр (*фр. Danse macabre*) — пляска смерти.

пляшем, пляшем макабрей!

— Это откуда? — полюбопытствовал Никт, но тут же раскаялся: миссис Оуэнс потемнела, как грозовая туча.

Мальчик поспешил уйти, пока ее неудовольствие не выразилось еще ярче.

На кладбище действительно было холодно. Холодно и темно, только в небе мерцали звезды. Никт вышел на заплетенную плющом Египетскую аллею. Там стояла матушка Хоррор и, сощурившись, смотрела на листья.

— Ну-ка, парень, присмотрись. У тебя глаза получше будут. Цветы видишь?

— Цветы? Зимой?

— Нечего мне рожи корчить! Всем цветам свое время. Почки набухают, распускаются и вянут. Всему свое время… — Она поплотнее закуталась в салоп. — Час труда и час затей, час для пляски макабрей. Верно, юноша?

— Не знаю, — ответил Никт. — А что такое макабрей?

Но матушка Хоррор уже скрылась в зарослях плюща.

— Странные дела… — вслух произнес Никт и решил зайти в мавзолей семейства Бартлби,

чтобы согреться и поболтать.

К сожалению, у представителей всех семи поколений (от самого старшего, который умер в 1831 году, до самого юного, похороненного в 1690-м), этой ночью не нашлось для Никта времени. Они занимались генеральной уборкой.

Фортинбрас Бартлби, скончавшийся в десять лет (от костоеды — несколько лет Никт думал, что Фортинбраса вместе с костями слопало какое-то чудище, и был очень разочарован, когда узнал, что это такая болезнь), извинился:

— Нам нынче не до игр, мистер Никт! Скоро будет завтра. Такое разве часто бывает?

— Каждую ночь, — ответил Никт. — Завтра приходит каждую ночь.

— Но такое завтра бывает редко, — возразил Фортинбрас. — Реже, чем раз в год, чаще, чем раз в вечность.

— Завтра не ночь Гая Фокса. И не Хэллоуин. Не Рождество и не Новый год.

Пухлое веснушчатое лицо Фортинбраса светилось радостью.

— Ни то, ни другое, ни третье, ни четвертое! Эта ночь не похожа на остальные.

— Как она называется? Что будет завтра?

— Завтра будет лучшая ночь на свете!

Никт уже думал, что Фортинбрас все ему расскажет, но того подозвала бабушка, Луиза Бартлби (на вид лет двадцати), и чтото шепнула ему на ухо.

— Да ладно! — сказал Фортинбрас, а потом повернулся к Никту. — Извини, мне пора за уборку! — Он взял тряпку и принялся выбивать пыль из собственного гроба. — Ла-ла-ла-бум! — запел он. — Ла-ла-ла-бум! — И с каждым «бум» сильно замахивался тряпкой. — Будешь петь с нами?

— Что петь?

— Потом, потом, — ответил Фортинбрас. — Завтра!

— Все потом, — сказала бабушка Луиза (она умерла родами, произведя на свет близнецов). — Займись своими делами.

И пропела приятным и чистым голосом:

Мимо окон и дверей
мы пропляшем макабрей…

Никт спустился к полуразрушенной небольшой часовне и *проскользнул* сквозь каменный пол в крипту. Там он сел и стал ждать Сайлеса. Было зябко, но это Никта не очень заботило: на кладбище он был своим, а мертвым холод нипочем.

Опекун вернулся под утро с большим полиэти-

леновым пакетом.

— Что там?

— Одежда для тебя. Примерь. — Сайлес достал серый свитер — цвета Никтова савана, — джинсы, трусы с майкой и светло-зеленые кеды.

— Зачем?

— Ты хочешь спросить, зачем нужна одежда помимо того, чтобы прикрывать тело? Что ж, во-первых, я считаю, что ты достаточно вырос — сколько тебе, десять? — и должен теперь одеваться, как живые. Рано или поздно тебе придется носить нормальную одежду, так почему бы не привыкнуть заранее? Кроме того, эта одежда может сыграть роль камуфляжа.

— Что такое камуфляж?

— Это когда одна вещь так похожа на другую, что люди смотрят и не понимают, на что смотрят.

— А-а, понял!.. Вроде.

Никт оделся. Со шнурками возникло некоторое затруднение, и Сайлес научил мальчика их завязывать. У Никта получилось не сразу, и ему пришлось перешнуровывать кеды несколько раз, пока Сайлес не остался доволен.

Наконец Никт набрался смелости и спросил:

— Сайлес, а что такое макабрей?

Сайлес приподнял брови и склонил голову набок.

— Откуда ты знаешь это слово?

— Все кладбище о нем говорит. Кажется, это то, что будет завтра ночью. Так что такое макабрей?

— Это танец. Данс-макабр.

— Пляшем, пляшем макабрей, — вспомнил Никт. — А ты его танцевал? Какой он?

Опекун обратил к нему глаза, темные, как омуты.

— Не знаю. Мне многое известно, Никт, потому что я провел немало ночей в этом мире. Однако я не знаю, что значит танцевать макабрей. Для этого нужно быть или живым, или мертвым — а я ни то, ни другое.

Никт вздрогнул. Ему захотелось обнять опекуна, прошептать, что он его никогда не бросит, но обнять Сайлеса казалось не проще, чем поймать лунный луч, — не потому, что опекун бестелесный, а потому, что это было бы неправильно. Есть те, кого можно обнимать, — Сайлеса нельзя.

Опекун задумчиво осмотрел Никта в новой одежде.

— Сойдет. Теперь по тебе не скажешь, что ты всю жизнь прожил на кладбище.

Никт гордо улыбнулся. Потом улыбка исчезла,

и он посерьезнел.

— А ты ведь будешь здесь всегда, Сайлес, правда? И я не уйду отсюда, если сам не захочу?

— Всему свое время, — сказал Сайлес и промолчал весь остаток ночи.

Назавтра Никт проснулся рано. Высоко в свинцовом небе еще блестело серебряной монетой солнце. Зимой легко было проспать весь дневной свет, прожить три месяца как одну долгую ночь. Поэтому каждый раз перед сном Никт обещал себе, что встанет пораньше и выйдет на улицу.

В воздухе стоял странный аромат, резкий, цветочный. Никт пошел на запах — к Египетской аллее, где в вечнозеленых джунглях плюща скрывались псевдоегипетские стены, иероглифы и статуи.

Здесь пахло сильнее всего. Никту даже показалось, что выпал снег: на зеленых листьях виднелись белые пятна. Он присмотрелся: каждое пятно состояло из мелких пятилепестковых цветков. Едва мальчик наклонил голову, чтобы их понюхать, как раздались чьи-то шаги.

Никт скрылся в плюще и стал наблюдать. В Египетскую аллею вошли трое мужчин и одна женщина — все живые. У женщины на шее висела богатая узорная цепь.

— Эти кусты? — спросила она.

— Да, миссис Карауэй, — сказал один из ее спутников, пухлый блондин.

Он совсем запыхался. У всех мужчин в руках были большие корзины.

— Что ж, как скажете… — отозвалась женщина. — Но, честно говоря, я ничего не понимаю. — Она посмотрела на цветы. — Что мне теперь делать?

Самый низкорослый мужчина достал из своей корзины старые серебряные ножницы:

— Ножницы, госпожа мэр.

Та взяла ножницы и принялась состригать цветы и складывать в корзины. Мужчины ей помогали.

Через некоторое время женщина не выдержала:

— Это глупость!

— Это традиция, — возразил пухлый.

— Сущая глупость, — повторила миссис Карауэй, но продолжала стричь ножницами, пока не наполнилась первая корзина: — Ну, хватит?

— Нужно заполнить все четыре, — сказал низкий, — и раздать всем жителям Старого города.

— Откуда взялась эта традиция? — спросила миссис Карауэй. — Я спрашивала прежнего лорд-

мэра. Он сказал, что впервые о ней слышит… Вам не кажется, что за нами кто-то наблюдает?

— Что? — переспросил третий, который до сих пор не сказал ни слова, — бородатый, в чалме, с двумя корзинами. — Думаете, привидения? Я в них не верю.

— Не привидения. Просто такое чувство, будто на нас смотрят.

Никт еле сдержался, чтобы не зарыться поглубже в плющ.

— Ничего удивительного, что ваш предшественник не знает об этой традиции, — сказал пухлый, чья корзина уже почти наполнилась. — Зимние цветы расцвели впервые за восемьдесят лет.

Не верящий в привидения бородач в чалме нервно озирался.

— Всему Старому городу полагается по цветку, — вставил низкорослый. — Каждому мужчине, женщине и ребенку. — И медленно добавил, словно вспоминая выученное давным-давно:

Кто моложе, кто дряхлей,
все танцуют макабрей.

Миссис Карауэй фыркнула:

— Ну и бессмыслица! — но продолжила свое

занятие.

Сумерки спустились на кладбище рано, а к половине пятого совсем стемнело. Никт бродил по дорожкам и искал, с кем поговорить. Он заглянул на землю горшечника к Лизе Хемпсток, но ведьмочка не показалась. Даже гробница Оуэнсов опустела: его родители куда-то пропали.

Мальчика охватила почти животная паника. Впервые за десять лет ему показалось, что его бросили. Он сбежал по холму к старой часовне и стал ждать Сайлеса.

Сайлес все не появлялся.

«Наверное, я его не заметил», — утешал себя Никт. Он поднялся на самую верхушку холма и огляделся. В морозном небе сияли звезды, ниже стелился узор городских огней — уличные фонари, пляшущие фары. Никт медленно спустился к главным воротам кладбища.

И вдруг зазвучала музыка.

За свою жизнь Никт слышал самую разную музыку: веселые мелодии с фургонов мороженщиков, песни из радиоприемников строителей, мотивчики Джейка Кларетти, которые тот наигрывал покойникам на старой пыльной скрипчонке. Но такое мальчик слышал впервые: музыка то стихала, то нарастала грандиозными

волнами, как вступление к чему-то значительному, прелюдия или увертюра.

Никт прошел сквозь запертые ворота и спустился в старый город.

На углу стояла госпожа мэр. Никт увидел, как она прикалывает маленький белый цветок к лацкану прохожего бизнесмена.

— Я не занимаюсь частной благотворительностью! — сказал тот. — Мы делаем пожертвования централизованно.

— Это не сбор благотворительных средств, — ответила миссис Карауэй, — а местная традиция.

— А-а! — воскликнул бизнесмен и гордо выпятил грудь с цветком.

Следующей оказалась молодая женщина с ребенком в коляске.

— Это еще зачем? — подозрительно спросила она, когда мэр двинулась к ней.

— Один вам, другой малышу.

Госпожа мэр прикрепила цветы: к пальто женщины — булавкой, к курточке ребенка — скотчем.

— А зачем? — снова спросила женщина.

— Так принято в Старом городе, — туманно ответила мэр. — Вроде традиции.

Никт пошел дальше. Все прохожие щеголяли

белыми украшениями. Мужчины, которые ходили на кладбище вместе с мэром, раздавали белые цветы из корзин. Почти никто не отказывался.

А музыка все играла, еле слышная, торжественная, непривычная. Никт склонил голову набок, пытаясь определить, откуда она идет. Музыка была везде: в воздухе, в хлопающих на ветру флагах и навесах, в далеком рокоте автомобилей, в стуке каблуков по мостовой…

Никт еще раз посмотрел на людей, которые направлялись с работы домой, и вдруг заметил, что все идут в такт.

У бородача в чалме в корзине почти закончились цветы. Никт подошел к нему.

— Простите…

Мужчина вздрогнул.

— Нельзя так подкрадываться!

— Извините, — произнес Никт. — Можно и мне цветок?

Тот с подозрением оглядел Никта.

— Ты местный?

— Еще бы! — заверил его Никт.

Мужчина дал Никту белый цветок.

— Ой! — Никта что-то кольнуло в основание большого пальца.

— Прикрепи к куртке, — сказал мужчина. —

Осторожно, булавка!

На пальце выступила алая капля, и мальчик сунул его в рот.

Мужчина сам приколол цветок к его одежде.

— Что-то я тебя раньше не видел.

— Да живу я здесь, живу, — отмахнулся Никт. — А цветы зачем?

— В Старом городе, пока он не разросся, была такая традиция. Когда на кладбище, что на холме, среди зимы расцветают цветы, их срезают и раздают всем: мужчинам и женщинам, молодым и старым, богатым и бедным.

Музыка стала громче: наверное, подумал Никт, потому что теперь у него был цветок. Мальчик различал глухой бой барабанов, отбивавших ритм, и замысловатую мелодию на высоких нотах, от которой так и хотелось плясать.

Никт еще никогда не гулял по городу, не осматривал достопримечательностей. Он забыл, что ему нельзя покидать кладбище и что все могилы опустели. Сейчас он думал только о Старом городе. Он трусцой пробежал к городскому саду перед старой ратушей (из нее уже давно сделали музей и информационный центр для туристов, а мэрию перевезли в более внушительное, но самое обыкновенное здание в новом районе).

По городскому саду, который среди зимы напоминал скорее поросший травой пустырь с редкими кустами и статуями, бродили люди.

Никт зачарованно вслушивался. На площадь ручейком стекались люди — в одиночку, попарно, с семьями. Еще никогда Никт не видел столько живых одновременно. Их были тут сотни, и все дышат, все живые, как он, все — с белыми цветками на груди.

«Вот какие, оказывается, у живых обычаи», — подумал Никт, но тут же понял, что ошибается. То, что сейчас происходило, было в новинку не только ему.

Уже знакомая молодая женщина с коляской стояла с ребенком на руках и покачивала головой в такт музыке.

— Долго еще будет музыка? — спросил ее Никт, но она ничего не ответила, только улыбнулась и продолжала качать головой.

Никту почему-то показалось, что улыбка ей не так уж привычна. Он уже решил было, что незаметно для себя *поблек* или с ним не хотят разговаривать, как вдруг она сказала:

— Ах, чтоб тебя! Прям как Рождество! — Ее голос прозвучал сонно и отстраненно. — Я даже вспомнила сестру моей бабки, тетю Клару. Когда

бабушка умерла, мы ходили в сочельник к ее сестре. Она играла на старом пианино, иногда пела, а мы лопали шоколадки с орехами. Не помню, что за песни она пела, но эта музыка — как те песни.

Ребенок прикорнул у матери на плече, но не спал, а чуть поводил ручками в такт музыке.

А потом музыка замолчала, и на площади перед городским садом воцарилась тишина, приглушенная, словно под снегопадом. Ночь поглотила все шумы и шорохи; люди на площади не топали ногами, не шаркали и почти не дышали.

Совсем близко часы пробили полночь. И явились они.

Они сошли с холма медленно и торжественно, по пятеро в ряд. Никт знал их всех — или почти всех. Впереди он заметил матушку Хоррор, Иосию Уордингтона, старого графа, раненного в крестовом походе, доктора Трефузиса… Горожане заахали, кто-то крикнул плачущим голосом:

— О боже, это же Страшный суд!

Однако большинство смотрело на происходящее совершенно невозмутимо, словно все это было во сне.

Шеренги мертвецов достигли площади.

Иосия Уордингтон поднялся по ступеням и встал рядом с госпожой мэром. Потом протянул

руку и сказал громко, на всю площадь:

— Вашу руку, мэм, смелей! Потанцуем макабрей.

Миссис Карауэй заколебалась, глянула на мужчину, стоящего рядом (в халате, пижаме и шлепанцах, с белым цветком на отвороте халата). Мужчина улыбнулся и кивнул миссис Карауэй.

— Конечно! — ответила миссис Карауэй.

Едва ее пальцы коснулись Иосии Уордингтона, музыка заиграла снова. Если раньше Никт слышал прелюдию, то теперь началось самое главное. Именно ради этой музыки все они здесь собрались.

Повинуясь мелодии, которая будто пощипывала их и подталкивала, живые и мертвые взялись за руки и заплясали.

Матушка Хоррор встала в пару с человеком в чалме, а давешний бизнесмен — с Луизой Бартлби. Миссис Оуэнс улыбнулась Никту и увлекла за собой старого продавца газет. Мистер Оуэнс нагнулся к маленькой девочке, и та взяла его руку с такой радостью, словно всю жизнь мечтала об этом танце. А потом Никт перестал смотреть на других, потому что его тоже повели танцевать.

Лиза Хемпсток широко улыбалась, выводя фигуры танца.

— Как чудесно! — воскликнула она, а потом пропела:

Друг за другом, всё быстрей,
пляшем, пляшем макабрей.

От этой музыки тело и душа Никта переполнились бешеным ликованием, а ноги задвигались сами, словно всегда знали каждое па.

Когда танец с Лизой Хемпсток закончился, к Никту подошел Фортинбрас Бартлби, и они проплясали мимо верениц танцоров, которые расходились и уступали им дорогу.

Живые танцевали с мертвыми; Никт даже заметил Эбинизера Болджера с мисс Борроуз, его бывшей учительницей. А потом пары соединились в длинную цепь и заскакали в унисон, выбрасывая ногу в сторону («Ла-ла-ла-бум! Ла-ла-лабум!») — общий танец, который был древним уже тысячу лет назад.

Никт снова оказался рядом с Лизой Хемпсток.

— Откуда идет музыка?

Она пожала плечами.

— Кто это все устроил?

— Так всегда само получается, — ответила она. — Живые, может, и не помнят, но мы всегда… — Она осеклась и радостно вскрикну-

ла: — Смотри!

Никт никогда не видел живых лошадей, только в книжках с картинками, но белый конь, который приближался к ним, цокая копытами, совсем не походил на то, какими он их себе представлял. Этот оказался гораздо крупнее, и морда у него была вытянутая и серьезная. На коне без седла восседала всадница в длинном сером платье, мерцавшем под декабрьской луной, как покрытая росой паутина.

Всадница остановила коня посреди площади и легко соскользнула на землю. Какое-то время она молча стояла и смотрела на собравшихся. А потом присела в реверансе.

Все как один поклонились или сделали ответный реверанс, и танец начался снова.

Госпожа, что всех добрей,
возглавляет макабрей.

Пропела Лиза Хемпсток и закружилась в танце, уходя все дальше от Никта. Они прыгали в такт музыке, кружились и выбрасывали ноги в стороны. Всадница кружилась и плясала вместе со всеми. Даже белый конь мотал головой и переступал с ноги на ногу.

Музыка ускорилась, и танцоры тоже. Никт с

трудом переводил дух, но не хотел, чтобы кончался танец: макабрей, танец живых с мертвыми, танец со Смертью. Никт улыбался, и улыбались все вокруг.

Иногда, кружась по саду, он замечал среди танцующих даму в сером платье.

Все, все танцуют! Едва подумав так, Никт понял, что ошибается. Из тени старой ратуши на них смотрела неподвижная черная фигура.

Была ли на лице Сайлеса тоска, печаль или что-то другое?.. Лицо опекуна казалось совершенно непроницаемым.

Никт крикнул:

— Сайлес!

Он надеялся, что опекун подойдет к ним, присоединится к танцу, порадуется вместе со всеми. Однако, услышав свое имя, Сайлес отступил глубже в тень и скрылся из виду.

— Последний танец! — крикнул кто-то, и музыка стала медленной и торжественной.

Живые и мертвые встали в пары. Никт протянул руку и обнаружил, что касается дамы в паутинном платье и смотрит в ее серые глаза.

Она улыбнулась.

— Здравствуй, Никт!

— Здравствуйте, — сказал он и начал танце-

вать. — Я не знаю, как вас зовут.

— Имена не так уж важны.

— Мне ужасно нравится ваш конь. Такой огромный! Я и не знал, что кони бывают такие большие.

— В нем хватит кротости, чтобы унести на своей широкой спине самых могучих из людей, и хватит силы для самых крошечных.

— А можно мне на нем прокатиться? — спросил Никт.

— Когда-нибудь прокатишься, — сказала она, и ее паутинный подол блеснул. — Однажды. Рано или поздно на него садятся все.

— Обещаете?

— Обещаю.

На этом танец закончился. Никт поклонился партнерше и вдруг почувствовал страшную усталость, будто плясал много часов подряд. Все мышцы болели, дышалось с трудом.

Где-то пробили часы. Никт посчитал удары: двенадцать. Они протанцевали двенадцать часов, сутки… или нисколько?

Никт огляделся. Мертвые куда-то делись, да и Всадницы на белом коне тоже не было видно. Остались лишь живые, и те уже расходились по домам — сонно, неуклюже, словно не вполне

очнувшись от глубокого сна.

Городскую площадь, как после свадьбы, усеяли крошечные белые цветочки.

Никт проснулся в гробнице Оуэнсов с радостным чувством. Ему не терпелось поделиться всем, что он увидел и узнал!

Когда встала миссис Оуэнс, Никт заявил:

— Прошлой ночью было здорово!

— Да неужели?!

— Мы танцевали. Все. В Старом городе!

— Вот-те раз! — возмутилась миссис Оуэнс. — Танцевали, надо же! А ты ведь знаешь, что тебе запрещено выходить в город!

Никт знал, что когда мать в таком настроении, с ней лучше не спорить, и молча *проскользнул* сквозь стену гробницы навстречу сумеркам.

Он поднялся к черному обелиску и надгробному камню Иосии Уордингтона. С этого возвышения было удобно смотреть на Старый город и огни домов.

Рядом возник Иосия Уордингтон.

— Вы открыли танец. С мэром. Вы с ней танцевали! — сказал Никт.

Иосия Уордингтон посмотрел на него, но промолчал.

— Я видел!

— Мальчик, мертвые и живые не встречаются. Мы не связаны с их миром, они — с нашим. Если мы и танцевали вместе данс-макабр, танец смерти, не стоит об этом рассказывать, тем более живым.

— Но я такой же, как вы.

— Пока нет, мальчик. Тебе еще жить и жить.

Наконец Никту стало ясно, почему он оказался на площади среди живых, а не спустился с друзьями с холма.

— Кажется, я понял…

Он сбежал по холму со всех ног, как обычный десятилетний мальчик, который очень спешит, споткнулся о могилу Дигби Пула (1785–1860, «Я дома — ты в гостях») и чудом не упал. Только бы Сайлес его дождался! Мальчик добрался до часовни и сел на скамью.

Рядом что-то шелохнулось, хотя он не услышал ни звука.

Опекун сказал:

— Добрый вечер, Никт.

— Ты был там вчера! Только не говори, что не был и ничего не знаешь, я тебя видел.

— Да, был, — ответил Сайлес.

— Я танцевал с ней. С Всадницей на белом коне.

— Неужели?!

— Ты видел! Ты на нас смотрел! На живых и мертвых! Мы танцевали! Почему никто не хочет об этом говорить?

— Потому что у людей бывают тайны. Потому что не обо всем можно говорить. Потому что люди многое забывают.

— А тебе, значит, можно? Мы же говорим!

— Я не танцевал.

— Но смотрел.

— И не понимал, что вижу.

— Я танцевал с Всадницей, Сайлес! — воскликнул Никт.

И вдруг ему показалось, что опекун очень-очень огорчился. Мальчик испугался, словно ненароком разбудил спящую пантеру.

— Разговор окончен, — только и сказал Сайлес.

Никт мог поспорить — в голове у него возникла сотня возражений и вопросов, хоть он и знал, что произносить их неразумно, — но его внимание привлекло нечто: тихий шелест, нежный и легкий, как перышко, холодное прикосновение к лицу. Он начисто забыл про танец; страх сменился восторгом.

— Сайлес, смотри! Снег идет! — Никт видел снег третий раз в жизни. Радость переполнила его, не

оставив места другим мыслям и чувствам. — Самый настоящий снег!

Интерлюдия
БОЛЬШОЕ СОБРАНИЕ

кромная вывеска в гостиничном вестибюле объявляла, что на этот вечер зал «Вашингтон» заказан частной организацией. Какой именно, не объяснялось. Впрочем, даже если бы вы заглянули внутрь, яснее бы вам не стало. Вы бы, однако, сразу заметили, что среди участников собрания нет ни одной женщины: только мужчины, которые за круглыми обеденными столами доедали десерт.

Участников было около сотни. Все в неброских черных костюмах, но на этом их сходство заканчивалось. Тут были седые старики, брюнеты, блондины, рыжие и лысые; с лицами дружелюбными и враждебными, добрыми и хмурыми, честными и скрытными, грубыми и утонченными. Большинство принадлежало к европеоидной расе, хотя встречались и чернокожие, и очень смуглые: африканцы, индийцы, китайцы, южноамериканцы, филиппинцы… Все обращались друг к другу и к официантам по-английски, но с самыми разнообразными акцентами. Они съеха-

лись сюда со всего мира.

Мужчины в черном сидели за столами и слушали стоящего на сцене веселого толстяка. Толстяк — в серо-полосатом костюме-визитке, в каких ходят на свадьбу — рассказывал о совершенных Добрых Делах. Отправили на отдых детей из бедных семей! Приобрели автобус, чтобы возить на экскурсии неимущих!

Человек по имени Джек сидел за средним столом впереди. Рядом расположился элегантный мужчина с серебристой шевелюрой. Оба ждали кофе.

— Время поджимает, — произнес седой, — а мы моложе не становимся.

Человек по имени Джек ответил:

— Я тут подумал… То, что случилось в Сан-Франциско четыре года назад…

— …прискорбно, но, как цветы, что раскрылись весной, тра-ля[13], абсолютно не имеет отношения к делу. Ты напортачил, Джек. Ты должен был прикончить всех до единого. Включая ребенка. Особенно ребенка. «Почти» не считается.

Официант в белом смокинге налил кофе всем сидящим за средним столом: невысокому

---

[13] Примечания: 13

«…как цветы, что раскрылись весной, тра-ля» — строчка из либретто комической оперы «Микадо» Гилберта и Салливана (1885).

мужчине с тонкими, как карандашом нарисованными, черными усиками, крупному блондину с внешностью киноактера или манекенщика, круглоголовому негру, злобно набычившемуся на весь мир. Все старательно делали вид, что не слушают Джека, смотрели на сцену и даже иногда хлопали.

Седой всыпал в чашку несколько ложек сахара и быстро размешал.

— Десять лет… Время не ждет. Ребенок скоро вырастет. И что тогда?

— Есть еще время, мистер Денди… — начал человек по имени Джек, но седой ткнул в него пухлым розовым пальцем.

— Время у тебя было! Теперь остался последний срок. Берись за ум! Хватит с тебя поблажек. Мы устали ждать. Все устали.

Человек по имени Джек отрывисто кивнул.

— У меня есть зацепки.

Седой шумно отхлебнул кофе.

— В самом деле?

— Да. Думаю, здесь все-таки есть связь с Сан-Франциско.

— С секретарем говорил?

Мистер Денди кивнул на толстяка, который в этот самый момент рассказывал со сцены, какое

оборудование закупила больница на их пожертвования. («Не один аппарат для диализа, не два, а целых три!») Слушатели вежливо аплодировали собственной щедрости.

Человек по имени Джек кивнул.

— Да, говорил.

— И?

— Ему все равно. Его интересует только результат. Хочет, чтобы я завершил то, что начал.

— Мы все этого хотим, радость моя, — сказал седой. — Мальчик еще жив. И время не на нашей стороне.

Соседи, которые делали вид, что не слушают, согласно захмыкали и закивали.

— То-то и оно, — бесстрастно заключил мистер Денди. — Время поджимает.

Глава 6
ШКОЛЬНЫЕ ДНИ НИКТА ОУЭНСА

ил дождь, и мир растекся на отражения в лужах. Никт спрятался от всех — живых и мертвых — под аркой, которая отделяла Египетскую аллею и заросший пустырь от остального кладбища, и читал.

— Да пропади ты пропадом! — донесся вопль с дорожки. — Пропади пропадом, лопни твои гляделки! Ну погоди, вот поймаю — а я тебя мигом поймаю! — и ты пожалеешь, что на свет родился!

Никт вздохнул, опустил книгу и высунулся из своего укрытия ровно настолько, чтобы увидеть топающего по скользкой дорожке Теккерея Порринджера (1720–1734, «сын вышеупомянутых»). Теккерей, для своих четырнадцати лет крупный и здоровый мальчик, умер, едва поступив в подмастерья к маляру. В качестве обряда посвящения ему вручили восемь медных пенни и велели не приходить без полугаллона полосатой краски для бело-красной вывески цирюльника. Пять часов Теккерей месил башмаками слякоть и

подвергался насмешкам в каждой лавке, пока не сообразил, что над ним подшутили. От злости с ним случился апоплексический удар. Через неделю бедняга скончался, яростно тараща глаза на других учеников и на самого мастера Горробина (тот в бытность свою подмастерьем терпел куда большие издевательства и даже не понял, отчего малец так разволновался).

Умирая, Теккерей Порринджер сжимал в руках книгу про Робинзона Крузо — все свое имущество, не считая одежды да серебряного шестипенсовика с обрубленными краями. По просьбе матери его похоронили с этой книгой.

После смерти нрав Теккерея Порринджера отнюдь не улучшился.

— Я знаю, ты где-то тут! Вылезай и получи, что тебе причитается, наглый воришка!

Никт закрыл книгу.

— Я не воришка, Теккерей. Я просто взял ее почитать. Обещаю, что верну.

Теккерей заметил Никта за статуей Осириса.

— Я тебе не разрешал!

Никт вздохнул.

— Тут так мало книг! И вообще, я как раз добрался до интересного места. Он нашел отпечаток ноги. Чужой. Значит, на острове есть кто-то еще!

— Это моя книга, — упрямился Теккерей Порринджер. — Отдай!

Никт хотел было поспорить или хотя бы поторговаться, но заметил обиду на лице Теккерея и сжалился. Он спрыгнул с арки и протянул книгу владельцу.

— На!

Теккерей выхватил книгу и злобно на него уставился.

— Хочешь, почитаю тебе вслух? — предложил Никт. — Мне не трудно.

— Раз ты такой добрый, сунь свою тупую башку в кипящий котел! — заявил Теккерей и двинул ему кулаком в ухо.

Никту было больно, но по лицу Порринджера он понял, что тот ушиб руку не меньше.

Старший мальчик ушел вниз по дорожке, Никт проводил его взглядом. Ухо болело так, что в глазах щипало. Никт побрел домой по заросшей плющом дорожке. Один раз его угораздило поскользнуться, и он порвал джинсы и ссадил колено.

В ивовой рощице под кладбищенской стеной Никт едва не врезался в мисс Евфимию Хорсфолл и Тома Сэндса, которые уже много лет восставали из могилы вместе. Том жил во времена Столет-

ней войны, и его надгробный камень давно превратился в обычный валун. Мисс Евфимию (1861–1883, «Усопла, да, но почивает с ангелами ныне») похоронили в викторианские времена, когда кладбище расширили и погребения поставили на поток. У мисс Евфимии была на Ивовой аллее целая гробница с черной дверью. Несмотря на разницу в датах жизни, парочка прекрасно ладила.

— Эгей, юный Никт, не лети! — сказал Том. — А то свалишься.

— Уже! — воскликнула мисс Евфимия. — Господи, Никт! Вот маменька тебя отчитает! Не так просто заштопать эти панталоны.

— Э-э… Извините…

— А еще тебя искал опекун, — добавил Том.

Никт взглянул на серое небо.

— Но еще день.

— Он встал спозаранку. — Никт давно знал, что «спозаранку» — это «рано утром». — И попросил передать тебе, что он тебя ищет. На случай, если мы тебя встретим.

Никт кивнул.

— Аккурат за Литтлджонсами поспела лещина, — улыбнулся Том, пытаясь поднять ему настроение.

— Спасибо, — ответил Никт и сломя голову помчался дальше, по мокрой извилистой дорожке, до самой старой часовни.

Дверь часовни была приоткрыта. Сайлес, не любивший ни дождя, ни солнечного света, даже скудного, стоял в тени.

— Мне сказали, ты меня искал.

— Да, — ответил Сайлес. — А ты, похоже, порвал брюки.

— Я бежал, — объяснил Никт. — Э-э… Я тут немножко подрался с Теккереем Порринджером. Хотел почитать «Робинзона Крузо». Про человека на корабле — это такая штука, которая плавает по морю, а море — это вода, похожая на большую лужу… Там еще корабль терпит крушение у острова — это такое место в море, где можно стоять — и…

— Одиннадцать лет, Никт. Ты с нами уже одиннадцать лет.

— Наверное. Тебе виднее.

Сайлес посмотрел на своего подопечного. Мальчик рос худощавым; волосы мышиного цвета со временем чуть потемнели.

Старую часовню затопили тени.

— Думаю, пора рассказать тебе, откуда ты взялся.

Никт глубоко вдохнул.

— Можно и не сейчас. Как хочешь.

Он сказал это беззаботным тоном, но сердце у него в груди громко застучало.

Наступила тишина. Только капал дождь да журчала вода в водосточных трубах. Молчание стало почти невыносимым.

Наконец Сайлес сказал:

— Ты знаешь, что ты другой. Ты живой. И мы — они — тебя приняли, а я согласился тебя опекать.

Никт молчал.

Бархатный голос Сайлеса продолжал:

— У тебя были родители. И старшая сестра. Их убили. Полагаю, тебя убили бы тоже, если бы не случайность и не вмешательство Оуэнсов.

— И твое, — вставил Никт, которому описывали эту ночь многие очевидцы.

— Там, в большом мире, бродит человек, убивший твоих родных. Судя по всему, он до сих пор ищет тебя и тоже хочет убить.

Никт пожал плечами.

— И что с того? Подумаешь, убьет! Все мои друзья мертвые.

— Да… — Сайлес заколебался. — Они мертвы. И в этом мире им больше делать нечего. Но не тебе. Ты живой, Никт. Это значит, твой потенциал бесконечен. Ты сможешь достичь чего угодно,

сделать любое открытие, найти что-то новое. Если ты захочешь изменить мир, он изменится. Потенциал. Как только ты умрешь, всё кончится. Всё. Ты сделал что сделал, придумал что придумал, вписал или не вписал свое имя в историю. Возможно, тебя похоронят здесь. Возможно, ты даже восстанешь. Но твой потенциал будет исчерпан.

Никт задумался. Вроде бы Сайлес был прав, хотя на ум приходили кое-какие исключения — например, как его усыновили Оуэнсы. Впрочем, он понимал, что мертвые и живые отличаются друг от друга, пусть даже мертвые ему симпатичнее.

— А ты? — спросил он Сайлеса.

— Что я?

— Ну, ты не живой. Но ты путешествуешь и все такое.

— Я — только то, что я есть, и ничего больше. Как ты сам сказал, не живой. Если меня, скажем так, убить, я просто исчезну. Такие, как я, или есть, или нас нет. Если ты понимаешь, о чем я.

— Не совсем.

Сайлес вздохнул. Дождь кончился; дневной туман превратился в сумерки.

— Никт… У нас много поводов держать тебя на кладбище, в безопасности.

— Человек, который убил мою семью… и ищет меня… Ты уверен, что он до сих пор там?

Никт уже думал об этом и точно знал, чего хочет.

— Да. Еще там.

— Тогда… — Никт наконец произнес непроизносимое. — …Я хочу пойти в школу.

Сайлес отличался крайней невозмутимостью. Настань конец света, он бы и бровью не повел. Однако сейчас он открыл рот, наморщил лоб и произнес:

— Что?!

— Я многому научился на кладбище, — сказал Никт. — Я умею *блекнуть* и *ходить по снам*. Знаю, как открывается упырья дверь и как называются созвездия. Но там, снаружи, целый мир: море, острова, кораблекрушения и поросята. То есть всё, чего я не знаю. Здешние учителя многому меня научили, но этого мало, если я хочу выжить в большом мире.

Его речь не произвела на Сайлеса особого впечатления.

— Ни в коем случае! Здесь мы можем тебя защитить. А как защитить тебя там? С тобой может случиться что угодно.

— Да, — согласился Никт. — Ты уже говорил. —

Он помолчал. — Кто-то убил моих родителей и сестру.

— Да.

— Этот «кто-то» — мужчина или женщина?

— Мужчина.

— Значит, ты задаешь неправильный вопрос.

Сайлес приподнял бровь.

— То есть?

— То есть, если я выйду наружу, надо спрашивать не «Кто тебя от него защитит?»

— Да?

— Да. Надо спрашивать, кто защитит *его* от *меня*.

В высокие окна царапнули ветки, словно просились внутрь. Острым, как лезвие, ногтем Сайлес стряхнул с рукава воображаемую пылинку.

— Давай найдем тебе школу.

Сперва мальчика не замечали. И никто не замечал, что не замечает его. Никт сидел в классе, отвечал, только если ему задавали вопрос напрямую, и даже тогда ответы его были краткими, бесцветными и легко забывались. Он словно ускользал от взглядов и из памяти.

— Как думаете, его родители — не сектанты? — спросил мистер Керби в учительской, проверяя сочинения.

— Чьи? — не поняла миссис Маккиннон.

— Оуэнса из восьмого «Б», — ответил мистер Керби.

— Это такой прыщавый и высокий?

— Да нет. Скорее среднего роста.

Миссис Маккиннон пожала плечами.

— Ну и что этот Оуэнс?

— Пишет все от руки, — сказал мистер Керби. — Очень красивый почерк. Каллиграфический.

— И потому вы решили, что он сектант?..

— Говорит, у него дома нет компьютера.

— И?

— И телефона.

— Не вижу связи с религией, — сказала миссис Маккиннон.

С тех пор как в учительской запретили курить, она начала вязать крючком. Вот и сейчас она упорно вязала крошечное одеяльце — сама не зная, для кого.

Мистер Керби пожал плечами.

— Смышленый мальчик. Правда, в знаниях у него пробелы. И на уроках истории он придумывает всякие подробности, которых нет в учебнике…

— Какие подробности?

Мистер Керби закончил проверять сочинение

Никта и положил его в общую стопку. Теперь о мальчике ничто не напоминало, и весь разговор показался учителю туманным и скучным.

— Всякие… — сказал он и тут же все забыл.

Точно так же он забыл внести в список учащихся имя Никта, и тот не попал в школьную базу данных.

Никт был учеником прилежным, но неприметельным — и его не замечали. В свободное время он часто сидел в кабинете английского языка, у полок со старыми книгами в мягких обложках, и в школьной библиотеке, большом помещении с мягкими креслами, где глотал книжку за книжкой с большей жадностью, чем некоторые дети — обед.

Даже одноклассники про него забывали. Конечно, когда он сидел прямо перед ними, его помнили. Но едва Оуэнс скрывался из виду, о нем просто не думали — не было необходимости. Если бы весь восьмой «Б» попросили закрыть глаза и перечислить учеников класса, имя Оуэнса не прозвучало бы ни разу. Он был словно призрак — пока не уткнешься в него носом.

Бобу Фартингу было двенадцать, но он вполне мог сойти (и иногда сходил) за шестнадцатилет-

него: крупный подросток с кривой ухмылкой и полным отсутствием воображения. Он был практичным в самом примитивном смысле слова — умелый магазинный воришка, мелкий хулиган, который плевать хотел, что его недолюбливают, главное, чтобы слушались. У Боба Фартинга была подружка по имени Морин Квиллинг — все ее звали просто Мо — худая и бледная с соломенно-светлыми волосами, водянисто-голубыми глазами и острым любопытным носом. Боб любил воровать в магазинах, но именно Мо советовала, что стащить. Боб умел бить, мучить и запугивать, Мо указывала ему на очередную жертву. Как частенько говорила сама Мо, они прекрасно дополняли друг друга.

Эти двое сидели в уголке библиотеки и делили деньги, отнятые у семиклассников. Восемь или девять одиннадцатилеток были вынуждены каждую неделю отдавать им свои карманные деньги.

— Сингх до сих пор жмется, — сказала Мо. — Найдешь его.

— Ага, — сказал Боб. — Куда он денется.

— Что он стащил? Компакт-диск?

Боб кивнул.

— Объясни ему, что он совершает серьезную

ошибку.

Мо любила притворяться этаким крепким орешком из телесериалов про полицию.

— Легко, — ответил Боб. — Классная мы команда.

— Как Бэтмен и Робин, — подхватила Мо.

— Скорее как доктор Джекилл и мистер Хайд, — сказал тот, кто все это время незаметно сидел с книгой у окна, а потом встал и вышел.

Пол Сингх сидел на подоконнике у раздевалки, запихнув руки глубоко в карманы, и думал мрачную думу. Он достал руку из кармана, разжал и посмотрел на горсть фунтовых монет. Покачал головой и снова зажал монеты в руке.

— Для Боба с Мо? — услышал он, подскочил от неожиданности, и деньги рассыпались.

Второй мальчик помог собрать монеты и отдал Полу. Мальчик был старше и кого-то Полу напоминал.

Пол спросил:

— Ты от них?

Второй мальчик покачал головой.

— Не-а. По-моему, они гады. — Он заколебался, но потом добавил: — Вообще-то я пришел дать тебе совет.

— Какой?

— Не отдавай им деньги.

— Тебе легко говорить!

— Потому что меня они не шантажируют? — Старший мальчик посмотрел на Пола, и тот пристыженно отвел глаза. — Тебя били и запугивали, пока ты не стащил для них компактдиск. Потом тебе пригрозили, что расскажут всё взрослым, если ты не будешь отдавать им свои карманные деньги. Что они сделали, сфотографировали тебя в магазине?

Пол кивнул.

— Откажись, и все. Не слушайся.

— Они меня убьют. Они сказали…

— А ты им скажи, что полиция и директор школы больше заинтересуются теми, кто заставляет младших таскать для них вещи и отдавать карманные деньги, чем мальчиком, которого они вынудили украсть диск. Скажи, что если тебя тронут хоть пальцем, ты сам позвонишь в полицию. Что ты все записал, и если тебя обидят, например, побьют, твои друзья сразу отошлют письмо директору и в полицию.

— Но… я не смогу!

— Тогда ты будешь отдавать им карманные деньги до конца учебы. И всегда будешь бояться.

Пол подумал.

— А может, лучше сразу рассказать полиции?

— Как хочешь.

— Сначала попробую сделать, как ты сказал! — улыбнулся мальчик — впервые за три недели.

Вот так Пол Сингх и объяснил Бобу Фартингу, почему тот не дождется от него денег. Пол ушел, а Боб Фартинг еще долго стоял молча, сжимая и разжимая кулаки. На следующий день к Бобу подошли еще пятеро одиннадцатилеток и потребовали, чтобы тот вернул деньги, отнятые у них в прошлом месяце, а не то они пойдут в полицию. Огорчению Боба Фартинга не было предела.

— Это все он! — прошипела Мо. — Он это начал. Они бы сами ни за что не додумались! Вот кого надо проучить. Тогда остальные будут ходить по струнке.

— Кто он? — спросил Боб.

— Который вечно сидит с книжкой. В библиотеке. Ник Оуэнс. Вот кто.

Боб неуверенно кивнул.

— Это какой?

— Я тебе его покажу.

Никт привык не привлекать внимания, привык жить в тени. Когда все взгляды по тебе только скользят, особенно ясно чувствуешь, если тебя заметили. А уж если в тебя тычут пальцем и ходят

за тобой следом…

Они шли за ним от самой школы. Никт не спеша миновал газетный киоск на углу и железнодорожный мост. Двое — плотный мальчик и востроносая светловолосая девочка — не отставали. Никт зашел на крошечный двор городской церкви, где тоже было небольшое кладбище, и остановился у гробницы Родерика Перссона, его супруги Амабеллы, а также второй жены, Портунии («Они почили, чтоб проснуться вновь»).

— Ты — тот самый! — сказал за спиной голос девочки. — Ник Оуэнс. Слушай сюда, Ник Оуэнс! Сейчас ты у нас получишь.

— Вообще-то я Никт. — Он обернулся. — С буквой «т» на конце. А вы — Джекилл и Хайд.

— Это ты виноват. Ты подговорил семиклашек!

— Сейчас мы тебя проучим, — осклабился Боб Фартинг.

— А я люблю учиться, — сказал Никт. — Если бы вы учились лучше, вам бы не надо было выманивать карманные деньги у маленьких.

Боб наморщил лоб.

— Ты покойник, Оуэнс!

Никт покачал головой и повел вокруг рукой.

— Да нет вообще-то. Вот они — покойники.

— Кто они? — спросила Мо.

— Те, кто здесь живет. Послушайте: я привел вас сюда, чтобы поговорить…

— Ты нас сюда не приводил, — сказал Боб.

— Но вы тут, — возразил Никт. — Я хотел, чтобы вы оказались тут. Пошел сюда. Вы пошли за мной. Какая разница?

Мо нервно огляделась.

— Ты тут не один?

— Боюсь, ты не понимаешь. Пора с этим кончать. Нельзя вести себя так, будто все остальные для тебя ничего не значат. Перестаньте всех обижать.

— Ой-ой-ой! — Мо хищно оскалилась. — Боб, стукни его!

— Я дал вам шанс, — произнес Никт.

Боб яростно двинул кулаком, но мальчик исчез, а кулак Боба врезался в надгробие.

— Куда он девался? — спросила Мо.

Боб ругался и тряс ушибленной рукой.

Мо недоумевающе оглядела сумрачное кладбище.

— Он был тут. Ты видел.

Боб не отличался богатым воображением и развивать его сейчас был не намерен.

— Может, смылся?

— Никуда он не смывался. Он просто исчез.

У Мо воображения хватало: ведь это она была генератором идей. Волосы у нее зашевелились от страха.

— Что-то мне тут не по себе… Надо сматываться! — пискнула Мо.

— Я этого типа сейчас найду! — возразил Боб Фартинг. — И так отколошмачу!

У Мо засосало под ложечкой. Тени вокруг как будто задвигались.

— Боб… Я боюсь!

Страх — заразная штука. Он передается другим. Иногда достаточно сказать «боюсь», чтобы страх стал ощутимым. Боб тоже очень испугался. И молча бросился прочь. Мо наступала ему на пятки. Когда они выскочили на улицу, уже включали фонари, под которыми тени становились жутковатыми черными пятнами.

Они прибежали к дому Боба и включили во всех комнатах свет. Мо позвонила матери и со слезами потребовала, чтобы за ней приехали на машине, хотя идти было совсем недалеко.

Никт удовлетворенно проследил за ними глазами.

— Славная работа, милый, — сказал кто-то. Он обернулся и увидел высокую женщину в белом. — И *поблек* хорошо, и *страху нагнал*.

— Спасибо, — сказал Никт. — Я впервые опробовал *страх* на живых. В смысле, теорию-то я знал…

— Все вышло как нельзя лучше! — радостно заключила она. — Я Амабелла Перссон.

— Никт. Никто Оуэнс.

— Живой мальчик? С большого кладбища на холме? Правда?!

— Э-э… — Никт и не подозревал, что его знают за пределами собственного кладбища.

Амабелла заколотила в стенку гробницы.

— Родди! Портуния! Выходите! Гляньте, кто к нам пришел!

Их стало трое. Амабелла представила всем гостя, и Никт пожал еще две руки со словами: «польщен» и «рад знакомству» — он знал, как здороваться с жителями всех эпох за последние девятьсот лет.

— Вот этот юный Оуэнс напугал детей, которые, без сомнения, того заслужили, — объяснила Амабелла.

— Отличное ты им устроил представление, — заявил Родерик Перссон. — Кто они — низкие личности, достойные порицания?

— Пристают к младшим, — сказал Никт. — Забирают деньги и все такое.

— *Нагнать страху* — для начала весьма неплохо, — сказала Портуния Перссон, полная женщина, на вид гораздо старше Амабеллы. — А что ты заготовил на случай, если этого будет не достаточно?

— Если честно, я… — начал Никт, но Амабелла его прервала:

— По моему мнению, ему стоит заняться их снами. Ты ведь умеешь *ходить по снам*, правда?

— Точно не знаю, — сказал Никт. — Мистер Пенниуорт показывал, как, но я не… в общем, кое-что я знаю только в теории, и…

Портуния Перссон вмешалась:

— *Снохождение* — замечательно, но я предлагаю *потусторонний визит*. С этими хулиганами так и надо действовать.

— О-о… — растерялась Амабелла. — *Потусторонний визит?* Портуния, милочка, я не думаю, что…

— Вот именно что не думаешь. В отличие от других.

— Мне уже пора домой, — поспешно вставил Никт. — Обо мне будут беспокоиться.

— Конечно!

— Приятно было познакомиться!

— Приятного вам вечера, молодой человек!

Пока Амабелла и Портуния Перссон спорили, Родерик Перссон добавил:

— Позвольте напоследок осведомиться о здоровье вашего опекуна. Как он поживает?

— Сайлес? Хорошо.

— Передайте ему от нас привет. Боюсь, настоящий член Почетной гвардии вряд ли заглянет на крошечное кладбище вроде нашего. И все же… Приятно знать, что они есть.

— До свидания!

Никт не понял, о чем говорит Родерик, и решил обдумать услышанное позже. Он взял ранец с учебниками и с облегчением нырнул в тень.

Посещение школы не отменяло занятий Никта у мертвых. Ночи были длинными; иногда Никт не выдерживал, отпрашивался с занятия и ложился спать еще до полуночи. Впрочем, чаще он учился до утра.

В последнее время мистеру Пенниуорту не на что было жаловаться: Никт усердно выполнял задания и засыпáл его вопросами. Сегодня ночью он хотел освоить *потусторонние визиты* и выяснял всякие тонкости — к расстройству мистера Пенниуорта, который сам ничем подобным не занимался.

— А как именно создать в воздухе струю холо-

да? С *устрашением* я вроде бы разобрался, но как довести *страх* до *ужаса*?

Мистер Пенниуорт пыхтел, вздыхал и объяснял как мог — часов до четырех утра.

В школу Никт пришел совсем вареный. Первым уроком была история — этот предмет мальчику нравился, хотя ему часто хотелось поправить учителя: все было не так, по крайней мере, если верить очевидцам. Но в это утро Никту было не до того: он изо всех сил старался не заснуть.

Он сосредоточился на уроке и не обращал внимания ни на что остальное. Думал о Карле Первом, о своих родителях — мистере и миссис Оуэнс, — и первой семье, которую не помнил. Вдруг в дверь постучали. Весь класс и мистер Керби повернулись к двери и уставились на семиклассника, который был послан за учебником. А в руку Никта внезапно что-то вонзилось. Он молча поднял глаза.

На него сверху вниз смотрел ухмыляющийся Боб Фартинг, зажав в кулаке остро заточенный карандаш.

— Я тебя не боюсь! — прошептал Фартинг.

Никт посмотрел на руку: в месте укола набухла капелька крови.

После обеда Мо Квиллинг подошла к Никту в

коридоре.

— Ты ненормальный! У тебя нет друзей.

— Я пришел в школу не ради дружбы, — честно ответил Никт. — Я пришел учиться.

Мо дернула носом.

— Ну, тогда ты точно больной. Никто не идет в школу учиться. Нас сюда посылают!

Никт пожал плечами.

— Я тебя не боюсь! — продолжала Мо. — Твои вчерашние штучки тебе не помогут!

— Ну и ладно, — сказал Никт и пошел дальше по коридору.

Может, зря он вмешивается? Где-то он ошибся, это точно. Мо и Боб уже о нем говорят, и, наверное, семиклассники тоже. Все на него косятся, показывают друг другу. Никта начали замечать, и это ему совсем не нравилось. Сайлес предупреждал, что надо держаться в тени и почаще *блекнуть*. Теперь всё изменилось.

Вечером Никт рассказал все опекуну. Сайлес отреагировал неожиданно резко.

— Ну как ты мог совершить такую… глупость! Я же говорил тебе, как ты должен себя вести. А теперь о тебе гудит вся школа!

— Что я должен был делать?

— Что угодно, только не это! Сейчас всё не так,

как в старые времена. Тебя могут выследить, Никт. Найти.

Лицо Сайлеса оставалось неподвижным, как твердая порода над кипящей лавой. Но Никт чувствовал, что тот очень сердит. Он отлично знал своего опекуна и понимал, что Сайлес едва сдерживает гнев.

Никт нервно сглотнул.

— Что мне теперь делать?

— Больше не ходи туда. Мы отправили тебя в школу в качестве эксперимента. Будем считать, что эксперимент не удался.

Никт помолчал.

— Но мне нужны не только уроки… Представляешь, как здорово сидеть в одном классе с людьми, которые дышат?

— Никогда не видел в этом особой прелести! — отрезал Сайлес. — Итак, завтра в школу ты не идешь.

— Я не хочу убегать. Ни от Мо с Бобом, ни из школы. Лучше отсюда.

— Будешь делать, как тебе скажут, мальчик. — Голос Сайлеса прозвучал во тьме сгустком бархатного гнева.

— А то что? — Щеки Никта запылали. — Как ты меня здесь удержишь? Убьешь?

Он круто развернулся и пошел по дорожке к воротам кладбища.

Сайлес хотел было позвать его, но остался молча стоять на месте.

По лицу опекуна никогда нельзя было ничего прочесть. Сейчас же оно превратилось в книгу, написанную на давно забытом языке немыслимым алфавитом. Закутавшись в тени, как в одеяло, Сайлес смотрел мальчику вслед и не двигался с места.

Боб Фартинг спал и видел сон про пиратов посреди солнечного синего моря. Он был капитаном собственного пиратского корабля — отличного корабля, где матросами были или послушная мелюзга, или девчонки на год-два постарше, очень симпатичные в пиратских нарядах. И вдруг все пошло наперекосяк: палуба опустела, и к его судну по штормовым волнам поплыло другое — черное, размером с нефтяной танкер, с рваными черными парусами и флагом с изображением черепа на носу.

И, как это бывает во снах, он почему-то очутился на черной палубе второго корабля.

— Ты не боишься меня, — сказал человек, который стоял над ним и пристально смотрел на него.

Боб поднял глаза. О, ему было страшно! Он боялся этого мертволицего человека в пиратском костюме, который держал руку на эфесе абордажной сабли.

— Вообразил себя пиратом, Боб? — спросил захватчик, и Боб заметил в нем что-то знакомое.

— Ты — этот… Никт Оуэнс!

— Я — Никто. А ты — ты должен измениться. Начать жизнь с чистого листа. Перевернуть страницу. Исправиться. В общем, ты понял. Или тебе будет плохо.

— То есть как плохо?

— В голове плохо, — объяснил предводитель пиратов, который оказался всего-навсего одноклассником.

Теперь они стояли в школьном зале, а не на палубе, хотя качка не прекращалась.

— Это сон! — сказал Боб.

— Конечно, сон! Я же не чудовище, чтоб мучить тебя по-настоящему.

— Подумаешь, напугал! — ухмыльнулся Боб. — На руку посмотри!

Он кивнул на черную отметину от собственного карандаша.

— Хотел обойтись без этого… — произнес Никт, склонив голову набок, словно к чему-то прислу-

шивался. — Между прочим, они голодные.

— Кто?

— Те, кто в подвале. Или в трюме. Зависит от того, в школе мы или на корабле, правда?

Боб встревожился.

— Это не… не пауки?

— Может, и пауки. Сам посмотришь.

Боб замотал головой.

— Нет! Пожалуйста, только не пауки!

— А разве, — сказал Никт, — не все от тебя зависит? Исправляйся, или попадешь к ним.

Под полом кто-то закопошился — Боб Фартинг понятия не имел, кто, но ничуть не сомневался, что в жизни не видел ничего более жуткого.

Он проснулся от собственного крика.

Никт услышал крик — вопль ужаса — и понял, что затея удалась.

Он стоял на дорожке перед домом Боба Фартинга; на лицо оседали капли ночного тумана. Никт очень устал: *снохождение* далось ему нелегко. Хорошо хоть Боб испугался простого шума.

Что ж, теперь лишний раз подумает, прежде чем обижать маленьких.

А теперь что?

Никт сунул руки в карманы и пошел, сам не зная куда. «Бросил кладбище, — думал он, — бро-

шу и школу. Уйду в другой город и буду целыми днями сидеть в библиотеке, читать и слушать, как дышат живые. Остались ли в мире необитаемые острова, как тот, на котором жил Робинзон Крузо? Вот бы найти такой…»

Никт шел потупившись, а иначе заметил бы, как из окна чьей-то спальни за ним внимательно следят водянисто-голубые глаза.

Он зашел в темный переулок: там ему было лучше, чем на свету.

— В бега, стало быть? — спросил девичий голосок.

Никт промолчал.

— Так вот в чем разница между живыми и мертвыми, да? — Никт сразу узнал, что это Лиза Хемпсток, хоть и не видел ее. — В мертвяках не разочаруешься! Они уж свое отжили. Мы не меняемся. А от вас, живых, сплошное расстройство. Думала, ты мальчик храбрый, мальчик благородный, а он вырос и надумал сбежать из дома.

— Ты ко мне несправедлива! — возмутился Никт.

— Тот Никто Оуэнс, которого я знала, не сбежал бы с кладбища, не попрощавшись с теми, кто его вырастил. Ты разобьешь сердце миссис Оуэнс.

Об этом Никт не подумал.

— Я поссорился с Сайлесом.

— И что с того?

— Он хочет, чтобы я вернулся на кладбище. Бросил школу. Мол, это слишком опасно.

— Это почему? При твоих талантах да моих чарах тебя почти не видать.

— Я сам полез им на глаза. В общем, двое ребят обижали маленьких. Я хотел, чтобы они перестали. Привлек к себе внимание…

Теперь Лиза показалась — туманная фигура поплыла рядом с Никтом.

— Он где-то рыщет, тот, кто хочет тебя убить. Кто всю твою семью порешил. А ты нужен нам живой. Чтобы ты удивлял нас, разочаровывал и очаровывал. Вернись домой, Никт.

— Знаешь… Я столько всего наговорил Сайлесу. Он будет злиться.

— Если б он тебя не любил, ему было бы все равно, — сказала Лиза и замолчала.

Опавшие листья скользили под ногами, края мира расплывались в тумане. Жизнь перестала казаться Никту такой четкой и ясной, какой была пару минут назад.

— А я *ходил по снам*, — сказал он.

— И как?

— Хорошо получилось. Ну, неплохо.

— Так скажи мистеру Пенниуорту. Он обрадуется.

— Ты права…

Никт дошел до конца переулка и вместо того, чтобы свернуть направо, в большой мир, повернул налево, на главную улицу, чтобы попасть на Дунстан-роуд и старое кладбище.

— Эй, куда собрался?

— Домой. Как ты сказала.

В витринах горел свет. Из забегаловки на углу слышался запах жареной рыбы с картофелем. Влажная мостовая блестела.

— Вот и умница. — От Лизы снова остался лишь голос. И вдруг этот голос вскрикнул: — Беги! Или *блекни*! Что-то неладно!

Никт открыл было рот, чтобы ее успокоить, как вдруг дорогу пересек большой автомобиль с полицейской мигалкой и затормозил прямо перед ним.

Оттуда вышли двое.

— Простите, молодой человек, — начал один. — Мы из полиции. Разрешите узнать, что вы делаете на улице так поздно?

— Я не знал, что нарушаю закон, — ответил Никт.

Один из полицейских, высокий и крупный,

открыл заднюю дверцу машины.

— Мисс, это тот, кого вы видели?

Из машины высунулась Мо Квиллинг, посмотрела на Никта и ухмыльнулась.

— Точно, он! Торчал у нас на заднем дворе. А потом убежал. — Она посмотрела Никту в глаза. — Я все видела из спальни! Я думаю, это он бил наши окна.

— Кто такой, как фамилия? — спросил приземистый полицейский с рыжими усами.

— Никто, — ответил Никт. — Ай!

Рыжий захватил его ухо большим и указательным пальцами и крепко сжал.

— Без глупостей! Говори, что спросили, ясно?

Никт молчал.

— Где живешь?

Никт молчал. Он попытался *поблекнуть*, но для этого — при всех ведьмовских чарах — нужно, чтобы на тебя перестали смотреть. А на Никта смотрели все трое, причем один из представителей закона облапил его своими ручищами.

— Нельзя арестовать человека за то, что он отказывается назвать свое имя или адрес.

— Нельзя, — согласился полицейский. — Но можно держать тебя в участке, пока ты не скажешь нам, как найти твоих родителей, опекуна

или другого взрослого, который за тебя отвечает и кому мы можем тебя передать.

Он посадил Никта на заднее сиденье, рядом с Мо Квиллинг. Та улыбалась, как кошка, которая слопала всех канареек.

— Я видела тебя из окна, — прошептала она. — И вызвала полицию.

— Я ничего не делал, — сказал Никт. — Я даже не был у тебя в саду. И вообще, почему они посадили тебя в машину?

— Тихо там! — прикрикнул верзила.

Все замолчали. Наконец машина остановилась у дома — скорее всего, родителей Мо. Полицейский открыл дверь, и девочка вышла.

— Завтра мы позвоним и расскажем твоим родителям, что выяснили, — сказал он.

— Спасибо, дядя Тэм! — улыбнулась Мо. — Рада исполнить свой гражданский долг!

Его везли по городу молча. Никт изо всех сил пытался *поблекнуть*, но ничего не получалось. Ему было совсем тошно: за одну-единственную ночь он ухитрился впервые по-настоящему поссориться с Сайлесом, убежать из дома, потом передумать, а теперь еще и опоздать домой. Говорить полиции, где он живет и как его зовут, нельзя. Значит, остаток жизни он проведет в

участке или детской тюрьме. Если такие бывают.

— Простите, а есть тюрьмы для детей? — обратился он к полицейским.

— Что, сдрейфил? — спросил дядя Тэм. — То-то. Ох уж эти малолетки! Расплодились, как сорняки. Кое-кому за решеткой самое место.

Никт так и не понял, утвердительный это ответ или отрицательный.

Мальчик выглянул из окна. Над машиной, чуть в стороне, летело что-то большое, больше и чернее любой птицы. Размером с человека. Оно мигало и пульсировало, словно летучая мышь в полете.

Рыжий сказал:

— Как приедем в участок, сразу скажешь, как тебя зовут и кому позвонить, чтобы тебя забрали. Мы сообщим, что тебя уже наказали, и пусть везут тебя домой. Понял? Если будешь слушаться, быстро со всем этим покончим, и бумажек оформлять не надо. Мы тебе не враги.

— Нечего с ним миндальничать! Посидит до утра за решеткой, не рассыплется, — сказал второй, оглянулся на Никта и добавил: — Правда, если сегодня там будет тесновато, придется перевести тебя в вытрезвитель. Алкаши — не самая

приятная компания.

«Врет он всё, — подумал Никт. — Это они специально: добрый полицейский и злой полицейский…»

Машина свернула за угол, и вдруг раздался глухой стук. Что-то большое скатилось на капот и упало в темноту. Взвизгнули тормоза. Рыжий тихо выругался.

— Он выбежал на дорогу! Ты видел?!

— Я толком ничего не видел, — сказал верзила, — но кого-то ты сбил.

Они вылезли из машины и включили фонарики. Рыжий запричитал:

— Он весь в черном! Ничего не видно!

— Вот он! — крикнул верзила.

Оба подбежали к телу, лежавшему на земле, и направили на него свет.

Никт нажал на ручки дверей — не работают! Передние сиденья отгораживала металлическая сетка. Даже *поблекнув*, из машины не выбраться.

Он подался вперед и вытянул шею, пытаясь рассмотреть, что лежит на дороге.

Рыжий полицейский сидел на корточках рядом с телом. Второй стоял над ним с фонариком.

Никт увидел лицо лежавшего — и бешено, отчаянно заколотил в окно.

Верзила подошел к автомобилю.

— Чего надо? — раздраженно спросил он.

— Вы сбили моего… моего папу!

— Ты шутишь!

— Этот человек похож на него! Можно я посмотрю?

Полицейский сник.

— Эй, Саймон! Тут малый говорит, что это его папаша.

— Да ты, блин, шутишь!

— Он вроде серьезно. — Верзила открыл дверь и выпустил Никта.

Сайлес лежал на спине, там, где его сбила машина. Неподвижный, словно мертвый.

У Никта защипало в глазах.

— Папа!.. Мой папа умер!..

«Я ведь не совсем вру», — сказал он себе.

— Я вызвал «скорую», — сказал рыжий Саймон.

— Несчастный случай, — сказал второй.

Никт согнулся над Сайлесом и стиснул его холодную руку в своих. Если уже вызвали «скорую», времени мало.

— С работой в полиции можете попрощаться, — сказал им Никт.

— Это был несчастный случай, ты сам видел!

— Он выскочил под колеса…

— Я видел только то, что вы решили удружить племяннице и припугнуть мальчика, с которым она поссорилась в школе. Вы арестовали меня без ордера просто-напросто за то, что я ходил по улице ночью, а когда мой отец выбежал на дорогу, чтобы остановить вас или выяснить, что происходит, вы нарочно его сбили.

— Это был несчастный случай! — повторил Саймон.

— Ты поссорился с Мо в школе? — спросил дядя Мо, Тэм.

В его голосе звучало сомнение.

— Мы оба учимся в восьмом «Б», в школе Старого города. Вы убили моего отца.

Издали донесся вой сирен.

— Саймон! — позвал верзила. — Иди сюда, поговорим.

Они зашли за автомобиль. Никт остался рядом с Сайлесом. Полицейские оживленно что-то обсуждали (до Никта донеслось: «Племяшка, мать ее!» и «А ты куда смотрел?!»). Саймон ткнул пальцем в грудь Тэма…

Никт прошептал:

— Они не смотрят. Давай!

И *поблек*.

Темнота свернулась черным сгустком, и тело, распростертое на земле, встало.

— Я отнесу тебя домой. Обними меня за шею.

Никт крепко вцепился в опекуна, и они нырнули в ночь.

— Прости меня, — сказал Никт по дороге на кладбище.

— Ты меня тоже.

— Больно было? Когда ты под машину подставился?

— Да. Скажи спасибо своей подружке-ведьме. Она меня нашла и рассказала, в какую ты попал беду.

Они приземлились на кладбище. Никт посмотрел на свой дом так, словно видел его впервые.

— Я здорово сглупил, да? Поставил под удар и тебя, и себя.

— Дело не только в этом, юный Никто Оуэнс. Но и в этом тоже.

— Ты был прав. Я туда не вернусь. А если вернусь, то по-другому.

Всю неделю Морин Квиллинг страдала, как никогда в жизни. Боб Фартинг перестал с ней разговаривать. Дядя Тэм на нее накричал и приказал держать рот на замке, потому что иначе его уволят и ей мало не покажется. Родители злились.

Все пошло наперекосяк: даже семиклашки перестали бояться! Сплошной облом. Она винила во всем Оуэнса и мечтала увидеть, как он корчится в жутких муках. Ах, полиция ему не понравилась… Она снова и снова строила жестокие и изощренные планы мести. От этого становилось чуть легче, но в жизни все равно ничего не менялось.

Больше всего на свете Мо не любила наводить порядок в школьной лаборатории. Дежурные собирали спиртовки, проверяли, на месте ли пробирки, чашки Петри и неиспользованные фильтры. Все в классе дежурили строго по очереди, и Мо попадала в лабораторию раз в два месяца. Естественно, ее очередное дежурство пришлось именно на эту, худшую неделю в ее жизни.

Хорошо хоть с ней была миссис Хокинс, учительница естественных наук — та собирала в стопку работы.

— Ты молодчина, Морин, — похвалила девочку миссис Хокинс.

Из банки с консервантом на них слепо уставилась змея.

— Спасибо, — сказала Мо.

— А ты разве должна дежурить одна?

— Со мной записан Оуэнс, но он уже несколько дней не ходит в школу.

Учительница нахмурилась:

— Это который? У меня его нет в списке.

— Ник Оуэнс. Волосы пепельные, давно не стригся. Молчун такой. Это он перечислил в работе все кости скелета, помните?

— Не совсем, — призналась миссис Хокинс.

— Ну, хоть вы вспомните! Все его забыли! Даже мистер Керби!

Миссис Хокинс сложила последние работы в сумку.

— Спасибо, что убираешь за двоих, милочка. Не забудь перед уходом протереть столы.

Она вышла и закрыла за собой дверь.

В старой лаборатории были деревянные столы со встроенными горелками и кранами и полки с большими бутылями, где плавали разные твари — мертвые, причем довольно давно. У Мо при виде них всегда по спине бегали мурашки. В углу комнаты стоял пожелтевший человеческий скелет. Мо не знала, настоящий ли он, но сейчас он казался ей очень страшным.

Каждое движение отдавалось в пустом классе эхом. Мо включила верхний свет и даже лампу над доской, чтобы было не так страшно. Потянуло холодом. Мо решила, что надо усилить отопление, но батареи и так жарили на полную

мощность. Девочку пробил озноб.

Ей становилось все больше не по себе. Как будто она не одна и кто-то на нее смотрит.

«Конечно, кто-то смотрит, — сказала себе Мо. — На меня таращится сотня трупов из банок и скелет впридачу!» Она покосилась на полки.

Тогда-то твари в банках и зашевелились. Змея с невидящими белыми глазами развернулась. Костлявое морское существо заерзало. Котенок, мертвый уже лет тридцать, оскалился и начал царапать стекло изнутри.

Мо закрыла глаза. «Это всё понарошку, — сказала она себе. — Ничего страшного не происходит».

— Я не боюсь! — вслух сказала она.

— Вот и хорошо, — донесся голос из темноты за дверью. — Плохо, когда страшно.

— Тебя забыли все учителя!

— Зато ты меня помнишь, — сказал мальчик.

Причина всех ее несчастий.

Она швырнула в него колбой, но промахнулась и попала в стену.

— Как Боб? — спросил Никт как ни в чем не бывало.

— Сам знаешь. Перестал со мной разговаривать. На уроках молчит, потом идет домой и делает

домашку. Или гоняет игрушечные вагончики.

— Хорошо.

— А ты… тебя уже неделю нет в школе. Ох, и влетит тебе, Ник Оуэнс! Недавно приезжала полиция. Тебя искали.

— Да, кстати… Как поживает твой дядя Тэм?

Мо промолчала.

— В каком-то смысле ты победила: я бросил школу. А в каком-то — нет. Морин Квиллинг, тебя никогда не преследовали призраки? Ты никогда не боялась, что из зеркала на тебя посмотрят чужие глаза? Тебе не казалось, что, хоть ты и в пустой комнате, но не одна? Это неприятно.

— Ты будешь меня преследовать? — Ее голос дрогнул.

Никт совсем-совсем ничего не сказал, только молча глянул на нее. В дальнем углу что-то упало: сумка со стула. Когда Мо оглянулась, в комнате никого не было. Во всяком случае, она никого не увидела.

Дорога домой в темноте показалась ей бесконечной.

Мальчик и его опекун стояли на вершине холма и смотрели на городские огни.

— Все еще болит? — спросил мальчик.

— Немного. Но у меня все быстро заживает.

Скоро буду таким, как обычно.

— Тебя могло убить, когда ты встал перед машиной? Сбить насмерть?

Опекун покачал головой.

— Конечно, есть способы убить таких, как я. Но с машинами они никак не связаны. Я очень старый и очень стойкий.

— Я плохо поступил, да? Главное было, чтобы никто меня не заметил. А я пристал к этой парочке, и меня тут же поймала полиция и все такое. Я повел себя как эгоист.

Сайлес приподнял бровь.

— Это не эгоизм. Тебе нужно общаться с себе подобными, что вполне объяснимо. Просто в мире живых всё по-иному, и нам сложнее тебя защищать. Я хотел держать тебя в полной безопасности. Но для таких, как ты, полная безопасность возможна лишь там, куда ты попадешь в самом конце. Когда все твои приключения утратят смысл.

Никт потер ладонью надгробный камень Томаса Р. Стаута (1817–1851, «Все ближние глубоко скорбят»), чувствуя, как крошится мох.

— Он ведь еще там, — произнес мальчик. — Тот, кто убил мою первую семью. Мне все равно нужно узнать о людях. Ты запретишь мне покидать

кладбище?

— Нет. Я ошибался и тоже получил урок.

— Что же теперь?

— Будем стараться удовлетворять твой интерес к книгам и миру в целом. Есть библиотеки. И другие способы. Ситуации, когда ты можешь быть среди живых, например, театр или кино.

— Это что, как футбол? В школе мне нравилось смотреть, как ребята играют.

— Футбол… Хм-м… Матчи проходят рановато для меня, — сказал Сайлес. — Но мисс Лупеску в свой следующий приезд вполне может сводить тебя на игру.

— Хорошо бы, — сказал Никт.

Они пошли вниз по склону.

— За эти недели мы с тобой изрядно наследили. А они тебя, между прочим, до сих пор ищут.

— Ты уже говорил. Откуда ты знаешь? И кто такие «они»? Что им нужно?

Сайлес уклончиво покачал головой.

Никту оставалось только смириться.

Глава 7
МАСТЕРА НА ВСЕ РУКИ

В последние месяцы Сайлес был очень занят: часто пропадал на несколько дней, а то и недель. На рождественские каникулы его заменяла мисс Лупеску. Она угощала Никта обедами и ужинами в маленькой квартирке, которую сняла в Старом городе, и даже сводила на футбольный матч, как обещал Сайлес. Потом мисс Лупеску уехала в «свою старую страну» — правда, сначала нежно ущипнула Никта за щечку и назвала «Нимени».[14]

Теперь не осталось ни Сайлеса, ни мисс Лупеску. Мистер и миссис Оуэнс сидели в гробнице Иосии Уордингтона и встревоженно совещались.

— То есть он не сообщил никому из вас, куда уезжает и как заботиться о ребенке?

Оуэнсы покачали головами.

— Ну и куда же он запропастился?

Оуэнсы не знали, что ответить. Наконец господин Оуэнс сказал:

---

[14] Примечания: 14
Nimeni (*рум.*) — никто.

— Он никогда не уезжал так надолго. Когда у нас появился Никт, он обещал, что будет поблизости или найдет того, кто нам поможет. Он дал слово.

Миссис Оуэнс перебила, чуть не плача:

— Хоть бы с ним ничего не стряслось! — Ее слезы быстро высохли, и она добавила с досадой: — Нельзя так поступать! Как же нам его найти, вызвать обратно?

— Мне такие способы неизвестны, — сказал Иосия Уордингтон. — Но, полагаю, он оставил в крипте деньги на еду для мальчика.

— Деньги! — воскликнула миссис Оуэнс. — Какой прок от денег?

— Никту надо будет покупать продукты… — начал мистер Оуэнс.

— Да что с вами разговаривать!

Миссис Оуэнс в расстройстве отправилась на поиски сына. Тот, как она и думала, стоял на вершине холма и смотрел на город.

— Скажешь, о чем думаешь, — дам пенни.

— Нет у тебя пенни, — отозвался Никт.

Ему было уже четырнадцать, и он перерос свою мать.

— Есть, в гробу целых две монетки, — возразила миссис Оуэнс. — Позеленели чуток, но есть.

— Я думал о большом мире. С чего мы взяли, что

убийца моей семьи еще жив? Что он где-то там?

— Сайлес так говорит.

— Но без всяких подробностей.

— Он желает тебе только добра, ты же знаешь.

— Ага, конечно. И где он?

Миссис Оуэнс не ответила.

— Ты ведь видела человека, который убил моих родных? Когда меня усыновляла.

Миссис Оуэнс кивнула.

— Какой он?

— Я больше глядела на тебя. Дай подумать… Волосы темные, почти черные. Мне было страшно на него смотреть. Лицо какое-то резкое. Голодное и злобное, вот что. Сайлес его выпроводил наружу.

— А почему он его не убил?! — рассердился Никт. — Ведь мог, еще тогда!

Миссис Оуэнс тронула сына за руку холодными пальцами.

— Никт, он же не чудовище.

— Если бы Сайлес убил его еще тогда, мне бы ничто не угрожало. Я мог бы ходить, где хочу.

— Сайлес знает об этом деле больше тебя, больше всех нас. О жизни и смерти тоже. Все не так просто.

— Как его звали? Убийцу.

— Сайлес не сказал. Тогда не сказал.

Никт склонил голову набок и направил на мать глаза — серые, как грозовые тучи.

— А потом?

— Никт, ты ничего не сможешь сделать.

— Смогу. Я учусь. Я могу научиться всему, что нужно, всему, чему сумею. Я знаю про упырью дверь. Умею *ходить по снам*. Мисс Лупеску рассказала мне про звезды. Сайлес научил молчать. Я умею *блекнуть* и *наводить ужас*. Я знаю каждый дюйм этого кладбища!

Миссис Оуэнс коснулась плеча сына.

— Когда-нибудь… — сказала она и запнулась.

Придет день, и она не сможет до него дотронуться. Он их оставит. Когда-нибудь.

— Сайлес сказал мне, что человека, убившего твою семью, звали Джек.

Никт промолчал. Потом кивнул.

— Мама…

— Что, сынок?

— Когда Сайлес вернется?

Полуночный ветер принес с собой холод. Вся досада миссис Оуэнс давно улетучилась. Остался лишь страх за сына.

— Хотела бы я знать, милый мой мальчик. Хотела бы я знать…

Скарлетт Эмбер Перкинс было пятнадцать. Сейчас она сидела на втором этаже старого-престарого автобуса и буквально кипела от злости. Она ненавидела родителей за то, что они разошлись. Ненавидела мать за то, что та уехала из Шотландии, ненавидела отца, который так легко их отпустил. Ненавидела этот город за то, что он совсем другой — не такой, как Глазго, где она выросла, — и что в нем за каждым углом ее ждет что-то до боли знакомое.

Сегодня утром она сорвалась.

— В Глазго у меня хоть друзья были! — чуть не плача крикнула Скарлетт. — А теперь я их уже никогда не увижу!

— Зато ты этот город знаешь. Мы тут жили, когда ты была маленькая, — спокойно ответила мать.

— Я его не помню. И никого здесь не помню. Ты что, хочешь, чтобы я разыскала тех, с кем дружила в пять лет?! Этого ты хочешь?!

— А почему бы нет?

До конца уроков Скарлетт злилась, злилась и теперь. Мерзкая школа, мерзкий мир, мерзкий общественный транспорт.

Обычно автобус девяносто седьмого маршрута увозил Скарлетт от ворот школы в центр, до

самого конца улицы, где мать сняла небольшую квартирку. В этот ветреный апрельский день Скарлетт простояла на остановке почти полчаса и не увидела ни одного «девяносто седьмого». Наконец появился «сто двадцать первый», тоже с надписью «Центр», и Скарлетт решила сесть на него. Только вот там, где ее автобус поворачивал направо, этот свернул налево, в Старый город, проехал городской сад и площадь, миновал памятник Иосии Уордингтону, баронету, и по извилистой дороге вскарабкался на холм с узкими высокими домами.

У Скарлетт упало сердце.

Она подошла к кабине водителя, прочла объявление «Не отвлекайте водителя во время езды», но все-таки сказала:

— Простите… Я хотела попасть на Акация-авеню.

Водитель — крупная женщина с кожей даже темнее, чем у Скарлетт, — ответила:

— Надо было садиться на «девяносто седьмой».

— Но этот тоже идет в центр.

— Да, но не сразу. И потом тебе надо будет возвращаться. — Женщина вздохнула. — Лучше выйди здесь и спустись с холма на остановку у ратуши. Там ходят «четвертый» и «пятьдесят

восьмой». Оба довезут тебя почти до Акация-авеню. Выйдешь у спортивного центра, а там и пешком недалеко. Поняла?

— «Четвертый» или «пятьдесят восьмой».

— Вот и остановка.

Остановка, где тормозили только по требованию, была чуть дальше распахнутых железных ворот. Выглядело все печально и неуютно. Скарлетт замерла в открытых дверях автобуса.

— Ну, давай! — поторопила женщина-водитель.

Скарлетт спрыгнула на тротуар. Автобус изрыгнул черный дым и с ревом укатил.

За оградой под ветром зашумели деревья.

Скарлетт пошла вниз по холму. «Вот зачем нужен мобильный телефон, — думала она. — Опоздаешь минут на пять, и мать уже сходит с ума. А мобилку все равно не покупает. Ну ладно. Опять накричит… Не в первый раз и не в последний».

Скарлетт как раз поравнялась с открытыми воротами. Заглянула внутрь и…

— Ничего себе! — вырвалось у нее.

Есть такое выражение — «дежавю». Его употребляют, когда приходишь куда-то, и кажется, что ты уже тут был, или видишь то, что уже ви-

дел во сне или воображении. У Скарлетт иногда бывало дежавю — например, она заранее знала, что учительница расскажет про свою поездку в Инвернесс, или кто-то ронял ложку точно так, как она себе представляла. Сейчас всё было иначе. Скарлетт не просто казалось, что она бывала здесь раньше. Она действительно раньше видела это место.

Скарлетт прошла в открытые ворота. Из-под ног вспышкой белого и черного с зеленым отливом вылетела сорока, уселась в ветвях тиса и стала за ней наблюдать. «За углом, — подумала Скарлетт, — есть церковь, а перед ней — скамейка». Она завернула за угол и тут же увидела церковь, только гораздо меньшую, чем она себе представляла. Мрачная готическая постройка из серого камня с острым шпилем. У входа старая деревянная скамья. Скарлетт подошла, присела на скамью и стала болтать ногами, как маленькая.

— Послушайте… М-м… Мисс! — сказал кто-то сзади. — Боюсь показаться навязчивым, но вас не затруднит… кое-что придержать? Мне не хватает еще одной пары рук.

Скарлетт оглянулась и увидела человека в бежевом плаще, сидевшего на корточках перед надгробием. Ветер раздувал большой лист бумаги

в его руках. Скарлетт поспешила на помощь.

— Держите тут, — сказал мужчина. — Одной рукой тут, другой тут, и всё. Ужасная наглость с моей стороны! Безумно вам благодарен.

Рядом с ним стояла жестяная банка из-под печенья. Оттуда он достал что-то вроде мелка или небольшой свечи и легкими отработанными движениями принялся тереть камень.

— Вот и все! — радостно сказал он. — Вот… о! Эта загогулинка внизу, полагаю, обозначает плющ — викторианцы обожали плющ, для них он был символичен… готово. Отпускайте.

Он встал и расчесал пятерней седые волосы.

— Ох! Надо размяться. Совсем ноги отсидел! Итак… что скажете?

Без про́риси прочесть выбитое на камне, покрытом зеленым и желтым лишайником, было бы невозможно.

— «Маджелла Годспи, дева сего прихода, 1791–1870, “Всё в прошлом. Мы живем с тобой лишь в памяти моей”[15]», — вслух прочла Скарлетт.

— Если кто-то ее еще помнит. — Лысоватый мужчина стеснительно улыбнулся и поморгал сквозь маленькие круглые стекла очков, делав-

---

[15] Примечания: 15

«Всё в прошлом. Мы живем с тобой лишь в памяти моей» — из стихотворения «Пой, арфа» Томаса Мура в переводе В. Васильева.

шие его похожим на дружелюбную сову.

На бумагу плюхнулась большая дождевая капля. Мужчина поспешно свернул лист в рулон и схватил банку с мелками. Еще горсть капель. Скарлетт взяла портфель мужчины, стоявший у соседнего надгробия, и поднялась на крошечное крыльцо часовни, где было сухо.

— Спасибо вам огромное, мисс! Думаю, дождь скоро пройдет. Прогноз обещал солнце.

Словно в ответ подул холодный ветер и начался настоящий ливень.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказал любитель надгробий.

— Правда? — удивилась Скарлетт. Думала она вот что: мама меня убьет.

— Вы думаете: это церковь или часовня? А ответ таков: как мне удалось выяснить, на этом месте действительно когда-то стояла церквушка, и первое кладбище находилось на церковном дворе. В восьмисотых — девятисотых годах нашей эры. С тех пор ее не раз перестраивали и расширяли. В двадцатые годы девятнадцатого века случился пожар, да и сама церковь стала маловата для прихода. Люди начали посещать храм святого Дунстана на площади, а эту перестроили в часовню, сохранив многое из первоначального

замысла. Так, витражные окна в дальней стене здания — оригинальные образчики…

— Вообще-то я думала про то, что мама меня убьет. Я села не на тот автобус и ужасно опоздала домой…

— О боже мой, бедная девочка! Послушай, я живу как раз через дорогу. Подожди-ка…

Он сунул ей в руки портфель, мелки и скатанную бумагу, а сам рысью побежал к воротам, сгорбившись под натиском дождя.

Через пару минут Скарлетт увидела свет фар и услышала автомобильный сигнал. Она подбежала к воротам. Там стояла старенькая зеленая «мини» с ее недавним собеседником за рулем. Мужчина опустил окно:

— Залезай. Куда везти?

Скарлетт осталась стоять. За шиворот ей тек дождь.

— Я не сажусь в машину к незнакомым.

— И правильно. Но, как говорят, помоги другим, и помогут тебе, и все такое… Клади это все назад, пока не промокло!

Он открыл заднюю дверцу. Скарлетт наклонилась и как можно аккуратнее положила то, что держала в руках, на заднее сиденье.

— Можешь позвонить матери — вот мой теле-

фон — и назвать номер моей машины. Только поскорей залезай, а то совсем промокнешь.

Скарлетт медлила. Мокрые волосы прилипли к голове, стало холодно.

Мужчина протянул ей свой мобильный. Скарлетт посмотрела на телефон и поняла, что боится звонить матери больше, чем садиться в чужую машину.

— И в полицию я тоже могу позвонить?

— Конечно. Или пойти домой пешком. Или попросить мать заехать за тобой.

Скарлетт села в машину и закрыла дверь, не выпуская из рук телефона.

— Где ты живешь?

— Да зачем… В смысле, просто высадите меня на остановке…

— Я отвезу тебя домой. Адрес какой?

— Акация-авеню, сто два «А». Надо съехать с главной улицы за большим спортивным центром…

— Да, далеко же ты забралась… Что ж, поехали домой. — Он снял машину с ручного тормоза, развернулся и повел вниз по склону. — Давно тут живешь?

— Не очень. Мы переехали после Рождества. Правда, раньше уже жили здесь, мне тогда было

пять лет.

— У тебя, похоже, шотландский акцент?

— Мы десять лет прожили в Шотландии. Там я говорила как все, а сюда приехала — и стала белой вороной.

Скарлетт хотела пошутить, но сама поняла, что вышла горькая правда.

Мужчина доехал до Акация-авеню, поставил машину перед домом и настоял на том, что проводит Скарлетт до дверей. Когда мать открыла, он сказал:

— Примите мои извинения! Я взял на себя смелость привезти к вам вашу дочь. Вы совершенно правильно внушили ей, что нельзя садиться в машину к незнакомым людям. Но, видите ли, шел дождь, она села не на тот автобус и оказалась в другом конце города. Все как-то неудачно сложилось. Обещайте, что не будете слишком суровы к ней. И… ко мне.

Скарлетт ожидала, что мать накричит на них обоих, но, к ее удивлению и облегчению, та сказала, что в наше время лишняя осторожность не повредит, и не учитель ли мистер… Э-э, и не выпьет ли он чашечку чая?

«Мистер Э-э» сказал, что его фамилия Фрост[16], но она может звать его Джей, на что миссис Перкинс улыбнулась и сказала, чтобы он звал ее Нуной, а потом побежала ставить чайник.

За чаем Скарлетт подробно рассказала матери о своих приключениях: как она села на неправильный автобус, как оказалась на кладбище и как познакомилась с мистером Фростом у маленькой часовни…

Миссис Перкинс уронила чашку.

Они сидели за кухонным столом, и чашка упала невысоко, даже не разбилась. Просто пролился чай. Миссис Перкинс неуклюже извинилась, встала и взяла тряпку с раковины.

Подтирая чай, она спросила:

— Речь идет про кладбище на холме, в Старом городе?

— Я живу в тех краях, — сказал мистер Фрост. — Уже срисовал немало надгробий. К тому же это кладбище объявлено природным заповедником.

— Знаю, — поджала губы миссис Перкинс. — Большое спасибо, что подвезли Скарлетт домой, мистер Фрост, — добавила она ледяным тоном. — Думаю, сейчас вам следует уйти.

---

[16] Примечания: 16

Джек Фрост — персонаж английского фольклора, персонификация мороза, который разрисовывает окна ледяными узорами.

— Ну, это уж слишком! — дружелюбно воскликнул мистер Фрост. — Я не хотел вас обидеть! Я что-то не то сказал? Да, я делаю прориси могильных плит для краеведческого проекта… Но я ведь не раскапываю могилы, что вы!

На мгновение Скарлетт показалось, что мать сейчас ударит мистера Фроста прямо по встревоженному лицу. Но та лишь покачала головой.

— Простите, вы потревожили не самые приятные воспоминания. Вы тут ни при чем. — И через силу улыбнулась: — А знаете, Скарлетт играла на этом самом кладбище, когда была совсем маленькая. Лет… десять назад! И у нее был воображаемый приятель. Маленький мальчик по имени Никто.

В уголке рта мистера Фроста заиграла улыбка:

— Мальчик-привидение?

— Не похоже. Скарлетт даже показала нам гробницу, где он живет. Хотя, должно быть, все-таки привидение. Помнишь, дочка?

Скарлетт покачала головой.

— Странная я была в детстве.

— Ничего подобного… м-м… — сказал мистер Фрост. — Нуна, вы воспитали прекрасную дочь! Что же, чай был очень вкусный. Всегда рад новым друзьям. Пожалуй, теперь я пойду. Нужно

приготовить хоть какой-то еды, а то у меня скоро встреча местного исторического общества.

— Вы сами готовите себе ужин? — поинтересовалась миссис Перкинс.

— Да. Точнее, размораживаю. И мастерски варю рис в пакетиках. Порцию на одного. Живу один. Этакий закоренелый холостяк. В газетах пишут, что холостяки всегда гомосексуалисты, верно? Я не из них, просто так и не встретил *ее*. — В его лице мелькнула печаль.

Миссис Перкинс, которая терпеть не могла стоять у плиты, объявила, что в выходные всегда готовит, и у нее получается слишком много для двоих. Она проводила мистера Фроста до двери, и тот с удовольствием согласился зайти на ужин в субботу вечером.

Вернувшись из прихожей, миссис Перкинс сказала только:

— Надеюсь, ты сделала уроки.

Лежа в постели, Скарлетт слушала, как машины проносятся мимо их дома по дороге, и вспоминала события этого дня. Она бывала на том кладбище в детстве. Вот почему всё казалось ей там таким знакомым! Она так и заснула, представляя себе кладбище, и даже во сне продолжала ходить по его дорожкам. Была ночь, но Скарлетт видела

ясно, как днем. Она очутилась на склоне холма. Рядом, спиной к ней, стоял мальчик примерно ее лет и смотрел на городские огни.

— Мальчик! Ты что делаешь?

Он оглянулся и будто не сразу понял, куда смотреть.

— Кто это? Ой, я вижу тебя! Почти. Ты *ходишь по снам*?

— Думаю, это сон, — согласилась она.

— Я не совсем то имел в виду… Привет. Я Никт.

— А я Скарлетт.

Он снова посмотрел на нее, словно видел в первый раз.

— Конечно! Я сразу подумал, что ты на нее похожа. Ты была сегодня на кладбище, помогала какому-то человеку с бумажками.

— Это мистер Фрост. Он очень хороший. Подвез меня домой… Так ты нас видел?

— Ага. Я слежу за всем, что происходит на кладбище.

— Никт — что это за имя такое?

— Сокращенное от Никто.

— Вот оно что! — обрадовалась Скарлетт. — Вот о чем мой сон! Ты мой воображаемый друг из детства, только ты вырос.

Мальчик кивнул. Он был выше нее и весь в

сером, хотя описать его одежду она бы не смогла. И еще у него были слишком длинные волосы: должно быть, редко ходит к парикмахеру.

— Ты была такая смелая! Мы с тобой спускались внутрь холма и видели Человека-индиго. И Слира.

Вдруг у нее в голове что-то щелкнуло. Что-то понеслось и закувыркалось, закружилась темнота, столкнулись картинки…

— Я помню! — воскликнула Скарлетт.

Но услышала ее только темная пустая комната, а в ответ прорычал далекий грузовик, ехавший куда-то сквозь ночь.

В крипте часовни, в самых прохладных гробницах, склепах и мавзолеях хранились запасы непортящихся продуктов. Сайлес позаботился о том, чтобы мальчику хватило еды на несколько месяцев, и покидать кладбище особой нужды не было.

Никт скучал по миру за кладбищенской оградой, но понимал, что там опасно. Пока. А вот кладбище — его владения, которыми он гордился, его мир, который он любил так сильно, как может любить четырнадцатилетний подросток.

И все же…

Жители кладбища не менялись. Бывшие това-

рищи по играм оставались детьми. Фортинбрас Бартлби, когда-то его лучший приятель, стал лет на пять моложе Никта, и с каждой встречей у них было всё меньше тем для разговора. Зато Теккерей Порринджер, которого Никт догнал по росту и возрасту, теперь относился к нему куда благосклоннее. По вечерам он гулял с Никтом по дорожкам и рассказывал о всяких несчастьях, которые приключались с его знакомыми. Обычно все кончалось тем, что их по ошибке, без всякой провинности, вешали или навсегда отправляли в американские колонии.

Лиза Хемпсток за шесть лет тоже изменилась, но по-своему. Когда Никт спускался к ее крапивным зарослям, она почти не выходила, а если и показывалась, то говорила резко, спорила, а иногда прямо-таки грубила.

Никт спросил об этом мистера Оуэнса. Немного поразмыслив, отец сказал:

— Полагаю, всё это женские причуды. Мальчиком ты ей нравился, а теперь, когда ты стал молодым мужчиной, она не знает, как с тобой себя вести. Я каждый день играл возле утиного пруда с одной девочкой, а потом она выросла и вдруг запустила мне в голову яблоком. И не сказала больше ни слова, пока мне не исполнилось

семнадцать.

Миссис Оуэнс фыркнула:

— Не яблоком, а грушей! И начала я с тобой разговаривать куда раньше! Мы станцевали целый танец у твоего кузена Неда всего через два дня после того, как тебе стукнуло шестнадцать!

— Конечно, дорогая, ты совершенно права. — Мистер Оуэнс шутливо подмигнул Никту, а сам прошептал одними губами: — Сем-над-цать.

Никт теперь не хотел заводить друзей среди живых. Еще в школьные дни он понял, что от них одни неприятности. И все-таки он часто вспоминал Скарлетт, скучал по ней, пусть даже и смирился с мыслью, что никогда ее больше не увидит…

И вот она снова появилась на кладбище, а он ее не узнал.

Он забрел глубоко в заросли на северо-западе. Везде были объявления «Не ходить», но сюда и так никто не ходил: в конце Египетской аллеи, за псевдоегипетскими гробницами с черными дверьми, было неуютно и страшно. Здесь природа на протяжении ста лет отвоевывала кладбище у людей. Камни были опрокинуты, забытые могилы давно утонули в зеленом плюще и скопившихся за десятки лет палых листьях, дорожки

потерялись или стали непроходимыми.

Никт шел осторожно. Он хорошо знал, как тут опасно. Лет в девять он исследовал эти места, и вдруг земля под ним просела, и он свалился в двадцатифутовую яму. Могилу готовили на много гробов, а оказался там всего один, на самом дне. Оттуда выскочил взволнованный господин лекарской профессии, который назвался Карстерсом. Он чрезвычайно обрадовался появлению Никта и, прежде чем отправиться за помощью, тщательно осмотрел запястье мальчика (тот вывихнул его, когда падал и ухватился за корень).

Сейчас Никт пробирался сквозь груду листьев и плюща среди лисьих нор и подслеповатых ангелов, потому что хотел поговорить с Поэтом.

Поэта звали Неемия Трот, и на его надгробии было написано:

Здесь покоятся бренные останки

НЕЕМИИ ТРОТА

поэта

1741–1774

Не всякий лебедь должен петь,

Почуяв близость смерти[17].

— Господин Трот! Могу я попросить у вас совета?

Слабый силуэт Неемии просиял от радости.

— Конечно, храбрый юноша! Совет поэтов — воистину любезность королей! Каким елеем… о нет, каким бальзамом утолить твою боль?

— Вообще-то у меня ничего не болит. Я просто… в общем, когда-то я был знаком с одной девочкой, а теперь не знаю, стоит ли к ней подходить или выкинуть эту затею из головы.

Неемия Трот выпрямился в полный рост — он был ниже Никта — и восторженно приложил руки к груди.

— О-о! Иди к ней и моли ее! Назови ее своей Терпсихорой, Эхо, Клитемнестрой! Пиши ей стихи, величавые оды — я помогу тебе. Так, и только так ты завоюешь свою истинную любовь.

— Я не то чтобы хочу ее завоевать. Она не моя истинная любовь. Я просто хочу с ней погово-

---

[17] Примечания: 17

Не всякий лебедь должен петь,
Почуяв близость смерти.
Английская эпиграмма-эпитафия «О певце» в переводе С. Маршака.

рить.

— Изо всех человеческих органов язык — величайшее чудо. Ибо им мы пробуем сладкое вино и горькую отраву, источаем мед и горечь. Иди к ней! Говори с ней!

— Не могу.

— Можешь, юный сэр! Более того, ты должен! Я напишу об этом, как только завершится бой победой стороны одной[18].

— Но если я перестану *блекнуть* для одного человека, другим будет легче меня видеть.

— Склони ко мне свой слух, о юный Леандр, Геро, Александр! Фортуна помогает смелым!

— Хм, тоже верно…

Никт был рад, что додумался прийти к Поэту. Кто тебя образумит, если не поэт? Да, кстати…

— Мистер Трот… Расскажите мне о мести.

— О, это блюдо подается холодным. Не мсти в пылу негодования! Мудрее дождаться подходящего часа. Один бумагомаратель по фамилии О'Лири — к слову, ирландец, — возымел наглость написать о моем первом скромном сборнике стихов «Прелестный букетик в петлицу истинного джентльмена», что это никчемные вирши,

---

[18] Примечания: 18

«…как только завершится бой победой стороны одной» — В. Шекспир, «Макбет». Акт I, сцена I. Цитата приводится в переводе Ю. Корнеева.

лишенные всякой художественной ценности, и что бумагу, на которой они написаны, лучше было употребить на… нет, не могу произнести такого вслух! Скажу лишь, что заявление его было чрезвычайно вульгарным.

— И вы ему отомстили? — с любопытством спросил Никт.

— Ему и всему его ядовитому племени. О да, юный Оуэнс, я отомстил, и месть моя была ужасна. Я напечатал письмо и наклеил на двери лондонских публичных домов, в которые нередко наведывались щелкоперы вроде этого О'Лири. В письме я заявил, что поэтический талант хрупок и я больше не стану писать для них, — только для себя и для потомков, а при жизни не опубликую ни строчки! В завещании я указал, чтобы мои стихи похоронили вместе со мной, неопубликованными. Лишь когда потомки осознают мою гениальность и поймут, что сотни моих стихов утрачены — утрачены! — мой гроб дозволяется откопать, чтобы вынуть из моей мертвой холодной длани творения, которые восхитят весь мир. Как это страшно — опередить свое время!

— И как, вас откопали, стихи напечатали?

— Пока нет. У меня еще все впереди.

— Это и была ваша месть?

— Вот именно. Коварная и ужасная!

— Хм…

— Подается холодной, — гордо заявил Поэт.

Никт вернулся по Египетской аллее на расчищенные дорожки. Опускались сумерки, и он побрел к старой часовне: не потому, что надеялся увидеть Сайлеса, а просто потому, что всю жизнь подходил к часовне в этот час, и приятно было соблюдать ритуал. К тому же он проголодался.

Никт прошел сквозь дверь и спустился в крипту. Там он сдвинул коробку отсыревших приходских записей и достал пакет апельсинового сока, яблоко, упаковку хлебных палочек и кусок сыра. Он жевал и думал, не поискать ли Скарлетт — например, *походить по снам*, раз она сама его так нашла…

Он вышел наружу и уже собрался сесть на серую деревянную скамью, как вдруг замер: кто-то уже занял его место. И он — вернее, она — читала журнал.

Никт *поблек* еще больше, стал частью кладбища, не более заметной, чем тень или ветка. Но Скарлетт подняла глаза, посмотрела на него в упор и сказала:

— Никт, это ты?

Никт помолчал, а потом спросил:

— Почему ты меня видишь?

— Сначала почти не видела. Подумала, ты какая-то тень. Но ты совсем как в моем сне. И как-то сфокусировался.

Он подошел к скамейке.

— Ты сейчас видишь буквы? Тебе не слишком темно?

Скарлетт закрыла журнал.

— Да, странно. Кажется, что темно, но я всё вижу.

— А ты… — Он затих, сам не зная, что хотел спросить. — Ты здесь одна?

Она кивнула.

— После школы я помогала мистеру Фросту делать прориси надгробий, а потом сказала, что хочу посидеть тут и подумать. Потом я выпью с ним чаю, и он отвезет меня домой. Он даже не спросил, почему я сюда пришла. Только сказал, что тоже любит бывать на кладбищах и что здесь спокойнее всего на свете… А можно тебя обнять?

— Ты этого хочешь?

— Да.

— Ну, тогда… — Он подумал. — Я не против.

— Мои руки не пройдут сквозь тебя? Ты правда есть?

— Нет, не пройдут, — сказал он. Скарлетт обхва-

тила его руками и сжала так крепко, что у него перехватило дыхание. — Больно!

Она разжала руки.

— Извини.

— Нет, мне понравилось. В смысле… Ты обняла меня крепче, чем я ожидал.

— Я просто хотела проверить, настоящий ли ты. Все эти годы я думала, что ты просто моя выдумка. А потом забыла о тебе. Но оказалось, что ты не выдумка, что ты и у меня в голове, и в жизни.

Никт улыбнулся.

— Раньше ты ходила в такой оранжевой курточке. Каждый раз, видя этот оттенок оранжевого, я вспоминал о тебе. Она у тебя не сохранилась?

— Нет, конечно, — ответила Скарлетт. — Вряд ли я бы сейчас в нее влезла.

— Ну да, — сказал Никт, — конечно!

— Мне пора, — сказала Скарлетт. — Я, наверное, смогу прийти в выходные. — Увидев огорченное лицо Никта, она добавила: — Сегодня уже среда.

— Было бы здорово.

Она встала.

— А как я найду тебя в следующий раз?

— Я сам тебя найду. Не беспокойся. Просто будь одна, и я тебя найду.

Она кивнула и ушла.

Никт поднялся вверх по холму, до самого мавзолея Фробишеров. В мавзолей он не пошел, а вскарабкался по стене, цепляясь за толстый корень плюща. Он сел на каменную крышу и стал смотреть на движущийся мир за пределами кладбища и думать. Он вспоминал, как Скарлетт его обняла и как ему стало в это мгновение спокойно. Хорошо ходить по большому миру и знать, что на тебя никто не охотится. И хорошо быть хозяином своего собственного маленького мира.

Скарлетт отказалась от чая и даже от шоколадного печенья. Мистер Фрост встревожился.

— Честно говоря, ты выглядишь так, словно видела привидение. Конечно, кладбище для этого подходящее место… м-м… одна моя тетушка утверждала, что ее попугаиха одержима злым духом. Она была красный ара — попугаиха, конечно, а не тетушка. Тетушка была архитектором. Это всё, что я знаю.

— Я в порядке, — заверила его Скарлетт. — Просто день был тяжелый.

— Тогда я подвезу тебя домой. Не знаешь, что тут написано? Бьюсь уже больше получаса. — Он показал на прорись могильной надписи, лежавшую на столе и придавленную по углам банками варенья. — Как думаешь, это не Гладстон? Мог

быть родственником премьера… Ничего не могу разобрать.

— Вряд ли Гладстон, — сказала Скарлетт. — В субботу посмотрю еще раз.

— Может, и мама твоя придет?

— Она сказала, что забросит меня к вам, а сама поедет за продуктами на ужин. Она решила запечь курицу.

— А ты не знаешь, — с надеждой в голосе спросил мистер Фрост, — на жареную картошечку есть надежда?

— Думаю, да.

Мистер Фрост явно обрадовался, хотя добавил:

— Правда, я не хотел бы доставлять лишние хлопоты…

— Маме все это очень нравится, — честно ответила Скарлетт. — Спасибо, что предложили подвезти.

— Всегда пожалуйста! — сказал мистер Фрост, и они вместе спустились по лестнице высокого узкого дома в крошечную прихожую.

В Кракове на горе Вавель есть пещера под названием Смоча яма, Логово дракона, где когда-то якобы жил дракон. Туристам она известна, но вот о том, что под ней кроется целое подземелье, они даже не подозревают. Подземелье это очень

глубокое и… обитаемое.

Сайлес шел первым. За ним тихо перебирала лапами огромная серая мисс Лупеску. Замыкал шествие Кандар — перебинтованная ассирийская мумия с мощными орлиными крыльями и рубиновыми глазами. В руках Кандар сжимал маленького поросенка.

Вначале их было четверо, но Гаруна они лишились еще в верхней пещере, когда ифрит, самоуверенный, как и всё его племя, неосторожно вступил в пространство, огороженное тремя бронзовыми зеркалами, и исчез во вспышке света. Через пару мгновений ифрит остался лишь в зеркалах, но не в реальности. Он широко раскрыл огненные глаза и рот, словно предостерегал от новых опасностей, а потом пропал навсегда.

Сайлес, которому зеркала были не страшны, прикрыл одно плащом и обезвредил ловушку.

— Итак, — сказал он, — нас осталось трое.

— И поросенок, — вставил Кандар.

— Зачем? — прорычала волчьей глоткой мисс Лупеску. — Зачем тебе поросенок?

— На удачу, — ответил Кандар.

Мисс Лупеску только хмыкнула.

— У Гаруна был поросенок? — парировал Кандар.

— Тихо, — оборвал их Сайлес. — Они идут! И их, судя по шуму, много.

— Мы их встретим! — прошептал Кандар.

Мисс Лупеску ощетинилась и промолчала. Она была готова. Только усилием воли она удержалась, чтобы не вскинуть голову и не завыть по-волчьи.

— Красиво тут, наверху, — сказала Скарлетт.

— Да, — ответил Никт.

— Так значит, всех твоих родных убили? А известно, кто?

— По-моему, нет. Мой опекун говорит, что человек, который это сделал, до сих пор жив. Когда-нибудь Сайлес мне расскажет всё остальное.

— Когда-нибудь?

— Когда я буду готов.

— Чего он боится? Что ты наденешь кобуру и отправишься мстить убийце своих родных?

Никт серьезно посмотрел на нее.

— Ну да, а как же. Правда, не с кобурой. Но — да. С чем-то в таком роде.

— Ты шутишь!

Никт плотно сжал губы и молча покачал головой.

— Не шучу.

Стояло ясное субботнее утро. Они вышли на

Египетскую аллею и спрятались от солнца под соснами и разлапистой араукарией.

— Твой опекун — он тоже мертвый?

— Я ни с кем о нем не говорю.

Скарлетт обиделась.

— Даже со мной?

— Даже с тобой.

— Ну, как хочешь.

— Послушай… Извини меня! Я не хотел…

— Я пообещала мистеру Фросту, что не буду долго задерживаться. Мне пора.

— Ясно.

Никт боялся, что обидел Скарлетт, но не знал, какими словами всё исправить.

Когда он смотрел, как она спускается по извилистой тропке к часовне, знакомый голосок презрительно фыркнул:

— Ишь, какая фифа!

Чувствуя себя полным дураком, Никт вернулся на аллею. Мисс Лиллибет и мисс Виолет как-то разрешили ему поставить в своем склепе коробку со старыми книгами, и он решил взять что-нибудь почитать.

До полудня Скарлетт помогала мистеру Фросту с прорисями. Потом они сделали перерыв на обед. Мистер Фрост в благодарность за помощь решил

угостить ее жареной рыбой с картошкой. Они спустились в ближайшую рыбную забегаловку, а потом пошли обратно, поедая прямо из бумажного пакета дымящуюся рыбу и пропитанные уксусом, блестящие от соли ломтики картофеля.

Скарлетт спросила:

— А куда идти, если хочешь узнать об убийстве? В Интернете я уже смотрела.

— Хм… Смотря о каком убийстве речь.

— Оно произошло здесь. Тринадцать или четырнадцать лет назад здесь убили одну семью.

— Боже! Ты не шутишь?!

— Ну что вы! Ой, вам плохо?

— Нет, ничего… Честно говоря, я… немного напугался. Такие дела, ну, настоящие преступления, прямо под носом… Как-то не хочется об этом думать. О таких происшествиях. Неужели это интересно девочкам в твоем возрасте?

— Это не совсем для меня, — призналась Скарлетт. — Для одного друга.

Мистер Фрост доел кусочек жареной трески.

— Ну, тогда надо смотреть в библиотеке. Если нет в Интернете, найдется в газетных архивах. А что тебя навело на мысль о таком расследовании?

— Ну… — Скарлетт решила поменьше врать. —

Спрашивал один знакомый мальчик.

— Да, тебе точно надо в библиотеку. Убийство… Бр-р-р-р… Мурашки по коже.

— У меня тоже. Чуточку… А вы не могли бы подбросить меня в библиотеку?

Мистер Фрост откусил половинку большого ломтика картофеля, прожевал и разочарованно посмотрел на остаток.

— Быстро остывает картошка. Только что прямо рот обжигала и уже успела остыть.

— Простите, зря я к вам пристаю: подвезите, подвезите…

— Ну что ты, — рассеянно отозвался мистер Фрост. — Я просто думаю, как сегодня всё успеть и любит ли твоя мама шоколад. Прийти с вином или коробкой конфет? Даже не знаю. Может, и с тем, и с тем?

— Из библиотеки я доеду сама. А мама очень любит конфеты. Я тоже.

— Значит, конфеты, — с облегчением сказал мистер Фрост.

Они дошли до зеленой «мини», которая стояла перед одним из высоких узких домов у подножия кладбища.

— Садись. Подброшу тебя в библиотеку.

Городская библиотека оказалась квадратным

зданием из кирпича и камня, построенным еще в начале прошлого века. Скарлетт подошла к столу библиотекаря.

— Да? — спросила библиотекарь, дородная дама с серебряными серьгами-кольцами.

— Я хочу посмотреть на старые газетные вырезки.

— В школе задали?

— Краеведческий проект, — объяснила Скарлетт, радуясь, что почти не покривила душой.

— Есть городская газета на микрофишах, — сказала библиотекарь.

У Скарлетт громко застучало сердце. Она боялась, что ее просьба вызовет подозрения, но библиотекарша без лишних вопросов отвела ее в комнату с сооружениями, похожими на компьютеры, и показала, как ими пользоваться.

— Когда-нибудь мы все это оцифруем, — вздохнула женщина. — Так какие даты тебя интересуют?

— Тринадцать или четырнадцать лет назад. Точнее я сказать не могу, но пойму, когда увижу.

Женщина дала Скарлетт маленькую коробку с микрофишами газет за пять лет.

— Работай сколько хочешь.

Скарлетт думала, что убийство целой семьи ста-

нет новостью первой полосы, но в конце концов едва нашла эту информацию на пятой странице. Убийство произошло в октябре, тринадцать лет назад. В статье, без всяких подробностей, скупо перечислялись события: архитектор Рональд Дориан, 36 лет, его жена Шарлотта, 34 года, сотрудник издательства, и их дочь Мисти, 7 лет, были обнаружены мертвыми в доме номер 33 по Дунстан-роуд. Полиция подозревает, что совершено преднамеренное убийство. По словам представителя полиции, на этом этапе расследования комментарии преждевременны, но улики есть, и серьезные.

В заметке не говорилось, как именно погибла семья. Ничего не было сказано и о пропавшем маленьком ребенке. В следующих номерах газеты продолжения не было, полиция молчала. Во всяком случае, Скарлетт ничего не нашла.

И все-таки убийство было то самое. Дунстан-роуд, 33… Скарлетт знала этот дом. Она там бывала!

Девочка отнесла коробку библиотекарю, поблагодарила ее и пошла домой под апрельским солнцем. Мать стояла на кухне и готовила ужин — судя по чаду, заполнившему квартиру, не слишком успешно. Скарлетт ретировалась к себе,

широко распахнула окна, чтобы выветрить гарь, села на кровать и взяла телефон.

— Алло… мистер Фрост?

— Привет, Скарлетт! Ничего не изменилось? Как твоя мама?

— Все под контролем. — Скарлетт повторила слова матери. — М-м, мистер Фрост… Вы давно живете в этом доме?

— Давно? Ну, месяца четыре.

— А как вы его нашли?

— Увидел рекламу в окне одного агентства. Дом пустовал и обошелся мне недорого. Ну, не очень дорого. Я хотел найти жилье поближе к кладбищу, так что он оказался в самый раз.

— Мистер Фрост… — Скарлетт начала было подбирать слова, но в конце концов просто выпалила: — Тринадцать лет назад в вашем доме убили трех человек. Семью по фамилии Дориан.

На том конце замолчали.

— Мистер Фрост! Вы там?

— М-м… Да, Скарлетт, я тут. Прости, пожалуйста. Неожиданная новость. Дом старый, конечно, и тут много чего могло случиться. Но не… А что за убийство?

Скарлетт решила всего не рассказывать.

— Заметка в газете была совсем маленькая.

Только адрес, и больше ничего. Непонятно, как они умерли, что случилось…

— Вот как… Ох, боже мой! — Мистер Фрост заинтересовался больше, чем Скарлетт ожидала. — Вот здесь вступаем в дело мы, местные краеведы. Можешь на меня положиться: я всё выясню и тебе расскажу.

— Спасибо, — с облегчением вздохнула Скарлетт.

— М-м… Полагаю, ты говоришь все это по телефону потому, что если Нуна свяжет мой дом с убийствами, пусть даже тринадцатилетней давности, тебе запретят видеться со мной и ходить на кладбище. Так что, м-м, пожалуй, я не стану рассказывать об этом, если ты обещаешь молчать.

— Спасибо, мистер Фрост!

— До семи. Я приеду с конфетами.

Ужин вышел на славу: чад из кухни выветрился, курица оказалась очень вкусной, салат — еще лучше. Картошка, правда, получилась слишком хрустящей, но мистер Фрост радостно объявил, что любит именно такую, и попросил добавки.

Его цветы были приняты благосклонно, конфеты, поданные на десерт, имели успех. Мистер Фрост беседовал со Скарлетт и Нуной, а потом все

вместе смотрели телевизор. В десять вечера гость заторопился домой.

— Как говорят, время не ждет, и наука тоже!

Он с жаром пожал руку Нуне, заговорщически подмигнул Скарлетт и ушел.

Ночью Скарлетт пыталась встретить во сне Никта. Засыпая, она думала о нем, представляла, что ходит по кладбищу и ищет его, но ей приснилось, будто она гуляет по центру Глазго с друзьями из старой школы. Они искали какую-то улицу, но все время упирались то в один тупик, то в другой.

Под Вавельским холмом и Логовом дракона, на самом дне подземелья мисс Лупеску споткнулась и упала.

Сайлес присел рядом и взял ее голову в ладони. Мисс Лупеску застыла на полпути между волчицей и женщиной, но лицо ее было полностью человечьим. Оно было в крови, и не вся кровь принадлежала врагам.

— Оставь меня… Спасай мальчика.

— Нет, — сказал Сайлес. — Я тебя не оставлю.

Позади Кандар укачивал поросенка, как ребенок — куклу. Левое крыло мумии было безнадежно раздроблено, но бородатое лицо оставалось непреклонным.

— Они вернутся, Сайлес, — прошептала мисс Лупеску. — Солнце встанет слишком скоро.

— Тогда мы разберемся с ними раньше, чем они соберутся напасть. Стоять можешь?

— Да. Я пес Господень.

Мисс Лупеску опустила голову, шевельнула скрюченными пальцами. Когда голова снова поднялась, на Сайлеса смотрела волчья морда. Волчица уперлась передними лапами в камень и с усилием встала: крупнее медведя, вся шерсть в кровавых брызгах.

Она задрала голову и издала яростный вой — вызов на поединок. Потом опустила голову, оскалилась и прорычала:

— Теперь им конец!

В воскресенье, ближе к вечеру, зазвонил телефон. Скарлетт сидела на первом этаже и старательно срисовывала героев манги на папиросную бумагу. Трубку взяла ее мать.

— Ой, а мы как раз о вас говорили! — воскликнула она, хотя это было не так. — Все было просто замечательно! Мне очень понравилось. Нет, что вы, какие хлопоты… Конфеты? Очень вкусные. Просто замечательные. Я попросила Скарлетт передать вам: как только вам захочется домашней еды, дайте мне знать… Скарлетт? Да, она тут. Я ее

позову. Скарлетт!

— Я здесь, мама. Не кричи. — Скарлетт взяла трубку. — Мистер Фрост?

— Скарлетт! — Его голос звучал взволнованно. — М-м… Я про то, о чем мы недавно говорили. О происшествии, которое случилось в моем доме. Можешь сказать своему приятелю, что я узнал… М-м… Послушай, когда ты сказала «одному другу»… Ты его придумала, или такой человек действительно есть?.. Или я сую нос не в свое дело…

— У меня действительно есть друг, который этим интересуется, — улыбнулась Скарлетт.

Мать непонимающе на нее посмотрела.

— Так вот, передай своему приятелю, я тут кое-что раскопал — не в буквальном смысле, скорее, выяснил… как мне кажется, очень достоверную информацию. Нашел секретные сведения. О которых лучше не говорить открыто.

— Например? — спросила Скарлетт.

— Послушай… Не подумай, что я сумасшедший. Но, насколько я понял, убили троих. А еще один — как я понимаю, маленький ребенок, — остался жив. Семья состояла не из трех человек, а из четырех. Погибли только трое. Скажи своему приятелю, пусть придет ко мне. Я ему все расскажу.

— Я ему передам, — ответила Скарлетт.

Она повесила трубку; сердце у нее билось как барабан.

Впервые за шесть лет Никт снова спускался по узкой каменной лестнице внутрь холма. Его шаги отдавались эхом. Он дошел до основания лестницы и стал ждать Слира. Он ждал и ждал, но ничто не шевелилось, не шептало, не ползало.

Никт оглядел пещеру: кромешная тьма ему не мешала, потому что он обладал зрением мертвых. Он подошел к алтарному камню посреди пола, где лежали кубок, брошь и каменный нож. Протянул руку и коснулся лезвия. Нож оказался острее, чем он думал, и слегка порезал ему палец.

— ЭТО СОКРОВИЩЕ СЛИРА! — прошептал тройной голос, но сейчас он показался Никту тише и неувереннее.

— Вы здесь самый старый. Я пришел поговорить. Спросить совета.

Молчание.

— К СЛИРУ НЕ ХОДЯТ ЗА СОВЕТОМ. СЛИР СТЕРЕЖЕТ. СЛИР ЖДЕТ.

— Знаю. Но Сайлес куда-то делся. Мне больше не с кем поговорить.

В ответ было лишь молчание, полное древней пыли и одиночества.

— Не понимаю, что делать, — честно признался Никт. — Кажется, я могу выяснить, кто убил мою семью. Кто хотел убить меня. Но это значит, что придется оставить кладбище. — Слир молчал. По залу медленно вились дымовые щупальца. — Я не боюсь смерти. Просто меня так долго защищали и воспитывали люди, которых я люблю… — Молчание. — Придется решать самому.

— ДА.

— Тогда мне больше нечего сказать. Извините за беспокойство.

И тут в голове Никта раздался мягкий, вкрадчивый голос:

— СЛИРА ОСТАВИЛИ СТЕРЕЧЬ СОКРОВИЩЕ ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ ГОСПОДИНА. ТЫ НАШ ГОСПОДИН?

— Нет.

— ТЫ СТАНЕШЬ НАШИМ ГОСПОДИНОМ? — радостно взвыл Слир.

— Вряд ли.

— ЕСЛИ БЫ ТЫ СТАЛ НАШИМ ГОСПОДИНОМ, МЫ НАВЕЧНО ЗАКЛЮЧИЛИ БЫ ТЕБЯ В ОБЪЯТЬЯ. МЫ БЕРЕГЛИ БЫ ТЕБЯ И ХРАНИЛИ ДО КОНЦА ВРЕМЕН. МЫ НИКОГДА НЕ ОТПУСТИЛИ БЫ ТЕБЯ В ЭТОТ ОПАСНЫЙ МИР.

— Я не ваш господин.

— ЧТО Ж…

Никт чувствовал, как Слир извивается у него в голове.

— ТОГДА ОТЫЩИ СВОЕ ИМЯ.

Вдруг все стало пусто — и в голове Никта, и в самой пещере. Никт остался один.

Мальчик поднялся наверх осторожно, но быстро. Он сделал выбор и спешил действовать, пока решимость еще не остыла.

Скарлетт ждала его на скамейке у часовни.

— Ну что? — спросила она.

— Я согласен.

И они вместе пошли по дорожке к воротам кладбища.

Дом номер тридцать три оказался высоким и узким, как веретено. Он стоял посреди таких же домов из красного кирпича и ничем не выделялся. Никт неуверенно смотрел на него, удивляясь, почему дом не кажется ему знакомым или каким-то особенным. Дом как дом. Перед домом вместо сада была небольшая бетонированная площадка, рядом стояла зеленая «мини». Дверь, когда-то ярко-голубая, выцвела от времени.

— Ну? — сказала Скарлетт.

Никт постучал. Сначала было тихо. Потом раздался звук шагов по ступенькам, и дверь

распахнулась, открыв прихожую и лестницу. В проеме стоял человек в очках, с седыми редкими волосами. Он, моргая, посмотрел на друзей, а потом протянул руку Никту и взволнованно улыбнулся:

— Вы, должно быть, таинственный приятель мисс Перкинс! Рад знакомству.

— Это Никт, — сказала Скарлетт.

— Ник?

— Никт. На конце «Т». Никт, это мистер Фрост.

Никт и Фрост пожали друг другу руки.

— Я уже поставил чайник, — сказал мистер Фрост. — Вы не против, если мы всё обсудим за чашечкой чая?

Они поднялись на кухню, где хозяин налил три кружки чая, и тут же спустились в небольшую комнату.

— Этот дом весь на разных этажах. Туалет еще выше, мой кабинет тоже, спальни — над ними. Хочешь не хочешь, будешь в форме.

Они сидели на большом ярко-фиолетовом диване («Он был тут, когда я въехал») и мелкими глотками пили чай.

Скарлетт боялась, что мистер Фрост начнет забрасывать Никта вопросами, но историк сдерживался. Просто казался взволнованным, будто

обнаружил могилу какой-то знаменитости и изнемогает от желания рассказать об этом всему миру. Он ерзал на стуле, будто хотел рассказать им что-то необычайно важное, но терпел.

— Так что вы узнали? — наконец спросила Скарлетт.

— Ты была права! В том смысле, что убийство случилось именно в этом доме. И… Я думаю, что полиция… ну, не то чтобы замяла дело, но забыла о нем.

— Не понимаю! — удивилась Скарлетт. — Убийства не заметают под ковер.

— А это замели. — Фрост допил свой чай. — Видно, вмешался кто-то, кто обладает большим влиянием. Это единственное объяснение. Что до того, что случилось с младшим ребенком…

— А что случилось? — спросил Никт.

— Он выжил, — объяснил Фрост. — Я в этом уверен. Но в розыск его не объявляли. Обычно о пропавшем ребенке трубят на всю страну. А они, м-м, как-то все замяли.

— Кто «они»? — спросил Никт.

— Те, кто приказал убить Дорианов.

— Это всё, что вы узнали?

— Нет. Есть еще кое-что… — Фрост замолчал. — Простите. Я… Послушайте, с учетом того, что я

выяснил… Нет, это слишком невероятно.

У Скарлетт кончилось терпение.

— Ну, что такое? Что вы нашли?

Фрост виновато посмотрел на нее:

— Ты права. Извини! Не следует мне темнить. Историки не прячут информацию, а разыскивают ее. Чтобы показать людям. Да. — Он еще немного поколебался: — Я нашел письмо. Наверху. Оно было спрятано под половицей. — Он повернулся к Никту. — Молодой человек, верно ли мое предположение, что ваш, э-э, интерес к этому делу, к этому ужасному происшествию, имеет личный характер?

Никт кивнул.

— Вопросов больше нет, — мистер Фрост встал. — Пойдемте, — сказал он Никту. — А ты пока останься, — обратился он к Скарлетт. — Я ему все покажу. И, если он разрешит, то и тебе тоже. Договорились?

— Договорились.

— Мы недолго. Пойдемте, юноша.

Никт встал и обеспокоенно покосился на Скарлетт.

— Все нормально, — сказала она и улыбнулась ему ободряюще. — Я подожду здесь.

Они пошли на лестницу, и Скарлетт проводила

взглядом их тени. Она немножко нервничала. Ей не терпелось узнать, что же такое расскажут Никту, и в то же время она радовалась, что он узнает об этом первый. В конце концов, это его история.

Мистер Фрост поднимался первым.

Никт озирался, но всё по-прежнему казалось незнакомым. Чужим.

— Нам на самый-самый верх, — сказал мистер Фрост. Они прошли еще один пролет. — Я не… Если не хочешь, не отвечай, но… м-м, ты ведь и есть тот самый мальчик, верно?

Никт промолчал.

— Вот мы и пришли.

Мистер Фрост повернул ключ в двери.

Комната под крышей была маленькой, со скошенным потолком. Тринадцать лет назад тут стояла детская кроватка. Теперь здесь едва умещались взрослый мужчина и подросток.

— Если честно, мне просто повезло, — продолжал мистер Фрост. — Всё было буквально под носом.

Он присел на корточки и отвернул ветхий ковер.

— Так вы знаете, почему убили мою семью?

— Всё здесь. — Мистер Фрост потянул за короткую доску. — Это была детская. Я покажу тебе…

между прочим, мы не знаем одного: кто именно это сделал. Нет ни малейших улик.

— Мы знаем, что у него были темные волосы, — сказал Никт, стоя посреди своей бывшей детской. — И что его зовут Джек.

Мистер Фрост засунул руку в дырку под доской.

— Прошло почти тринадцать лет. А за тринадцать лет люди седеют и лысеют. Впрочем, имя ты назвал правильно.

Он выпрямился, и в его руке оказался большой острый нож.

— А теперь, — сказал человек по имени Джек, — теперь, мальчик, пора с этим кончать.

Никт вытаращил на него глаза: тот просто снял образ мистера Фроста, как плащ или шляпу. Дружелюбие исчезло без следа.

Блеснули стекла очков — и лезвие ножа.

С лестницы раздался голос: Скарлетт.

— Мистер Фрост! Кто-то стучит в дверь. Открыть?

Человек по имени Джек отвел глаза лишь на миг, но Никт понимал: этот миг — единственное, что у него есть. Он изо всех сил *поблек*. Человек по имени Джек повернулся к месту, где стоял Никт, оглянулся — на его лице смешались недоумение

и гнев. Он шагнул в комнату, мотая головой из стороны в сторону, как старый тигр, вынюхивающий добычу.

— Ты где-то здесь… — прорычал он. — Я тебя чую!

Позади хлопнула дверь. Человек по имени Джек резко развернулся и услышал, как в замке проворачивается ключ.

— Мальчик, ты выиграл пару секунд! Меня все равно не остановишь! — И добавил: — Мы не закончили.

Никт бросился вниз, врезаясь в стены и чуть не падая.

— Скарлетт! — выпалил он, едва увидев ее. — Это он! Бежим!

— Кто «он»? О чем ты?

— Это он! Фрост! Это Джек! Он пытался меня убить!

Бах! Сверху донесся грохот — Джек ударил ногой в дверь.

— Но… — Скарлетт пыталась понять, откуда шум. — Он же хороший…

— Нет! — Никт схватил ее за руку и потащил по лестнице в прихожую. — Нет, он не хороший.

Скарлетт распахнула дверь.

— А-а! Добрый вечер, юная леди! — На нее смот-

рел сверху вниз мужчина. — Мы ищем мистера Фроста. Здесь его пристанище, верно?

У него были серебристо-седые волосы, и он пах одеколоном.

— Вы его друзья? — спросила Скарлетт.

— О да, — подтвердил второй мужчина, пониже, который стоял за первым.

У него были маленькие черные усики и шляпа на голове.

— Конечно! — вставил третий, молодой блондин огромного роста.

— Все как один, — добавил последний — массивный, как бык, смуглый и круглоголовый.

— Мистер Фрост… Он… Он ушел.

— А машина тут, — возразил седой.

Блондин добавил:

— Вы вообще кто будете?

— Он друг моей мамы.

Скарлетт заметила Никта за спинами гостей. Тот лихорадочно подавал ей знаки: ну их, иди за мной.

Девочка постаралась сказать как можно небрежней:

— Да он просто вышел! За газетой. Там, на углу, газетный киоск.

Она закрыла за собой дверь, обошла мужчин и

отправилась прочь.

— А вы куда? — спросил усатый.

— Мне пора на автобус.

Скарлетт не оглядываясь направилась к остановке и кладбищу.

Никт шел рядом. В сумерках он казался Скарлетт тенью, словно его почти не было — так, дрогнул столб нагретого воздуха, шевельнулся опавший лист.

— Иди быстрее! Они все на тебя смотрят. Только не беги.

— Кто они такие? — тихо спросила Скарлетт.

— Не знаю. Но они какие-то странные. Как будто не совсем люди. Я хочу вернуться и подслушать, о чем они говорят.

— Да люди они, люди, — сказала Скарлетт, а сама пошла так быстро, как только могла, едва не переходя на бег.

Был ли Никт рядом, она уже не знала.

Четверо стояли у двери в дом номер тридцать три.

— Не нравится мне все это, — сказал громила с бычьей шеей.

— Вот как, мистер Тар[19]? — спросил седой. —

---

[19] Примечания: 19

Джек Тар — нарицательное имя моряка, матроса.

Нам всем это не нравится. Всё неправильно. Всё идет не так.

— Краков молчит. Никто не отвечает. После Мельбурна и Ванкувера… — сказал человек с усиками. — Кто знает: может, только мы четверо и остались…

— Помолчи немного, мистер Кеч[20], — сказал седой. — Я думаю.

— Простите, сэр, — сказал мистер Кеч, пригладил усы пальцем в перчатке, обвел взглядом холм и засвистел сквозь стиснутые зубы.

— Я думаю… нужно пойти за ней, — сказал мистер Тар, человек с бычьей шеей.

— А я думаю, что вы должны слушать меня, — оборвал его седой. — Сказал же молчать.

— Простите, мистер Денди[21], — сказал блондин.

Все замолчали.

В тишине откуда-то с чердака донесся стук.

— Я захожу, — сказал мистер Денди. — Мистер

---

[20] Примечания: 20

Джек Кеч — известный лондонский палач, живший в XVII веке. Его имя стало нарицательным.

[21] Примечания: 21

Джек Денди — от английского выражения *Jack-a-dandy*: щеголь, франт.

Тар со мной. Нимбл[22] и Кеч, поймайте девчонку. И приведите обратно.

— Мертвой или живой? — осклабился мистер Кеч.

— Живой, придурок! Нужно узнать, что ей известно.

— Может, она одна из них, — сказал мистер Тар. — Из тех, кто расправился с нашими в Ванкувере, Мельбурне и…

— За ней, — приказал мистер Денди. — Живо!

Блондин и усатый в шляпе поспешили на холм.

Мистер Денди и мистер Тар остались перед дверью дома номер тридцать три.

— Ломай, — сказал мистер Денди.

Мистер Тар приставил плечо к двери и нажал.

— Укреплено, — сказал он.

— Что сделал один джек, другой поправит. — Мистер Денди снял перчатку, приложил руку к двери и пробормотал что-то на языке, который был древнее английского. — Попробуй теперь.

Тар налег на дверь и закряхтел. На сей раз замок поддался, и дверь распахнулась.

— Прекрасно! — сказал мистер Денди.

---

[22] Примечания: 22

Джек Нимбл получил свою фамилию из детского стихотворения «Jack be Nimble» («Джек, будь проворным»).

Из-под крыши донесся громкий треск.

На середине лестницы их встретил человек по имени Джек. Мистер Денди обнажил идеальные зубы в совершенно не дружеской улыбке.

— Привет тебе, Джек Фрост! Я думал, ты поймал мальчишку.

— Так и было, — сказал человек по имени Джек. — Но он удрал.

— Опять? — Улыбка Денди стала еще более широкой, холодной и идеальной. — Один раз — это ошибка, Джек. Два раза — катастрофа.

— Мы его найдем, — сказал человек по имени Джек. — Сегодня все кончится.

— Надеюсь.

— Он будет на кладбище! — сказал человек по имени Джек.

Все трое сбежали вниз по лестнице.

Человек по имени Джек потянул ноздрями воздух. Запах мальчика кольнул его в затылок. Ему показалось, что все это уже было однажды много лет назад. Он остановился и надел длинный черный плащ, который висел в прихожей, такой неуместный рядом с твидовым пиджаком и бежевым плащом мистера Фроста.

Дверь была распахнута, на улице почти стемнело. На этот раз человек по имени Джек точно

знал, куда идти. Он не задумываясь вышел из дома и поспешил вверх по холму, к кладбищу.

Ворота кладбища оказались закрыты. Скарлетт отчаянно подергала решетку — все, заперта на ночь. И тут рядом возник Никт.

— Ты знаешь, где ключ? — спросила она.

— Некогда. — Никт прислонился к металлическим прутьям. — Обними меня.

— Что?

— Просто обними меня и закрой глаза.

Скарлетт с вызовом посмотрела на Никта. Потом все-таки крепко обняла его и зажмурилась.

— Есть.

Никт сильнее прижался к прутьям ворот. Ограда тоже относилась к кладбищу, и он надеялся, что его кладбищенское гражданство хоть один раз, один-единственный, распространится на другого человека. Вдруг, словно дым, он просочился на другую сторону.

— Можешь открыть глаза.

— Как ты это сделал?!

— Здесь мой дом. Тут я кое на что способен.

Застучали подошвы по тротуару. С той стороны подошли двое и принялись трясти ворота.

— Здра-а-асте, — протянул Джек Кеч, по-кроличьи шевельнув усами, и хитро ухмыльнулся.

Правой рукой он теребил черный шелковый шнур, висевший у него на плече; потом снял шнур и стал перебирать обеими руками, словно хотел сделать «колыбель для кошки»[23].

— Девушка, выходите к нам! Не волнуйтесь, мы вас не тронем.

— Мы просто хотим задать вам пару вопросов, — подхватил высокий блондин, мистер Нимбл. — Мы по официальному делу.

(Он врал: все дела у джеков-мастеров-на-все-руки[24] неофициальные, хотя члены их ордена встречаются и в правительстве, и в полиции, и много где еще.)

— Беги! — Никт потянул Скарлетт за руку.

И она побежала.

— Ты видел? — спросил Джек по фамилии Кеч.

— Что?

— С ней кто-то был. Мальчик.

— Тот самый? — переспросил Джек по фамилии Нимбл.

— Откуда я знаю? Ну-ка, подсади меня!

Высокий сложил из рук ступеньку, и на его ла-

---

[23] Примечания: 23

Детская игра, когда нитка, надетая на пальцы, складывается в различные узоры.

[24] Примечания: 24

Мастер на все руки по-английски тоже Джек: *Jack-of-all-trades*.

донь встала нога Кеча в черном ботинке. Нимбл поднял руки выше. Кеч вскарабкался на ограду и спрыгнул внутрь, приземлившись по-лягушачьи на все четыре конечности. Потом встал и бросил:

— Ищи другой вход. Я за ними!

И побежал по извилистой дорожке к могилам.

— Никт, объясни, что происходит!

Никт быстро шел по сумеречному кладбищу, хоть и не бежал — пока.

— Ты про что?

— По-моему, тот человек хотел меня убить. Ты видел, как он играл шнурком?

— Конечно, хотел. А человек по имени Джек — твой мистер Фрост — собирался убить меня. У него был нож.

— Он не мой мистер Фрост. Хотя да, наверное, мой. Извини… Куда мы?

— Сначала где-нибудь тебя спрячем. Потом я разберусь с ними.

Вокруг Никта начали собираться встревоженные обитатели могил.

— Никт! — окликнул его Гай Помпей. — В чем дело?

— Плохие люди, — ответил Никт. — Последите за ними, ладно? Я должен постоянно знать, где они. А еще нужно спрятать Скарлетт. Кто что

предложит?

— Может, в крипте часовни? — подал голос Теккерей Порринджер.

— С часовни они как раз начнут.

— Ты с кем разговариваешь? — Скарлетт воззрилась на Никта, как на сумасшедшего.

— В холме? — предложил Гай Помпей.

Никт задумался.

— Да. Хорошая мысль! Скарлетт, помнишь, где мы видели Человека-индиго?

— Немножко. Там еще темно было. Я помню, что оказалось не страшно.

— Пошли туда.

Они поспешили по дорожке. Никт на бегу с кем-то разговаривал, но Скарлетт слышала только его слова — будто он говорил по телефону. Да, кстати…

— Моя мама уже с ума сходит. Она точно меня убьет. Считай, я уже покойница.

— Нет, — ответил Никт. — Ты живая. И долго будешь живой. — Он обратился к кому-то другому. — Двое… Вместе? Понял.

Они достигли мавзолея Фробишеров.

— Вход за нижним гробом слева, — сказал Никт. — Если услышишь, что кто-то идет и это не я, сразу спускайся на самое дно. У тебя есть чем

посветить?

— Ага. Брелок со светодиодом.

— Хорошо.

Он открыл дверь склепа.

— Осторожно! Не оступись.

— А ты куда?

— Это мой дом. И я его буду защищать.

Скарлетт нажала на кнопку брелка и встала на четвереньки. Лаз за гробом был тесный, но она протиснулась и задвинула за собой гроб как можно плотнее. В слабом свете виднелись каменные ступени. Скарлетт выпрямилась и, держась рукой за стену, спустилась на три ступеньки, села и стала ждать. «Надеюсь, — подумала она, — Никт знает, что делает».

— Где они сейчас? — спросил Никт.

Отец ответил:

— Один рыщет у Египетской аллеи. Его приятель ждет рядом. Еще трое идут сюда. Карабкаются на мусорные баки, чтобы перелезть к нам.

— Жаль, нет Сайлеса. Он бы с ними быстро разобрался. Или мисс Лупеску.

— Ты и сам справишься, — подбодрил его мистер Оуэнс.

— Где мама?

— У аллеи.

— Скажи ей, что я спрятал Скарлетт у Фробишеров. Пусть о ней позаботится, если со мной что-нибудь случится.

Никт пробежал по потемневшему кладбищу. Единственный проход в северо-западную часть — по Египетской аллее. Чтобы попасть туда, придется пройти мимо невысокого человечка с черным шелковым шнурком. Того, кто хочет его убить.

«Я Никто Оуэнс, — сказал он себе. — Я гражданин кладбища. Я справлюсь».

Он так быстро вбежал на Египетскую аллею, что едва не пропустил убийцу — Джека по фамилии Кеч, слившегося с тенью.

Никт вдохнул и *поблек*, как только смог. Он миновал Кеча, как пылинка в вечернем ветерке, прошел по зеленой аллее, а потом заставил себя проявиться и пнуть камешек на дороге.

От арки отделилась тень и пошла за ним, почти так же бесшумно, как призрак.

Никт пробрался через заросли плюща в северо-западном конце кладбища. Он понимал, что нужно точно подгадать время. Если идти слишком быстро — тот его упустит. Промедлить — и на шее затянется черный шелковый шнурок, и не будет больше ни вдохов, ни завтрашних дней.

Никт зашумел листьями и спугнул одну из многочисленных лис. Та убежала в кусты. Тут были настоящие джунгли из деревьев, кустов остролиста, поваленных надгробий с безголовыми статуями и куч прелых листьев — но эти джунгли Никт исследовал с тех самых пор, как научился ходить.

Он пошел осторожнее, переступая с корней на камни или на траву и стараясь не шуршать. Это его кладбище. Никт чувствовал, что оно пытается его спрятать, защитить, и сопротивлялся. Нужно было, чтобы враги его заметили.

Он увидел Неемию Трота и приостановился.

— Бонжур, юный Никт! — воскликнул поэт. — Я слышал, что в наших пенатах переполох, что ты носишься по сей обители подобно горящей комете по небосклону. Что случилось, друг мой?

— Стойте там! — сказал Никт. — Прямо там, где вы есть. Смотрите туда, откуда я пришел. И скажите мне, когда он подойдет ближе.

Никт обошел покрытую плющом могилу Карстерса и остановился, шумно дыша, будто запыхался.

Он стоял спиной к своему преследователю. Ждать пришлось всего несколько секунд, но они показались вечностью.

— Он тут, юноша, — сказал Неемия Трот. — Шагах в двадцати за тобой.

Джек по фамилии Кеч увидел мальчика и туго натянул черный шелковый шнурок. За многие годы шнурок побывал на многих шеях — с неизменным результатом. Он был очень прочный и практически невидимый.

Охотник видел дичь и не хотел ее спугнуть. Шевельнув усами, он начал приближаться, бесшумно, как тень.

Мальчик выпрямился.

Джек Кеч метнулся вперед. Начищенные черные туфли беззвучно ступали по листьям.

— Бежит сюда! — крикнул Неемия Трот.

Мальчик обернулся. Джек Кеч прыгнул…

…и вдруг земля ушла у него из-под ног. Кеч ухватился за воздух рукой, но упал в старую могилу, пролетел все двадцать футов и рухнул на гроб мистера Карстерса, разбив крышку и одновременно раздробив себе щиколотку.

— Один готов, — спокойно сказал Никт, хотя внутри у него все дрожало.

— Ловко сработано! — восхитился Неемия Трот. — Я сложу об этом оду. Останешься послушать?

— Некогда. Где остальные?

Евфимия Хорсфолл сказала:

— Трое на юго-западной тропе, идут на холм.

Том Сэндс добавил:

— И еще один обходит часовню. Тот, кто весь месяц шлялся по кладбищу. Но он теперь какой-то другой.

— Проследите за тем, кто остался в могиле, — и извинитесь за меня перед мистером Карстерсом… — попросил Никт.

Он нырнул под сосновую ветку и прыжками обогнул холм, перескакивая с дорожек на землю, с памятников на камни, чтобы было быстрее.

Старая яблоня.

— Еще четверо! — раздался звонкий голосок. — Четверо, и все опытные убийцы. Все в разрытые могилы не свалятся.

— Привет, Лиза! Я думал, ты на меня еще злишься.

— Может, злюсь, а может, и нет. — (Никт слышал голос, но не видел ее.) — Только я им тебя в обиду не дам.

— Тогда ставь им подножки, сбивай с пути, мешай. Сможешь?

— А ты побежишь дальше? Никто Оуэнс, *поблекни* и спрячься в уютной маменькиной гробничке. Там тебя никогда не найдут. Скоро вернется Сай-

лес и всех прогонит.

— Может, вернется, а может, и нет, — ответил Никт. — Встретимся у дерева, сожженного молнией.

— Я с тобой не разговариваю! — заявила Лиза Хемпсток, гордая, как павлин, и задиристая, как воробей.

— А сейчас ты что делаешь?

— Просто случай такой, важный. А потом слова от меня не дождешься.

Никт побежал к дубу, в который двадцать лет назад ударила молния. Обугленное дерево напоминало черную руку, вцепившуюся в небо.

У Никта был план — правда, не слишком надежный. Все зависело от того, запомнил ли он уроки мисс Лупеску и всё, что видел и слышал в детстве.

Ту самую могилу он искал дольше, чем рассчитывал, но все-таки нашел: уродливая, скособоченная, на надгробии безголовый ангел в потеках воды, больше похожий на гигантский гриб. Никт коснулся надгробия, почувствовал холод и понял, что не ошибся.

Он присел на могилу и заставил себя полностью проявиться.

— Ты не *поблек*, — сказал Лизин голос. — Тебя

любой найдет.

— Вот и хорошо. Я хочу, чтобы меня нашли.

— Дурень Джек не может всех видеть, а дурня Джека видят все! — хмыкнула Лиза.

Над самым горизонтом повисла огромная луна. Никт подумал, не посвистеть ли и не покажется ли это слишком явным.

— Вижу его!

К нему, спотыкаясь и поскальзываясь, кто-то бежал. Еще двое следовали по пятам.

Никт видел, что вокруг столпились мертвые и наблюдают за происходящим, но заставил себя не обращать на это внимания. Он устроился поудобнее на уродливом надгробии, чувствуя себя червяком на крючке — ощущение не из приятных.

Громила с бычьей шеей добежал до могилы первым. За ним подоспели седой, который больше всех говорил, и высокий блондин.

Никт не двинулся с места.

Седой произнес:

— А-а! Полагаю, это неуловимый мальчик Дориан. Поразительно! Наш Джек Фрост рыщет за тобой по всему миру, а ты, оказывается, тут, где он оставил тебя тринадцать лет назад.

— Этот человек убил моих родных.

— Совершенно верно!

— Зачем?

— Разве это важно? Ты все равно никому не расскажешь.

— Значит, у вас ничего не отвалится, если вы мне расскажете.

Седой лающе рассмеялся.

— Ха! Забавный мальчик. Мне вот что любопытно: как ты умудрился прожить тринадцать лет на кладбище так, что никто об этом не узнал?

— Я отвечу на ваши вопросы, если вы ответите на мои.

Быкоподобный возмутился:

— Сопляк, с мистером Денди так не говорят! Да я тебя разорву, я…

Седой на шаг подступил к могиле.

— Тихо, Джек Тар! Что ж, ответ за ответ. Мы — мои друзья и я — члены некоей организации, братства, известного как «Джеки-мастера-на-все-руки», «Валеты-всех-мастей» и под многими другими именами. Мы очень древняя организация. Мы знаем… помним то, о чем все забыли. Владеем Древним Знанием.

— Волшебством. Вы владеете волшебством.

Тот любезно кивнул.

— Можно сказать и так. Но наше волшебство

особое. Есть магия, которая возникает в момент смерти. Что-то покидает мир, что-то приходит в него.

— И вы убили моих родных для… для чего? Чтобы получить волшебную силу? Не верю.

— Нет. Мы должны были убить тебя, чтобы защитить себя. Давным-давно один из наших людей — это было в Египте, еще во времена пирамид, — предсказал, что однажды родится ребенок, который будет ходить по грани между живыми и мертвыми. Если этот ребенок вырастет, наш орден и всё, за что мы ратуем, погибнет. Нам строили гороскопы еще до того, как появилась деревушка под названием Лондон. Мы следили за твоими предками еще до того, как Новый Амстердам назвали Нью-Йорком. За тобой был послан, как мы считали, лучший, умнейший и опаснейший изо всех джеков[25]. Он должен был сделать всё правильно, забрать, скажем так, плохую карму и заставить ее работать на нас, чтобы мы в ус не дули еще пять тысяч лет. Но он этого не сделал.

Никт посмотрел на них.

---

[25] Примечания: 25

Это распространенное имя носили Джек Потрошитель, Джек-из-Теней из одноименного романа Желязны и многие другие вымышленные и реальные персонажи.

— И где же он? Почему его тут нет?

Блондин сказал:

— Мы и сами с тобой разберемся. У нашего Джека Фроста отличный нюх. Он идет по следу твоей подружки. Нельзя оставлять свидетелей, больно уж дело щекотливое.

Никт вцепился руками в сорняки, которые росли на неухоженной могиле, и сказал только одно:

— Хотите меня — берите!

Блондин расплылся в улыбке. Человек с бычьей шеей потянулся к нему рукой. Даже мистер Денди — да, да! — шагнул вперед.

Никт изо всех сил впился пальцами в траву, оскалился и произнес три слова на языке, который был древним еще до рождения Человека-индиго.

— Скагх! Тегх! Хавагах!

Он открыл упырью дверь.

Надгробие поднялось, как крышка люка. В глубокой дыре под дверью Никт увидел мерцающие огоньки звезд.

Человек-бык, мистер Тар, который стоял на самом краю, от неожиданности свалился в темноту.

Мистер Нимбл вытянул руки и прыгнул к Ник-

ту. В зените прыжка он замер и на мгновение завис, а потом его как будто всосало в пропасть.

Мистер Денди остановился на каменном уступе и посмотрел вниз. Потом поднял глаза на Никта и скупо усмехнулся.

— Не знаю, что это за трюк, но тебе он не удался.

Мистер Денди вынул из кармана руку в перчатке. В ней оказался пистолет. Он навел его прямо на Никта.

— Зря я сам не приехал тринадцать лет назад. Никому нельзя доверять. Все важное надо делать самому.

Из открытой упырьей двери дунул горячий и сухой ветер с песком.

Никт сказал:

— Там, внизу, пустыня. Если поискать, можно найти воду. И даже пищу, только не ссорьтесь с ночными мверзями. Держитесь подальше от Гульгейма. Упыри или сотрут вашу память и сделают вас такими же, как они, или дождутся, пока вы сгниете, а потом съедят. И то и другое плохо.

Ствол пистолета не дрогнул.

— Почему ты мне все это говоришь?

Никт кивнул в сторону:

— Из-за них.

Мистер Денди отвел глаза всего на миг, и Никт *поблек*. Когда мистер Денди вернулся к нему взглядом, того уже не было. Из глубины ямы донесся крик, похожий на одинокий вопль ночной птицы.

Убийца наморщил лоб и стал озираться. Он не мог прийти в себя от ярости и удивления.

— Где ты? — прорычал он. — Дьявол тебя побери! Где ты?

Ему показалось, что он услышал голос:

— Упырьи двери предназначены для того, чтобы открываться и закрываться. Их нельзя оставлять открытыми. Они сами стремятся закрыться.

Край ямы задрожал. Когда-то, давным-давно, мистер Денди пережил землетрясение в Бангладеш. Сейчас земля затряслась так же, и он упал. Он свалился бы во тьму, но вцепился в упавший надгробный камень. Он не знал, что там, в темноте, и не горел желанием это выяснять.

Земля все дрожала. Под тяжестью тела камень начал сдвигаться.

Мистер Денди поднял глаза. Мальчик стоял над ним.

— Сейчас я дам вратам закрыться. Думаю, если вы будете держаться, они все равно закроются и

раздавят вас или же поглотят и сделают своей частью. Точно не знаю. Но я даю вам шанс выжить. Это больше, чем вы дали моей семье.

Серия толчков. Мистер Денди заглянул в серые глаза мальчика и выругался.

— Ты от нас не уйдешь! Мы — джеки-мастера-на-все-руки! Мы везде. Это еще не конец!

— Для вас — конец, — ответил Никт. — Конец вашим людям и всему, за что вы боролись. Как и предсказывал ваш египтянин. Вы меня не убили. Вас было много. А теперь все закончилось. — Никт улыбнулся. — Вот чем занимается Сайлес, так? Вот где он пропадает…

По лицу мистера Денди Никт понял, что прав. А что мистер Денди собирался ответить, Никт так и не узнал, потому что тот разжал пальцы и медленно упал в открытую упырью дверь.

— Вегх Харадос!

Упырья дверь снова стала обычной могилой.

Кто-то дернул Никта за рукав. Снизу на него смотрел Фортинбрас Бартлби.

— Никт! Человек у часовни. Он идет наверх!

Человек по имени Джек шел на запах. Он отстал от других для того, чтобы вонь одеколона Джека Денди не мешала различать тонкие оттенки запахов.

Здесь мальчишку было не учуять: он пах кладбищем. А вот девочка пахла домом своей матери, капелькой духов, которую брызнула на шею перед школой. И еще она пахла жертвой, добычей, пóтом страха. Где бы она ни была, мальчишка рано или поздно туда явится.

Человек по имени Джек крепче сжал нож и пошел в гору. Он почти добрался до вершины холма, когда почувствовал — и понял, что инстинктивное ощущение верно, — что Джека Денди и остальных больше нет. Что ж, прекрасно. Больше будет места наверху. Когда Джек не смог убить всю семью Дорианов, его продвижение в ордене застопорилось, словно ему перестали доверять.

Теперь — очень скоро — все изменится.

На вершине человек по имени Джек потерял запах девочки. Однако он знал, что она где-то рядом, и пошел обратно по собственным следам, принюхиваясь. Шагов через двадцать он снова уловил слабый аромат ее духов. Маленький мавзолей с запертой металлической оградой. Джек потянул за ручку калитки, и та распахнулась.

Запах стал сильнее. Джек чуял, что жертва боится. Один за другим он сдвинул гробы с полок, швырнул на пол. Старая древесина трескалась, содержимое вываливалось. Нет, в гробу ее нет…

Где же?

Он осмотрел стену — никаких потайных дверей. Опустился на четвереньки, вытащил последний гроб и засунул руку за него. Дыра…

— Скарлетт! — крикнул он, пытаясь вспомнить, как позвал бы ее, будучи мистером Фростом.

Этой части себя он лишился, когда снова стал человеком по имени Джек. Он заполз в дыру.

Когда наверху загрохотало, Скарлетт осторожно спустилась по ступенькам, держась левой рукой за стену и освещая себе дорогу брелком. Она добралась до конца лестницы и отошла подальше в пещеру. Сердце глухо колотилось.

Ей было страшно. Она боялась хорошего мистера Фроста и его ужасных приятелей, боялась этого подземелья и связанных с ним воспоминаний. Если честно, она немного боялась и Никта. Он был уже не загадочным тихим мальчиком из ее детства, а кем-то — или чем-то? — другим.

«Интересно, что сейчас делает мама, — подумала она. — Наверное, звонит мистеру Фросту, чтобы узнать, когда я приеду. Если выберусь отсюда живой, заставлю ее купить мне телефон. Абсурд какой-то: только у меня в классе нет сотового. Я скучаю по маме…»

Скарлетт даже не думала, что можно так тихо

двигаться в темноте. Ее рот закрыла рука в перчатке. Голос, в котором лишь слегка угадывался голос мистера Фроста, сказал без всяких эмоций:

— Будешь умничать или трепыхаться, перережу тебе горло. Кивни, если поняла.

Скарлетт кивнула.

Никт увидел хаос на полу мавзолея Фробишеров, упавшие гробы и разбросанное содержимое. Вокруг столпились Фробишеры, а также несколько Петтиферов — все в разной степени расстройства и возмущения.

— Он уже там, — сообщил Эфраим.

— Спасибо.

Никт пролез в дыру и пошел вниз.

Зрением мертвых Никт различал и ступени, и пещеру внизу. Добравшись до середины лестницы, он увидел, что человек по имени Джек держит Скарлетт: выкрутил ей руку за спину, а к горлу прижал большой острый нож.

— Привет, мальчик! — бросил Джек в темноту.

Никт ничего не сказал. Он старательно *поблек* и сделал еще шаг вперед.

— Думаешь, я тебя не вижу. И ты прав. Я тебя не вижу. Но я чую твой страх. И я слышу, как ты движешься, как дышишь. Теперь, когда я знаю твои трюки, я тебя чувствую. Скажи что-нибудь.

Подай голос, не то я начну кромсать эту юную особу на кусочки. Ты меня понял?

— Да, — отдался эхом голос Никта. — Понял.

— Хорошо. Иди сюда. Мы с тобой побеседуем.

Никт начал спускаться в пещеру. Он думал о страхе, о том, как вызвать в убийце панику, сделать ощутимым ужас…

— Прекрати, — сказал человек по имени Джек. — Что бы ты ни делал. Прекрати.

Никт послушался.

— Думаешь, со мной твои фокусы пройдут? Да ты знаешь, кто я такой, мальчик?

— Ты Джек. Один из многих джеков. Ты убил мою семью. И должен был убить меня.

Джек приподнял бровь.

— Должен был?

— О, да. Старик сказал, если ты допустишь, чтобы я стал взрослым, твой орден погибнет. Я вырос. Ты меня не убил — и проиграл.

— Орден древнее Вавилона! Ему ничто не страшно.

— А ты не знаешь, да? — Никт уже стоял в пяти шагах от человека по имени Джек. — Эти четверо — они были последними джеками. Как их… Краков, Ванкувер и Мельбурн. Там все мертвы.

Скарлетт взмолилась:

— Никт, пожалуйста! Скажи, чтоб он меня отпустил!

— Не волнуйся, — сказал Никт, хотя сам спокойствия не чувствовал.

Он обратился к Джеку:

— Нет смысла причинять ей вред. Нет смысла убивать меня. Разве ты не понял? Ордена джеков-мастеров-на-все-руки больше нет. Нет.

Джек задумчиво кивнул.

— Если это правда и я теперь Джек-одиночка, у меня есть прекрасный повод убить вас обоих.

Никт промолчал.

— Гордость. Я горжусь своей работой. Горжусь, что смогу закончить то, что начал… Ты что делаешь?

Волосы Никта встали дыбом. По пещере щупальцами расползлось тонкое, как дым, присутствие.

— Это не я. Это Слир. Он охраняет спрятанное здесь сокровище.

— Не ври.

Скарлетт вмешалась:

— Он не врет! Это правда.

— Правда? Сокровище? Только не надо…

— СЛИР СТЕРЕЖЕТ СОКРОВИЩЕ ДЛЯ ГОСПОДИНА.

— Кто это сказал? — огляделся человек по имени Джек.

— Ты слышал? — недоуменно спросил Никт.

— Слышал.

— Я ничего не слышала, — сказала Скарлетт.

— Что это за место, мальчик? Где мы? — спросил Джек.

Прежде, чем Никт успел заговорить, по пещере эхом разнесся голос Слира:

— ЗДЕСЬ СОКРЫТО СОКРОВИЩЕ. ЗДЕСЬ СПРЯТАНА СИЛА. ЗДЕСЬ СЛИР СТОИТ НА СТРАЖЕ ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ ГОСПОДИНА.

— Джек… — начал Никт.

Человек по имени Джек склонил голову набок.

— Приятно слышать из твоих губ мое имя, мальчик. Говори ты его почаще, я бы нашел тебя скорее.

— Джек, как меня звали на самом деле? Как называли меня родные?

— А зачем это тебе?

— Слир мне сказал: отыщи свое имя. Как меня звали?

— Дай подумать… Может, Питер? Или Пол? Или Родерик… Да, похож на Родерика. Или все-таки Стивен…

Джек явно развлекался.

— Мог бы и сказать. Все равно ты меня убьешь.

Джек пожал плечами и кивнул, словно говоря: естественно, убью.

— Я хочу, чтобы ты отпустил ее. Отпусти Скарлетт.

Джек всмотрелся в темноту:

— Это алтарный камень, верно?

— Думаю, да.

— Тут есть нож? Кубок? И брошь?

Он улыбнулся: восторженно, удивленно — будто сделал для себя какое-то открытие. Скарлетт не видела в темноте (только внутри глаз иногда взрывались вспышки света), но услышала восторг в голосе Джека:

— Итак, с Братством покончено и собраний не будет! Но если кроме меня не осталось джеков-мастеров-на-все-руки, какая разница? Я создам новое братство и наделю его еще большей властью.

— ВЛАСТЬ, — эхом отозвался Слир.

— Прекрасно! — воскликнул человек по имени Джек. — Невероятно! Мы оказались в месте, которое мои люди искали тысячи лет, и все готово к церемонии. Хочешь не хочешь, а поверишь в провидение! Или в силу молитв многих поколений джеков. В самый черный миг нам дарят… это.

Никт чувствовал, что Слир вслушивается в слова Джека, и в пещере нарастает ропот волнения.

Человек по имени Джек сказал:

— Мальчик, сейчас я протяну руку. Скарлетт, нож у твоего горла — не пытайся убежать, когда я тебя отпущу. Мальчик, ты положишь мне в руку кубок, нож и брошь.

— СОКРОВИЩА СЛИРА, — прошептал тройной голос. — ВСЕГДА ВОЗВРАЩАЮТСЯ. МЫ СТЕРЕЖЕМ ИХ ДЛЯ ГОСПОДИНА.

Никт наклонился, снял предметы с алтаря и положил их в раскрытую перчатку Джека. Тот ухмыльнулся.

— Скарлетт! Сейчас я тебя отпущу. Когда я отниму нож, ляг лицом вниз, сцепив руки за головой. Двинешься или будешь шуметь, я убью тебя больно. Поняла?

Она сглотнула. В горле пересохло, но она, дрожа, шагнула вперед. Правая рука, заломленная к пояснице, онемела, в плече кололо. Скарлетт прижалась щекой к утоптанной земле.

«Мы погибли», — равнодушно подумала она. Ей казалось, будто она наблюдает за всем со стороны, видит сюрреалистическую постановку или игру «убийство в темноте». По звуку она поняла, что Джек прочно вцепился в Никта…

— Отпусти ее, — сказал голос Никта.

Джек:

— Если будешь меня слушаться, я ее не убью. Даже пальцем не трону.

— Я тебе не верю. Она сможет тебя узнать.

— Нет, — уверенно ответил тот. — Не сможет… Десять тысяч лет, а нож еще острый! — Восхищение в его голосе было почти осязаемым. — Мальчик, встань на алтарь на колени. Руки за спину. Ну же.

— МЫ СТОЛЬКО ЖДАЛИ, — сказал Слир, но Скарлетт услышала только шорох, словно вокруг пещеры начали обвиваться огромные скользкие кольца.

А Джек слышал слова.

— Мальчик, хочешь узнать свое имя, прежде чем я пролью на камень твою кровь?

Никт почувствовал холодок лезвия у шеи. И тут он все понял. Все замедлилось, стало четким и ясным.

— Я знаю свое имя! Я Никто Оуэнс. Вот мое имя.

Стоя на коленях на холодном алтарном камне, он наконец увидел перед собой путь.

— Слир, — бросил Никт в пещеру. — Тебе еще нужен господин?

—

СЛИР СТЕРЕЖЕТ СОКРОВИЩА ДО ВОЗВРАЩЕНИЯ ГОСПОДИНА.

— Так разве ты не нашел господина, которого искал?

Он почувствовал, как Слир медленно разматывается. Раздался шорох, похожий на скрежет тысячи сухих ветвей. Что-то огромное и сильное обвилось вокруг пещеры. И тут Никт впервые увидел Слира. Потом он так и не смог описать увиденное: да, огромный, тело как у гигантской змеи. А голова?.. Голов и шей было три, и они были мертвыми, словно кто-то сшил кукол из останков людей и животных. Морды, покрытые фиолетовыми и синими узорами-татуировками, казались дикими, выразительными и в то же время чудовищными. Морды Слира опасливо обнюхали воздух вокруг Джека, будто хотели его погладить или приласкать.

— Что происходит? — спросил Джек. — Что это? Зачем это?

— Его зовут Слир. Он охраняет это место. Ему нужен господин, которому он будет подчиняться.

Джек поднял каменный нож.

— Великолепно! Конечно, он ждал меня, — сказал он себе. — И конечно, я и есть его новый

господин.

Слир окружил всю пещеру.

— ГОСПОДИН? — переспросил он, радуясь, как собака, которая очень долго и терпеливо ждала хозяина. — ГОСПОДИН? — повторил он, пробуя это слово на вкус. Вкус оказался приятным, и Слир повторил в третий раз, счастливо вздыхая: — ГОСПОДИН…

Джек посмотрел на Никта.

— Тринадцать лет назад я тебя упустил. Теперь… теперь мы снова вместе. Орден погиб, родился новый. Прощай, мальчик!

Одной рукой он прижал нож к горлу мальчика, в другую взял кубок.

— Никт, — поправил его тот. — Не мальчик. Никт. — И поднял голос. — Слир! Что ты сделаешь со своим новым господином?

Слир вздохнул:

— МЫ БУДЕМ ХРАНИТЬ ЕГО ДО КОНЦА ВРЕМЕН. МЫ НАВЕЧНО ЗАКЛЮЧИМ ЕГО В ОБЪЯТИЯ И НЕ ОТПУСТИМ В ЭТОТ ОПАСНЫЙ МИР.

— Так защищай его, — сказал Никт. — Начни прямо сейчас.

— Я твой господин. Ты подчиняешься мне! — сказал человек по имени Джек.

— СЛИР СТОЛЬКО ЖДАЛ! — торжествующе про-

изнес тройной голос Слира. — СТОЛЬКО ЖДАЛ!

Слир уже опоясывал человека по имени Джек огромными ленивыми кольцами.

Джек выронил кубок. Теперь у него в каждой руке было по ножу: в одной — кремневый, в другой — стальной, с черной костяной рукояткой.

— Отойди! Не трогай меня! Прочь!

Он взмахнул ножом. Слир обвился вокруг и резким движением сомкнул кольца.

Никт подбежал к Скарлетт и помог ей встать.

— Я хочу видеть! — сказала она. — Я хочу видеть, что происходит.

Она достала свой брелок, включила…

И увидела не то, что Никт. Слира она не видела, и это было хорошо. Но она различила в темноте человека по имени Джек, его испуганное лицо, которое снова стало напоминать мистера Фроста. Ужас сделал его тем самым дружелюбным чудаком, который подвозил ее домой. Джек висел в воздухе сначала в пяти, потом в десяти футах над землей, и яростно полосовал двумя ножами что-то невидимое.

Мистера Фроста, или человека по имени Джек, или кого-то еще подтянули к самой стене пещеры. Он замер, потом задергал растопыренными руками и ногами.

Скарлетт показалось, что мистера Фроста вжимают в стену, втягивают в камень, заглатывают. Осталось только лицо. Он дико и отчаянно кричал, требовал, чтобы Никт приказал существу остановиться, умолял спасти его… Потом лицо тоже утонуло в стене, и голос замолк.

Никт подошел к алтарю. Поднял каменный нож, кубок и брошь и положил на прежнее место. Черный металлический нож не тронул.

Скарлетт сказала:

— Ты, кажется, говорил, что Слир безобидный. Я думала, он нас пугает.

— Да, — ответил Никт. — Но он хотел найти себе господина, чтобы его защищать. Он сам мне сказал.

— То есть ты знал! Ты знал, что так будет…

— Да. Надеялся.

Он помог ей выбраться по лестнице в разоренный мавзолей Фробишеров.

— Я потом обязательно здесь все приберу, — бросил через плечо Никт.

Скарлетт старалась не смотреть на то, что валялось на полу.

Они вышли на кладбище. Скарлетт тусклым голосом повторила:

— Ты знал, что так будет.

На этот раз Никт промолчал.

Она смотрела на него, словно не верила своим глазам.

— Ты знал. Что Слир его заберет. И поэтому спрятал меня там? Да? Я была наживкой?

— Не совсем. Мы ведь живы, правда? И нас он больше не тронет.

В Скарлетт начали расти гнев и ярость. Страх улетучился, осталось только желание обидеть Никта, накричать на него. Она изо всех сил сдерживалась.

— А эти, остальные? Их ты тоже убил?

— Я никого не убивал.

— Так где же они?

— Один — на дне глубокой могилы со сломанной лодыжкой. Еще трое — ну, они далеко отсюда.

— Ты их не убил?

— Конечно нет. Это мой дом. Мне не нужно, чтобы они потом тут болтались. Послушай, всё хорошо. Я с ними разобрался.

Скарлетт попятилась.

— Ты не человек! Люди так себя не ведут. Ты ничем не лучше него. Ты чудовище!

Кровь отхлынула от лица Никта. После всего, что он пережил этой ночью, после всего, что слу-

чилось, этот удар оказался самым тяжелым.

— Нет. Ты не поняла.

Скарлетт сделала еще пару шагов назад.

Она уже готова была броситься прочь, отчаянно побежать по залитому лунным светом кладбищу, как вдруг ее взял под локоть высокий мужчина в черном бархатном костюме.

— Боюсь, вы к Никту несправедливы. Впрочем, вам, несомненно, будет легче всё это забыть. Давайте пройдемся и обсудим, что с вами произошло последние несколько дней, что разумнее будет запомнить, а что — стереть из памяти.

— Сайлес! — сказал Никт. — Так нельзя! Не заставляй ее забыть меня!

— Так будет спокойнее, — просто ответил Сайлес. — И ей, и всем нам.

— А я… от меня ничего не зависит? — спросила Скарлетт.

Сайлес промолчал. Никт шагнул к Скарлетт:

— Послушай, все кончилось. Я знаю, это было тяжело. Но… мы же справились. Ты и я. Мы их победили!

Она замотала головой, словно отрицая всё, что видела, всё, что с ней было.

Потом посмотрела на Сайлеса:

— Отведите меня домой. Пожалуйста.

Сайлес кивнул и повел ее по дороге через ворота кладбища. Никт смотрел на уходившую Скарлетт, надеясь, что она оглянется, улыбнется или хотя бы посмотрит на него без страха в глазах. Но Скарлетт не оглянулась. Она просто ушла.

Никт вернулся в мавзолей. Чтобы чем-то занять себя, он стал поднимать гробы, собирать обломки дерева и скелеты. Но даже сами столпившиеся вокруг Фробишеры и Петтиферы не знали, где теперь чьи кости.

Скарлетт привел домой незнакомец. Ее мать никак не могла вспомнить, что именно он сказал, помнила только, что обаятельный Джей Фрост вынужден был срочно покинуть город.

Незнакомец поговорил с ними на кухне про их жизнь и планах, и к концу беседы мать Скарлетт решила вернуться в Глазго: Скарлетт будет рада жить поближе к отцу и старым друзьям.

Сайлес оставил девочку и мать на кухне обсуждать проблемы переезда в Шотландию. Нуна еще пообещала купить Скарлетт телефон, и они почти забыли о Сайлесе — что тому и было нужно.

Сайлес вернулся на кладбище и нашел Никта в амфитеатре у обелиска. Тот сидел с застывшим лицом.

— Как она?

— Я забрал ее воспоминания, — ответил Сайлес. — Девочка с матерью вернутся в Глазго. Там у нее друзья.

— Как ты мог заставить ее забыть меня?

Сайлес ответил:

— Люди стремятся забыть невозможное. Так мир кажется им безопаснее.

— Она мне нравилась.

— Мне очень жаль.

Никт хотел улыбнуться, но не смог.

— Те люди… Они говорили о Кракове, Мельбурне и Ванкувере. Там был ты, верно?

— Не один, — ответил Сайлес.

— Мисс Лупеску? — спросил Никт и, не получив ответа, добавил: — У нее все хорошо?

Сайлес покачал головой, и, к ужасу Никта, его лицо исказилось.

— Она храбро сражалась. За тебя, Никт.

Никт сказал:

— Человека по имени Джек забрал Слир. Еще трое упали в упырью дверь. Один лежит со сломанной ногой, еще живой, в могиле Карстерса.

Сайлес сказал:

— Последний из джеков. До рассвета надо будет с ним побеседовать.

На кладбище дул холодный ветер, но ни мужчина, ни мальчик этого не чувствовали.

Никт сказал:

— Она стала меня бояться.

— Да.

— Но почему? Я спас ей жизнь. Я не плохой. Я совсем такой же, как она. Я тоже живой… А как погибла мисс Лупеску?

— Храбро. В бою. Защищая других.

Глаза Никта потемнели.

— Мог бы принести ее сюда. Похоронить здесь. Тогда я бы мог с ней говорить.

— Такой возможности не было, — ответил Сайлес.

У Никта защипало глаза.

— Она звала меня Нимени. Больше никто и никогда не будет так меня звать.

Сайлес сказал:

— Сходим куда-нибудь поесть?

— Вместе? Ты хочешь, чтобы я пошел с тобой? За пределы кладбища?

— Больше никто на тебя не охотится. Им не до того. Так что — да, вместе. Что ты хочешь съесть?

Никт хотел было сказать, что не голоден, но понял, что солгал бы. Его чуть подташнивало,

кружилась голова, и все-таки он ужасно проголодался.

— Может, пиццу?

Они пошли к воротам. По пути Никт встречал обитателей кладбища, но они молча пропускали мальчика с опекуном и только смотрели им вслед.

Никт пытался поблагодарить их за помощь, сказать спасибо, но они не отвечали.

В пиццерии было очень светло, светлее, чем Никт привык. Они сели у задней стены, и Сайлес показал ему, как пользоваться меню и заказывать еду. (Себе Сайлес попросил стакан воды и маленькую порцию салата, в котором долго ковырялся вилкой, так и не поднеся ко рту ни кусочка.)

Никт ел пиццу руками, кусок за куском, и не задавал вопросов. Сайлес расскажет всё в свое время — или не расскажет никогда.

— Мы знали о них — о джеках — давно, очень давно, — начал Сайлес. — Знали по результатам их действий. Мы подозревали, что за этим стоит некая организация, но они слишком хорошо скрывались. Потом они начали охотиться на тебя, убили твою семью. И со временем я напал на их след.

— Мы — это ты и мисс Лупеску?

— Мы и такие, как мы.

— Почетная гвардия.

— Откуда ты… Впрочем, неважно. Как говорится, у маленьких кувшинов большие уши… Да. Почетная гвардия.

Сайлес взял в руки воду, поднес к губам, смочил их и поставил стакан на полированный черный стол.

Столешница была почти зеркальной, и если бы кто-то присмотрелся, то увидел бы, что высокий мужчина в ней не отражается.

— Значит… Теперь, когда ты… ты с ними разобрался, ты останешься со мной?

— Я дал слово, что буду здесь, пока ты не вырастешь.

— Я вырос.

— Нет. Почти вырос. Но не совсем.

Сайлес положил на стол десятифунтовую бумажку.

— Девочка… Скарлетт… Почему она так меня боялась, Сайлес?

Тот ничего не ответил, и вопрос повис в воздухе. Мужчина и подросток вышли из ярко освещенной пиццерии в гостеприимную темноту. Очень скоро их поглотила ночь.

Глава 8
РАССТАВАНИЯ И ПРОЩАНИЯ

временами он переставал замечать мертвых. Началось это месяц-два назад, то ли в апреле, то ли в мае. Сперва бывало изредка, теперь — все чаще и чаще.

Мир менялся.

Никт побрел в северо-западную часть кладбища, в заросли плюща на Египетской аллее. Посреди дорожки беседовали рыжая лиса и большой черный кот с белым воротником и носочками. Увидев Никта, они встрепенулись и убежали в кусты, словно заговорщики, застигнутые на месте преступления.

«Странно», — подумал он. Лису эту он знал с щенячьего возраста, да и кот рыскал по кладбищу, сколько Никт себя помнил. Они всегда узнавали Никта, а в особо дружелюбном расположении духа даже позволяли себя погладить.

Никт хотел пройти сквозь плющ, но тот не поддавался. Тогда он наклонился, раздвинул листья и кое-как протиснулся дальше. Никт шел по дорожке осторожно, огибая ямы и выбоины,

пока не добрался до пышного надгробия Алонсо Тома Гарсии Джонса (1837–1905, «Путник, брось свой посох»).

Уже несколько месяцев Никт навещал его чуть ли не через день: Алонсо Джонс объездил весь мир и с большим удовольствием рассказывал о своих путешествиях. Сначала он вздыхал: «Жизнь моя была ужасно скучна». Потом мрачно добавлял: «И я тебе уже все рассказал». Но вдруг его глаза вспыхивали: «Впрочем, ты ведь не слышал про… мой побег из Москвы?» Или: «…Про то, как я лишился золотого прииска на Аляске?» Или: «…Про панику скота в пампе?» Никт обрадованно кивал, и вскоре его голова начинала кружиться от историй о храбрости, граничащей с безрассудством, об отчаянных авантюрах на лоне природы, поцелуях прекрасных дам, схватках на саблях и пистолетах, мешках золота, бриллиантах величиной с подушечку большого пальца, паровозах, клиперах, пампасах, океанах, пустынях и тундре.

Никт подошел к коническому надгробию — высокому, с изображением перевернутых факелов, — и подождал, но никого не увидел. Он позвал Алонсо Джонса по имени и даже постучал — ответа не было. Тогда Никт наклонился, чтобы заглянуть в могилу и позвать друга, но вместо

того, чтобы *скользнуть* сквозь камень, как светлая тень проходит сквозь темную, расшиб себе лоб. Никт позвал Алонсо снова, и опять безрезультатно. Он осторожно выпутался из зеленых джунглей и вернулся на дорожку. На кусте боярышника сидели три сороки, которые снялись и улетели при его приближении.

Он не видел ни единой души, пока не добрался до юго-западного склона. Там обнаружилась знакомая фигура матушки Хоррор, совсем крошечной в своем огромном капоре и салопе. Она ходила меж надгробий, опустив голову, и рассматривала выросшие самосевом цветы.

— Сюда, мальчик! Тут растут дикие, как их, натюрции. Соберешь мне букетик на могилку?

Никт набрал красных и желтых настурций и принес их к надгробию матушки Хоррор. Ее могильный камень так истерся и потрескался от непогоды, что на нем, к недоумению местных краеведов, осталось только две буквы: «ХО»

Никт уважительно положил цветы перед камнем.

Матушка Хоррор улыбнулась ему:

— Славный ты паренек! Уж и не знаю, что мы без тебя будем делать!

— Спасибо, — ответил Никт. — А где все? Вы

первая, кого я сегодня увидел.

Матушка Хоррор испытующе посмотрела на него.

— А что с твоим лбом?

— Ушибся о могилу мистера Джонса. Она была твердая…

Матушка Хоррор поджала губы и насупилась. Яркие глаза из-под капора внимательно осмотрели Никта.

— Я назвала тебя мальчиком, да? Но время летит быстро, ты теперь молодой человек, разве не так? Сколько тебе годков-то?

— Пятнадцать или вроде того. Только я такой же, как раньше.

Матушка Хоррор перебила его:

— А я все такая же девчонка, тонкая, как былинка, которая плела на старом пастбище венки из ромашек! Ты всегда ты, но ты меняешься, и с этим ничего не поделаешь.

Она присела на свое разбитое надгробие.

— Помню ночь, когда ты к нам пришел… Я им говорю: «Нельзя малыша отпускать», и твоя мама тоже. А они все спорят да голосят, пока не приехала Всадница на белом коне. «Народ Кладбища, — говорит, — послушайте матушку Хоррор. Неужто в вас не осталось ни капли милосердия?»

И тогда все со мной согласились.

Ее голос стих. Старушка покачала маленькой головой.

— Тут у нас мало что происходит, все дни как один. Только времена года меняются, плющ растет да камни падают. А ты… славно, что ты к нам заявился.

Она встала, вытащила из рукава замусоленный лоскуток, поплевала на него, встала на цыпочки и стерла кровь со лба Никта.

— Вот так-то лучше, — строго сказала она. — А то и не знаю, когда в следующий раз тебя увижу. Всего тебе доброго!

С каким-то странным чувством неловкости Никт отправился к гробнице Оуэнсов.

Отец и мать, к его радости, ждали Никта перед домом. Однако когда он приблизился, радость сменилась тревогой: почему мистер и миссис Оуэнс стоят по краям гробницы, словно фигуры с витража? Он не мог различить выражений их лиц.

Отец шагнул вперед:

— Добрый вечер, Никт! Надеюсь, ты в добром здравии.

— Не жалуюсь, — ответил Никт.

Так мистер Оуэнс всегда отвечал приятелям.

Мистер Оуэнс продолжал:

— Мы с миссис Оуэнс всю жизнь мечтали о своем чаде. И лучшего воспитанника, чем ты, и быть не могло.

Он с гордостью посмотрел на сына (для этого ему пришлось слегка задрать голову).

— Спасибо, конечно, но… — Никт повернулся к матери, думая, что уж она-то объяснит ему, что происходит. Но миссис Оуэнс куда-то пропала. — А где мама?

— А-а… Да… — Мистер Оуэнс замялся. — Ну, ты же знаешь Бетси. Всякое бывает. Когда не знаешь, что сказать. Ты понимаешь?

— Нет.

— Думаю, тебя ждет Сайлес, — сказал отец и тоже пропал.

Было уже за полночь. Никт отправился к старой часовне. Деревце, которое раньше торчало из сточного желоба, во время недавней грозы повалилось, обрушив несколько черных как деготь черепиц.

Никт сел на серую деревянную скамью. Сайлеса нигде не было видно.

Подул ветер. Было лето, когда сумерки длятся почти до утра и воздух не успевает остыть, но руки Никта покрылись гусиной кожей.

Голос у самого уха сказал:

— Скажи, что будешь по мне скучать, ты, недотепа!

— Лиза? — переспросил Никт. Он не слышал и не видел ведьмочку больше года — с той самой ночи джеков-мастеров-на-все-руки. — Ты где пропадала?

— Так, наблюдала со стороны. Ты кто такой, чтобы дама тебе всё докладывала?

— За мной смотрела?

Лиза заявила ему в самое ухо:

— Вот уж точно, живые недостойны своего дара, Никто Оуэнс! Кто-то из нас двоих слишком глуп, чтобы жить, и это не я. Скажи, что будешь по мне скучать.

— Ты куда-то собралась? — спросил Никт. — Конечно, я буду по тебе скучать, куда бы ты ни…

— Глупыш… — прошептала Лиза Хемпсток, и он почувствовал ее руку на своей. — Слишком глупый, чтобы жить.

Она коснулась губами его щеки, уголка рта… и нежно его поцеловала. Никт был так озадачен и растерян, что даже не знал, как на это реагировать.

— Я тоже буду по тебе скучать. Всегда, — сказал голос Лизы.

Никту взъерошило волосы — то ли ее рукой, то ли ветром. Он понял, что остался на скамейке один, и встал.

Никт подошел к часовне и достал из-под камня запасной ключ, оставленный давным-давно умершим сторожем. Отпер большую деревянную дверь, даже не проверяя, сможет ли пройти сквозь закрытую. Дверь с возмущенным скрипом открылась.

Внутри было темно, и Никт сощурился, пытаясь хоть что-то разобрать.

— Входи, Никт. — Это был голос Сайлеса.

— Я ничего не вижу, — сказал тот. — Слишком темно.

— Уже? — Сайлес вздохнул.

Бархатный шорох, чирканье спички. Зажглись две огромные свечи в резных деревянных канделябрах у дальней стены. Теперь Никт увидел опекуна и большой кожаный сундук — их называют кофрами. Кофр был такой большой, что в нем мог бы улечься калачиком высокий мужчина. Рядом стоял хорошо знакомый Никту черный кожаный саквояж Сайлеса.

Изнутри кофр был обит белой шелковой тканью. Никт сунул руку внутрь и коснулся сухой земли.

— Ты здесь спишь?

— Когда я далеко от дома, — ответил Сайлес.

Никт поразился: Сайлес был здесь, сколько он себя помнил, и даже больше!

— Разве твой дом не здесь?

Сайлес покачал головой.

— Мой дом очень, очень далеко отсюда. Если его еще можно назвать домом. На моей родине не все гладко, и я не знаю, что увижу по возвращении.

— Ты едешь домой? — спросил Никт. То, что казалось ему неизменным, менялось у него на глазах. — Ты правда уезжаешь? Но… Ты же мой опекун!

— Был опекуном. Теперь ты вырос и можешь сам о себе позаботиться. А у меня есть и другие обязанности.

Сайлес опустил крышку кофра и начал его застегивать.

— А тут мне остаться нельзя? На кладбище?

— Ни в коем случае, — ответил Сайлес непривычно мягко. — Никт, все здешние обитатели уже прожили свои жизни, пусть даже короткие. Теперь твоя очередь.

— А мне можно поехать с тобой?

Сайлес покачал головой.

— Мы еще увидимся?

— Пожалуй. — Никт уловил в его тоне нежность и что-то еще. — Правда, не знаю, увидишь ли ты меня, а вот я тебя — непременно. — Он отодвинул кожаный сундук к стене и подошел к двери в дальнем углу. — Пошли со мной.

Следом за Сайлесом Никт спустился по маленькой спиральной лестнице в крипту.

— Я взял на себя смелость собрать тебя в дорогу, — пояснил Сайлес.

На коробке заплесневелых псалтирей стоял миниатюрный близнец большого саквояжа.

— Все твое имущество уже там.

— Сайлес, расскажи мне про Почетную гвардию. Я знаю, мисс Лупеску была в ней, ты тоже. Кто еще? Вас много? Чем вы занимаетесь?

— Нас немного. Мало. Мы охраняем пограничные земли. Рубежи.

— Какие рубежи?

Сайлес промолчал.

— И боретесь с такими, как Джек и его люди?

— Мы делаем то, что до́лжно, — устало ответил Сайлес.

— И правильно! Вы ведь остановили джеков. Они были очень плохие. Просто чудовища!

Сайлес шагнул к Никту, и тому пришлось поднять голову выше, чтобы видеть бледное лицо

опекуна.

— Я не всегда жил правильно. В молодости… я вел себя хуже, чем Джек. Хуже их всех. Тогда я сам был чудовищем, Никт.

Никту даже не пришло в голову усомниться. Он был уверен, что опекун не обманывает его и не шутит, что это чистая правда.

— Но ты уже не чудовище, правда?

Сайлес ответил:

— Всегда можно измениться, — и замолчал.

Никту показалось, что он погрузился в воспоминания.

Наконец Сайлес произнес:

— Я горжусь, что был вашим опекуном, молодой человек. — Его рука исчезла в одежде и вернулась с потрепанным старым бумажником. — Это тебе. Возьми. — Никт взял бумажник, но не открыл. — Там деньги. Достаточно для начала новой жизни, но не более.

— Сегодня я ходил к Алонсо Джонсу, но его не было дома. А если и был, я не смог его увидеть. Я хотел послушать о далеких землях, в которых он побывал. Об островах, дельфинах, ледниках и горах. О странах, где люди по-другому одеваются и едят. — Никт заколебался. — Эти страны… Они ведь до сих пор существуют. То есть там, снаружи,

целый мир. Я смогу его увидеть? Поехать туда?

Сайлес кивнул.

— Да, снаружи целый мир. Во внутреннем кармане твоего саквояжа ты найдешь паспорт. На имя «Никто Оуэнс». Оформить его было непросто.

— А если передумаю, я смогу сюда вернуться? — спросил Никт и сам ответил на свой вопрос: — Я понял: кладбище никуда не денется, но перестанет быть мне домом.

— Проводить тебя до ворот?

Никт покачал головой.

— Лучше я сам. М-м… Сайлес, если когда-нибудь попадешь в беду, позови меня. Я приду и помогу.

— Я, — ответил Сайлес, — не попадаю в беды.

— Да, верно. И все-таки.

В крипте было темно, пахло плесенью и сырым камнем. Впервые она показалась Никту тесной.

— Я хочу увидеть жизнь. Ухватиться за нее обеими руками. Оставить след на песке пустынного острова. Поиграть с живыми людьми в футбол. Хочу… — Он задумался. — Хочу всего.

— Это хорошо, — сказал Сайлес. Он провел рукой по глазам, словно убрал волосы — очень не характерный для него жест. — Если я все же попаду в беду, я с тобой свяжусь.

— Но это ведь невозможно?

— Ты сам так сказал.

В уголке рта Сайлеса таилась то ли улыбка, то ли печаль, то ли просто тень.

— Тогда прощай, Сайлес! — Никт протянул руку, как делал в детстве.

Сайлес взял ее в свою, холодную, цвета старой слоновой кости, и торжественно потряс.

— Прощай, Никто Оуэнс!

Никт взял маленький саквояж, открыл крипту и не оглядываясь вышел на дорожку.

Ворота давно заперли. По дороге он думал, удастся ли ему пройти сквозь ограду или надо будет возвращаться в часовню за ключом. Однако боковая калитка была широко распахнута, словно ждала его, словно само кладбище с ним прощалось.

У калитки его ждала бледная полная женщина. Когда Никт подошел ближе, она улыбнулась, и в лунном свете в ее глазах блеснули слезы.

— Привет, мама, — сказал Никт.

Миссис Оуэнс потерла глаза кулаком, промокнула передником и покачала головой.

— Ты уже решил, чем займешься?

— Посмотрю мир, — ответил Никт. — Попаду в неприятности. Выберусь из неприятностей.

Побываю в джунглях, увижу вулканы, пустыни и острова. И людей. Я хочу встретить много-много людей.

Миссис Оуэнс молча выслушала его. А потом запела песню, которую Никт помнил с детства. Когда был совсем крохой, он часто слышал эту колыбельную.

Глазки, дитятко, закрой,
Спи, покуда спится.
Мир лежит перед тобой,
Трудно ошибиться…

— Ты не ошибаешься, — прошептал Никт. — И мир правда передо мной.

Ласки, танцы до упаду,
Имя, кровь, земные клады…

И тут миссис Оуэнс наконец вспомнила последние строчки:

Всё отыщешь, боль и радость,
Всё пускай случится.

— Все пускай случится, — повторил Никт. — Что ж, это не так легко устроить, но я постараюсь.

Он попытался обнять мать, как в детстве, но с таким же успехом мог бы поймать туман. На

дорожке уже никого не было.

Он шагнул вперед, за пределы кладбища, и услышал:

— Я так горжусь тобой, сынок!

Или это ему только почудилось.

Летнее небо на востоке уже светлело. Никт начал спускаться по холму, навстречу живым людям, городу и рассвету.

В саквояже был паспорт, в кармане — деньги. На губах Никта блуждала улыбка, правда, сдержанная: мир куда больше кладбища на холме. В нем будут опасности и тайны, новые друзья и воспоминания о старых, многие ошибки и долгие дороги. А потом настанет время вернуться на кладбище и прокатиться со Всадницей на широком крупе ее скакуна. Зато между «сейчас» и «потом» — целая Жизнь, в которую Никт вошел с широко распахнутыми глазами и открытым сердцем.

Послесловие переводчика

«Книга джунглей» Р. Киплинга называется по-английски «The Jungle Book», эта — «The Graveyard Book». Параллели с киплинговскими историями очевидны, да и сам Гейман их не скрывает: Оуэнсы — волчья семья, приютившая Маугли; упыри — бандерлоги; Слир напоминает Змеиный народ; ну, а Сайлес — Багира (как известно, в оригинале у Киплинга пантера мужского пола). Можно услышать отголоски и «Пака с холмов», и «Кима», и рассказов Р. Киплинга. Само имя главного героя наводит на мысли о еще более древних классических произведениях:

«…Славное имя мое ты, циклоп, любопытствуешь сведать,

С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне сделать подарок?

Я называюсь Никто; мне такое название дали

Мать и отец, и товарищи так все меня величают».

С злобной насмешкою мне отвечал лю-

доед зверонравный:

«Знай же, Никто, мой любезный, что будешь ты самый последний

Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой подарок…»

Гомер. «Одиссея»[26]

Надо сказать, Гейман не раз переосмысливал известные литературные образы и сюжеты. Детские народные песенки уже звучали, скажем, в рассказе «Дело сорока семи сорок», лавкрафтовские мотивы — в «Особом шогготском», «Этюде в изумрудных тонах» и других произведениях. Классический сюжет о взрослении героя обыгрывался в романах «Никогде», «Звездная пыль», «Дети Ананси». Дружба с потусторонними существами — это трогательный «Октябрь в председательском кресле».

Вот и в «Истории с кладбищем» эффектно сплетаются реальные исторические факты, персонажи собственных и чужих произведений и фантазии автора. (Здесь не могу не поблагодарить писательницу Н. Осояну за помощь с румынскими выражениями, критика и писателя

---

[26] Примечания: 26
Пер. В. Жуковского.

М. Назаренко за рассказ о кельтском боге Кернунносе (рогатая буква «С» в могильнике), редактора этой книги за неизменную поддержку в ликвидации переводческих — не авторских, эти остались в целости и сохранности! — анахронизмов, ну и, конечно, самого автора, который терпеливо и быстро отвечал на все вопросы, даже если переводчик захотел уточнить ареал обитания таинственной полярной гадюки.)

Пожалуй, лишь у самых талантливых писателей подобная смесь становится настолько цельным произведением. Возможно, дело в особом качестве геймановской прозы: ритмичной, музыкальной и образной. Благодаря умелой недосказанности и оригинальным метафорам даже штампованные фигуры вампира или оборотня в исполнении Геймана оказываются куда ярче и симпатичнее всех своих литературных прототипов. Восхищает и писательская логика: практически все развешанные ружья успевают выстрелить, все обитатели старого кладбища играют важную для развития сюжета роль, а калейдоскоп имен, манер и цветистых выражений из девяти веков истории Англии кажется вполне реалистичным.

Подобную литературу (можно вспомнить не

только «Гарри Поттера» Дж. Роулинг, но и «Темные начала» Ф. Пулмана, трилогию о Бартимеусе Дж. Страуда, «Артемиса Фаула» Й. Колфера и многое другое) западные критики нередко называют *crossover* (от англ. «переход» — детские произведения выходят за пределы возрастных рамок) или *kidult* (от англ. *kid* — «ребенок» и *adult* — «взрослый», адресованную современному поколению «не совсем повзрослевших взрослых»). Такие произведения многослойны: если «наивный читатель» будет в основном следить за приключениями героя, «вдумчивый» получит большее удовольствие от постмодернистской игры. «История с кладбищем» точно так же читается на разных уровнях, под разными углами, с разных точек зрения. И все же тем, кто возьмет в руки эту книгу, стоит хотя бы раз увидеть ее детскими глазами: усесться в мягкое кресло и под шум дождя перелистывать страницы светлой и грустной истории про мальчика, который вырос…

Е. Мартинкевич